

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 10

Донецк – 2020

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 10

Донецк – 2020

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Ответственный секретарь – к. филол. наук **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Фёдоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **В.И. Мозговой** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **А.Н. Стебунова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Г. Евсеева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **Л.Т. Сенчина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»); **А. Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Executive Secretary – Candidate of Philology **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **V.I.Mozgovoï** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **A.N.Stebunova** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.G.Jevseeva** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N.Panchekhina** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **L.T.Senchina** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V.M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **A.L. Factorovitch** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation); Doctor of Philology, Professor **V.I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 2 от 06.03.2020 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020

Словообразование и грамматика

УДК 81'42

Д.А. Брацун

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

СИСТЕМА АББРОКОНСТРУКТОВ АББРЕВИАТУРНОГО ПОЛЯ «ДОРОГА»

Статья посвящена формальному и ономаσιологическому описанию моделей эквивалентности сложносокращенных слов на примере аббревиатурно-ономаσιологического поля «дорога». Автором уточнено понятие аббревиатурно-ономаσιологическое поле, определены принципы заполнения ономаσιологического базиса «дорога» и его разновидности, проанализированы гнезда эквивалентности, в которых представлен ономаσιологический базис «дорога». Были установлены формальные модели эквивалентности аббревиатур, на основе семантических падежей установлены типы ономаσιологических признаков поля «дорога». Составлена обобщенная дешифровальная матрица ономаσιологического поля «дорога».

Ключевые слова: аббревиатурно-ономаσιологическое поле, ономаσιологический базис, сложносокращенное слово, дешифровальный стимул, гнездо эквивалентности.

Данное исследование посвящено определению особенностей образования и функционирования сложносокращенных слов, входящих в ономаσιологическое поле «дорога».

Актуальность темы обусловлена необходимостью определения понятия ономаσιологическое поле для разработки методик прогнозирования эквивалентности в его границах, что имеет своей целью улучшить технологии создания словарных статей «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка», составляемого Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Активизация процессов аббревиации и обнаружение ряда ранее не попадавших в поле зрения учёных явлений – различий диахронной и синхронной трактовок аббревиатур, различия инициальных и сложносокращенных аббревиатур, наличие множественной эквивалентности сложносокращенного слова на актуальном срезе языка – обусловили необходимость пересмотра традиционных взглядов на процессы образования и функционирования данных единиц.

Цель исследования – разработка моделей комплексного описания композитов на основе ономаσιологического подхода. Для ее достижения требуется решить ряд задач:

- 1) Определить принципы заполнения ономаσιологического базиса «дорога», наименованиями типов дорог – магистраль, аллея, путь и т.д. Определить их различие.
- 2) Проанализировать гнезда эквивалентности (далее – ГЭ), в которых представлен ономаσιологический базис *дорога*.
- 3) Выявить абброконструкты, обозначающие ономаσιологич. признак дороги.
- 4) Установить модели дешифровального стимула, представленные в гнездах с ономаσιологическим признаком дорога и периферийные модели, отмечаемые только в некоторых а) заполнениях базиса (магистраль, путь и т.п.), б) ГЭ.
- 5) Составить обобщенную дешифровальную матрицу ономаσιологического поля «дорога».

б) Представить ономаσιологические модели в гнездах эквивалентности, матрицу ономаσιологического поля «дорога».

Объект исследования – сложнокрашенные слова, входящие в аббревиатурное поле «дорога». Сложнокрашенным словом (далее – ССС) мы называем «единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктором (абброконструктором)» [8].

Предмет исследования – номинативный статус и механизмы формирования ономаσιологической структуры и формальной организации ССС, входящих в аббревиатурное поле «дорога»; формально-семантические особенности аббревиатур входящих в аббревиатурное поле «дорога» и эквивалентных им словосочетаний.

В современном языкознании ССС – предмет исследования многих ученых, описывающих структурные типы сложных слов и способы их образования, а также словообразовательный потенциал единиц композитопостроения и их взаимосвязь с исходной, производящей базой (напр., Н.В. Ситянина, Н.В. Макарова и др.).

Материал исследования – ССС, входящие в ономаσιологическое поле «дорога» и его разновидности, напр.: *автотрасса, велошоссе, гумкоридор* и т.д. Специфика данных языковых единиц обусловила стремление объединить полевой и ономаσιологический подходы для их исследования. С точки зрения полевой организации данные ССС можно объединить по наличию архисемы «дорога», но такой подход односторонний, не способен отразить специфику представленности знаний в языковых структурах, подобных исследуемым нами (ССС). С др. стороны, ономаσιологический подход позволяет определить, как соотносятся слова (ССС) и определенные сущности, как осуществляется сам процесс означивания.

Опираясь на системный подход к изучению лексических единиц, полагаем, что наиболее общей категорией в лингвистике является лексико-семантическое поле – «совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (семой). Именем поля является словосочетание, называющее понятие, объединяющее слова в поле» [3, с. 257]. По А.А. Уфимцевой, лексико-семантическое поле – «крупное объединение семантически связанных лексем, включающих лексико-семантические группы, одна из которых является ядерной» [9, с. 274]. Лексико-семантическая группа – совокупность слов одной части речи, «объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения» [9, с. 274].

Аббревиатурное ономаσιологическое поле (далее – АОП) – это объединение ССС, которые характеризуются наличием тождественного компонента в составе значений, но обладают различной спецификой представленности концептуальных знаний. На основании этих особенностей выделяется группа лексем, именуемая нами как АОП. Название отражает основные характеристики этого объединения единиц языка. С одн. стор., обозначен ономаσιологический подход к изучению явлений аббревиации, а с др. – обозначена полевая организация материала.

Исследование единиц, принадлежащих к одному АОП, требует описания того, как формируется ономаσιологическая структура их значений. Представление об ономаσιологической структуре отмечается в работах многих исследователей (М. Докулила, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, В. И. Теркулова и др.).

В нашей работе мы придерживаемся концепции В.И. Теркулова, предполагая, что базовым для определения ономаσιологической природы языковой единицы является понятие «номинатема» – основная номинативная единица языка, объединяющая глоссы, связанные отношениями семантического тождества и формальной

взаимообусловленности. Глоссами языковой номинативной единицы мы называем слово, словосочетание или сочетание служебного и знаменательного слов [6, с. 149].

По мнению В. И. Теркулова, «классификация ономаσιологических полей композитов включает в себя три параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса;

б) лексико-семантическая группа одноструктурных единиц (ЛСГОЕ) в пределах одного лексико-грамматического разряда с указанием общеязыковой лексико-семантической группы, в которую входит данная ЛСГОЕ, построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономаσιологическая модель номинатемы, включающая «ОБ» и «ОП» наименования» [6, с. 233].

Описание различных типов сложных слов включает описание модели эквивалентной единицы (конструкции) и описание модели ССС в соответствии с соотношением ее конструкторов с конструкторами эквивалентной единицы.

Модель эквивалентной единицы (конструкции) учитывает параметры, релевантные характеристикам ССС. В ней указывается на количество компонентов продуцирующей единицы (конструкции), там, где их больше одного – на тип связи между ними, порядок их следования, грамматические характеристики.

Цель ономаσιологического подхода к анализу сложных наименований – рассмотреть семантику производного в терминах ономаσιологических, понятийных категорий, т.е. изучить способы отражения в структуре производного общекатегориальных значений.

Ономаσιологическая структура слова включает в себя 2 основных компонента: а) ономаσιологический базис (ОБ) – родовое понятие, отсылающее нас к определенному понятийному классу; б) ономаσιологический признак (ОП), характеризующий видовую соотносённость референта внутри обозначенного класса явлений.

Для поля «дорога» выделяется 14 ОБ и 10 ОП. Под ОБ понимаются базовые категории человеческого опыта (действие, носитель признака и т. п.), которым всегда приписывается ОП, формируемый основой производящего слова. ОБ указывает на определенный понятийный класс, родовое понятие. ОП, являясь дифференцирующим членом, указывает на видовой признак, выделяющий предмет внутри класса.

Доро́га — путь сообщения для передвижения людей, прогона скота (ранее) и транспорта, составная часть транспортной (дорожной) инфраструктуры государства или страны (*автодорога, велодорога* и т.д.) Существует множество видов дорог. Для ССС отмечаются такие базисные наименования разновидностей дорог:

Алле́я — дорога, пешеходная или проезжая (в парке, саду), обсаженная по обеим сторонам деревьями, иногда в сочетании с кустарниками (*велоаллея*).

Бульва́р — аллея или полоса зелёных насаждений вдоль улицы вдоль берега реки, моря, предназначенная для прогулок (*велобульвар*).

Дорожка — уменьшит. от слова «дорога», т.е. маленькая (узкая) дорога.

Зимник — автомобильная дорога, эксплуатация которой возможна только в зимних условиях, при минусовой температуре (*автозимник*).

Коридор – сравнительно узкий и длинный проход, ограниченный по бокам и соединяющий отдельные части ч-л (*гумкоридор*).

Ли́ния — протяжённый и тонкий пространственный объект (*авиалиния*).

Магистраль — широкая и прямая городская улица, дорога для скоростного движения автомобильного транспорта (*автомагистраль*).

Маршрут — путь следования объекта, учитывающий направление движения относительно географических ориентиров или координат, с указанием начальной, конечной и промежуточных точек, в случае их наличия (*альпмаршрут*).

Полоса – длинный и узкий участок на поверхности или в пространстве, выделяющийся чем-либо от окружающих (*велополоса*).

Путь – полоса земли, предназначенная для ходьбы, езды; дорога (*авиапуть*).

Тракт — устар. термин для обозначения транспортной дороги, улучшенной грунтовой дороги, а также вообще большая наезженная дорога (большак), соединяющая важные населенные пункты (*автотракт*).

Трасса — направление линии к-л дороги, канала и др. (*велотрасса*).

Шоссе — широкая городская дорога с твёрдым покрытием, которая предназначена для движения автотранспорта (*автошоссе*).

Обнаружено 21 ГЭ с указанными ОБ (*авиалиния, авиамагистраль, авиамаршрут, авиапуть, авиатрасса, автодорога, автозимник, автокоридор, автомагистраль, автотракт, автотрасса, автошоссе, альпмаршрут, велоаллея, велобульвар, велодорога, велодорожка, велополоса, велотрасса, велошоссе, гумкоридор*). Под ГЭ понимается «совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [7, с. 17]. Напр., в ГЭ аббревиатурного слова **велодорога** входят следующие единицы: *велосипедная дорога, дорога для велосипедистов, дорога велосипеда, дорога для велосипедов, дорога велосипедов, дорога для велосипеда*. Совокупность ГЭ с тождественным ОБ (напр., с ОБ **трасса**: *авиатрасса, автотрасса, велотрасса*) и формируют АОП.

Каждое из АГ имеет неодинаковый набор дешифровальных стимулов (далее – ДС) – «стереотипов расшифровки абброконструкта» [8, с. 19], т.е. слово или сочетание слов, являющееся эквивалентом абброконструкта и использующееся для его замены в эквивалентном словосочетании. Обычно абброконструкт имеет несколько ДС. Напр., для абброконструкта **VELO** нами отмечаются ДС *велосипедный, велосипедов, велосипеда, для велосипеда, на велосипед, велоспорта, для велоспорта, велосипедного спорта, к велосипеду, по изготовлению велосипедов, по продаже велосипедов* и т.д. Множественность ДС у одного абброконструкта обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры. Конечно же, для отдельно взятого ССС используются не все ДС входящего в её состав абброконструкта, а только те, которые «прогнозируются» её значением [1].

Совокупность ДС, отмеченных в одном ГЭ, формирует дешифровальную матрицу (далее – ДМ) данного ГЭ. ДМ состоит из элементов, расположенных нелинейно: они «ветвятся» вокруг одного центрального слова – высшего элемента иерархии ДМ в ГЭ – такого текстового эквивалента ССС, который встречается чаще других в эквивалентных текстах.

Чаще высшими элементами матрицы становятся презентативные ДС (ПДС), т.е. ДС с обобщённой семантикой. Такие ДС используются в любой ситуации номинации в качестве абсолютного эквивалента ССС и всех др. компонентов ГЭ (*велошоссе – велосипедное шоссе, гумкоридор – гуманитарный коридор* и т.д.).

ПДС отмечаются во всех ГЭ исследуемого нами аббревиатурного гнезда, чего не скажешь о интерпретативных ДС (ИДС), которые уточняют семантику абброконструкта и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативному стимулу. ИДС подразделяются на две группы.

Модификационные ДС (МДС) – такие ДС, которые конкретизируют значение аббревиатуры, предоставляя ей возможность употребляться для номинации разновидностей обозначенного ею референта (*автопуть – автомобильный путь, автотранспортный путь, автодорожный путь*).

Реляционные ДС (РДС) – такие ДС, которые «используют презентативные ДС с добавлением релятивной семантики» [5, с. 147]. Такие ДС актуализируют грамматическое значение падежа и числа (*альпмаршрут – маршрут альпинистов*).

Синхронное описание ДС, аббревиатур и эквивалентных словосочетаний включает две процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

Модель структуры ДС. Первый этап – установление общей модели использования ДС в эквивалентном словосочетании [1]. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, т.е., собственно, ДС абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

В словах с ОП дорога обнаружено 7 типов ДС. Мы различаем следующие базовые типы ДС:

1. х – существительное (у-х: *шоссе велосипедистов* – *VELOшоссе*); 2. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *авиационная трасса* – *АВИАтрасса*); 3. х-а – сложное существительное: (у-х-а(сущ): *маршрут авиане перевозок* – *АВИАмаршрут*); 4. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): *автоторожный путь* – *АВТОпуть*); 5. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *магистраль для автомобилей* – *АВТОмагистраль*); 6. (предл)х-а – сложное существительное с предлогом: (у-(предл)х-а: *шоссе для автотранспорта* – *АВТОшоссе*); 7. (предл)х(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом: (у-(предл)х(адъект)-z: *проезд для автотранспортных средств* – *АВТОпроезд*).

Следует отметить, что различаются базовые модели, повторяющиеся во всех ГЭ (напр., у-х(ад): *авиационная линия*, *велосипедная дорога*) и периферийные модели, отмечаемые только в некоторых (напр., у-(предл)х(ад)-z: *путь на автомобильном транспорте*).

Набор ДС, представленных в одном ГЭ, формирует ДМ гнезда. Каждый ОБ со значением дороги имеет свою ДМ, включающую различные типы ДС: матрица гнезда *линия* имеет следующий вид: **у-х(ад)** (*авиационная линия*);

магистраль: **у-х(ад)** (*авиационная магистраль*, *автомобильная магистраль*) + **у-х-а(ад)** (*автотранспортная магистраль*) + **у-(предл)х** (*магистраль для автомобилей*);

маршрут: **у-х(ад)** (*авиационный маршрут*, *альпинистский маршрут*) + **у-х** (*маршрут альпинистов*) + **у-(предл)х** (*маршрут для альпинизма*) + **у-(предл)х** (*маршрут для альпинистов*) + **у-х-а(сущ)** (*маршрут авиане перевозок*);

путь: **у-х(ад)** (*авиационный путь*, *автомобильный путь*) + **у-х-а(ад)** (*автоторожный путь*, *автотранспортный путь*) + **у-х** (*путь авиации*) + **у-х** (*путь автомобилистов*, *путь автомобилиста*) + **у-(предл)х** (*путь на авто*, *путь на автомобиле*, *путь на автомобилях*) + **у-(предл)х-а** (*путь на автомашине*, *путь на автомашинах*, *путь на автотранспорте*) + **у-(предл)х(ад)-z** (*путь на автомобильном транспорте*);

трасса: **у-х(ад)** (*авиационная трасса*, *автомобильная трасса*, *велосипедная трасса*) + **у-(предл)х** (*трасса для автомобилей*, *трасса для авто*, *трасса для велосипедов*, *трасса для велосипеда*) + **у-х** (*трасса велосипедов*);

дорога: **у-х(ад)** (*автомобильная дорога*, *велосипедная дорога*) + **у-(предл)х** (*дорога для автомобилей*, *дорога для авто*, *дорога для велосипедов*, *дорога для велосипеда*) + **у-(предл)х** (*дорога для велосипедистов*) + **у-х** (*дорога велосипеда*, *дорога велосипедов*);

зимник: **у-х(ад)** (*автомобильный зимник*);

коридор: **у-х(ад)** (*автомобильный коридор*, *гуманитарный коридор*) + **у-(предл)х** (*коридор для автомобилей*) + **у-х-а(ад)** (*автотранспортный коридор*);

тракт: **у-х(ад)** (*автомобильный тракт*);

шоссе: у-х(ад) (автомобильное шоссе, велосипедное шоссе) + у-(предл)х (шоссе для автомобилей) + у-(предл)х (шоссе для велосипедистов) + у-(предл)х-а (шоссе для автотранспорта) + у-х (шоссе велосипедистов);

аллея: у-х(ад) (велосипедная аллея) + у-(предл)х (аллея для велосипедов) + у-(предл)х (аллея для велосипедистов) + у-х (аллея велосипедистов);

бульвар: у-х(ад) (велосипедный бульвар);

дорожка: у-х(ад) (велосипедная дорожка) + у-(предл)х (дорожка для велосипеда, дорожка для велосипедов) + у-(предл)х (дорожка для велосипедистов);

полоса: у-х(ад) (велосипедная полоса) + у-(предл)х (полоса для велосипедистов, полоса для велосипедов, полоса для велосипеда, полоса для велосипедиста) + у-х (полоса велосипедов, полоса велосипеда) + у-х (полоса велосипедистов).

Таким образом, общая матрица поля «дорога» имеет следующий вид: у-х(ад) (представлено во всех ГЭ: 14) + у-х-а(ад) (представлено в 3-х ГЭ) + у-(предл)х (10) + у-х (7) + у-х-а(сущ) (1) + у-(предл)х-а (2) + у-(предл)х(ад)-z (1).

Второй этап – установление модели формальной разновидности эквивалентности для всех эквивалентных пар в пределах ГЭ, изображающей степень совпадения элементов словосочетания и конструкторов аббревиатуры, соединяя два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общие операторы этих блоков – грамматические, показывающие частеречную принадлежность элементов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), номер падежной формы (1 – И.п., 2 – Р.п. и т.д.), числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для определения сложных слов, входящих в словосочетание, применяется оператор «кп». В блоке аббревиатуры прибавляются операторы, устанавливающие качество аббреквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн¹ – перв. часть основы эквивалентного сложного слова, З¹ – перв. звук основы, Б¹ – перв. буква основы), также оператор «инт», применяющийся когда в аббревиатуре используется интерфикс. Если при создании аббревиатуры «игнорируются» к-л элементы сочетаний слов, их приводят в скобках после знака «-».

Формальные модели эквивалентности тоже включаются в схему ДМ.

1. Модели, реализующие схему Прил¹ед+Сущ¹ед: авиалиния – авиационная линия; 2. Прил¹ед(кп)+Сущ¹ед: автокоридор – автотранспортный коридор; 3. Прил¹ед+Сущ¹Нескл: автошоссе – автомобильное шоссе; 4. Сущ¹ед+Сущ²ед: авиануть – путь авиации; 5. Сущ¹ед+Сущ²мн: автопуть – путь автомобилистов; 6. Сущ¹ед+Сущ²мн(кп): авиамаршрут – маршрут авианперевозок; 7. Сущ¹ед+предл+Сущ²ед: альпмаршрут – маршрут для альпинизма; 8. Сущ¹ед+предл+Сущ²мн: автодорога – дорога для автомобилей; 9. Сущ¹ед+предл+Сущ¹Нескл: автодорога – дорога для авто; 10. Сущ¹ед+предл+Сущ¹бед: автопуть – путь на автомобиле; 11. Сущ¹ед+предл+Сущ¹бед(кп): автопуть – путь на автотранспорте; 12. Сущ¹ед+предл+Сущ¹бмн: автопуть – путь на автомобилях; 13. Сущ¹ед+предл+Сущ¹бмн(кп): автопуть – путь на автомашинах; 14. Сущ¹ед+предл+Прил¹бед+Сущ¹бед: автопуть – путь на автомобильном транспорте; 15. Сущ¹Нескл+предл+Сущ²мн: автошоссе – шоссе для автомобилей; 16. Сущ¹Нескл+предл+Сущ²ед(кп): автошоссе – шоссе для автотранспорта.

Ономазиологическая модель – это схема формирования номинативных единиц и их реализаций – результатов, соответственно, языковой и речевой номинации. Е.А. Селиванова определяет ономазиологическую модель на основании следующих признаков:

- 1) общего смысла базиса (формантной структуры);
- 2) конкретного содержания двух или более ОП (отсылочной части);
- 3) их валентного потенциала и смысловой связи;

4) типа отношений между базисом и признаком [4, с. 20].

В нашем исследовании выделяется 4 ОП, реализующихся в различных моделях.

1. **Модель «линейный объект + qualificativ»**, ОП указывает на принадлежность объекта к определенному классу (*авиатрасса – авиационная трасса, велобульвар – велосипедный бульвар* и т.д.).

2. **Модель «линейный объект + дестинатив»**, ОП указывает на назначение лица, предмета, явления (*автодорога – дорога для автомобилей, альпмаршрут – маршрут для альпинистов* и т.д.).

3. **Модель «линейный объект + инструменталис»**, ОП указывает на объект, являющийся орудием для выполнения действия (*автопуть – путь на автомобиле, автопуть – путь на автотранспорте* и т.д.).

4. **Модель «линейный объект + посессив»**, ОП указывает на принадлежность объекта к-л/ч-л (*VELOALLEЯ – аллея велосипедистов, велоЗОНА – зона велосипеда* и т.д.).

Для ССС с ОБ «**магистраль**» нами обнаружены следующие основные типы ономастологических моделей: «магистраль + qualificativ» (*авиационная магистраль, автомобильная магистраль, автотранспортная магистраль*), «магистраль + дестинатив» (*магистраль для автомобилей*);

«**линия**»: «линия + qualificativ» (*авиационная линия*);

«**маршрут**»: «маршрут + qualificativ» (*авиационный маршрут, альпинистский маршрут*), «маршрут + посессив» (*маршрут альпинистов*), «маршрут + дестинатив» (*маршрут для альпинизма, маршрут для альпинистов, маршрут авианперевозок*);

«**путь**»: «путь + qualificativ» (*авиационный путь, автомобильный путь, автодорожный путь, автотранспортный путь*), «путь + посессив» (*путь авиации, путь автомобилистов, путь автомобилиста*), «путь + инструменталис» (*путь на авто, путь на автомобиле, путь на автомобилях, путь на автомашине, путь на автомашинах, путь на автотранспорте, путь на автомобильном транспорте*);

«**трасса**»: «трасса + qualificativ» (*авиационная трасса, автомобильная трасса, велосипедная трасса*), «трасса + дестинатив» (*трасса для автомобилей, трасса для авто, трасса для велосипедов, трасса для велосипеда*), «трасса + посессив» (*трасса велосипедов*);

«**дорога**»: «дорога + qualificativ» (*автомобильная дорога, велосипедная дорога*), «дорога + дестинатив» (*дорога для автомобилей, дорога для авто, дорога для велосипедистов, дорога для велосипедов, дорога для велосипеда*), «дорога + посессив» (*дорога велосипеда, дорога велосипедов*);

«**зимник**»: «зимник + qualificativ» (*автомобильный зимник*);

«**коридор**»: «коридор + qualificativ» (*автомобильный коридор, гуманитарный коридор, автотранспортный коридор*), «коридор + дестинатив» (*коридор для автомобилей*);

«**тракт**»: «тракт + qualificativ» (*автомобильный тракт*);

«**шоссе**»: «шоссе + qualificativ» (*автомобильное шоссе, велосипедное шоссе*), «шоссе + дестинатив» (*шоссе для автомобилей, шоссе для автотранспорта, шоссе для велосипедистов, шоссе для автотранспорта*), «шоссе + посессив» (*шоссе велосипедистов*);

«**аллея**»: «аллея + qualificativ» (*велосипедная аллея*), «аллея + дестинатив» (*аллея для велосипедистов, аллея для велосипедов*), «аллея + посессив» (*аллея велосипедистов*);

«**бульвар**»: «бульвар + qualificativ» (*велосипедный бульвар*);

«**дорожка**»: «дорожка + qualificativ» (*велосипедная дорожка*), «дорожка + дестинатив» (*дорожка для велосипедистов, дорожка для велосипеда, дорожка для велосипедов*);

«полоса»: «полоса + квалификатив» (*велосипедная полоса*), «полоса + дестинатив» (*полоса для велосипедистов, полоса для велосипедов, полоса для велосипеда, полоса для велосипедиста*), «полоса + посессив» (*полоса велосипедов, полоса велосипедистов, полоса велосипеда*).

Общая матрица выглядит так: «X + квалификатив» (представлено во всех ГЭ: 14) + «X + дестинатив» (представлено в 9 ГЭ) + «X + посессив» (7) + «X + инструменталис» (1).

Вывод. Были рассмотрены ССС, входящие в АОП «дорога». В первых 2-х томах «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка» выявлено 86 ССС, относящихся к ОК со значением пространственных объектов, из них для поля «дорога» выделяется 14 ОБ и 10 ОП. Обнаружено 21 ГЭ с указанными ОБ. В словах с ОП «дорога» обнаружено 7 типов ДС. Для каждого ОБ со значением дороги были составлены ДМ, включающие различные типы ДС. Сформирована общая матрица поля «дорога». Для АОП «дорога» выявлено 20 моделей формальной разновидности эквивалентности. В рассмотренных ССС обнаружено 4 ОП. Были составлены ономаσιологические модели для каждого ГЭ и описана общая матрица. Безусловно, ССС, входящие в АОП «дорога», требуют более подробного описания. В дальнейшем предполагается работа по сбору языкового материала, анализ моделей образования ССС в сопоставлении с ономаσιологической классификацией для прогнозирования эквивалентов новоописываемых аббревиатур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращённого слова / А.И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве. – Макеевка, 2016. – С.51–57.
2. Блюмина О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. ... канд. фил. наук / О.В. Блюмина. – Горловка, 2010. – 341с.
3. Попова З.Д. Общее языкознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 412с.
4. Селиванова О.О. Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селиванова // Мовознавство. – 1992. – № 6. – С. 19–22.
5. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.): сб. науч. ст. в 2 т. Симферополь, 2017. – Т. 2. – С. 140–147.
6. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дис. д-ра филол. наук: 10.02.02 / Теркулов В. И. – Горловка, 2008. – 472 с.
7. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Выпуск 3 (29): Языкознание. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25.
8. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: Синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
9. Уфимцева А.А. Семантика слова / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований: сб. научн. трудов. – М.: Наука, 1980. – С. 5-80.

D.A. Bratcun

SYSTEM OF ABBREVIATED FIELD ABBREVIATIONS «ROAD»

The article is devoted to the formal and onomasiological description of the equivalence models of compound words on the example of the abbreviation-onomasiological field "road". The author clarified the concept of an abbreviation-onomasiological field, defined the principles

of filling in the onomasiological basis "road" and its varieties, analyzed the equivalence nests in which the onomasiological basis "road" is presented. Formal models of abbreviation equivalence were established, and types of onomasiological signs of the "road" field were established on the basis of semantic cases. A generalized decryption matrix of the onomasiological field "road" has been compiled.

Keywords: *abbreviation-onomasiological field, onomasiological basis, compound word, decoding stimulus, equivalence nest.*

Поступила в редакцию 10.02. 2020 г.

УДК 81'42

Н. В. Филиппонова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ВНУТРИНОМИНАТЕМНЫЕ СИНОНИМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматривается текстово-синонимический тип лексической эквивалентности сложносокращённых слов. Автором выделяются и описываются характерные особенности регулярных моделей внутриноминатемных синонимов, их типы, определяется понятие «параллельные гипонимы». В ходе исследования было выявлено полное и частичное совпадение дешифровальных и ономаσιологических матриц синонимических сложносокращённых слов, что создает возможность прогнозирования гнезд эквивалентности лексических аббревиатурных эквивалентов для «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка».

Ключевые слова: *текстово-синонимическая эквивалентность, внутриноминатемные синонимы, параллельные гипонимы, дешифровальная матрица, ономаσιологическая матрица.*

Статья посвящена описанию регулярных моделей текстово-синонимической эквивалентности сложносокращённых слов (далее – ССС). В основе определения моделей синонимических отношений лежит синхронный подход, потому что именно он настроен на выявление особенностей функционирования слов и их синтаксических эквивалентов в текстах: «При синхронном подходе мы считаем эквивалентными аббревиатуре те словосочетания, которые употребляются как её абсолютные синонимы (дублиеты) в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [5, с. 87].

Лексический эквивалент – слово или словосочетание, которое деривационно не связано со ССС, но может свободно взаимозаменяться с ним в тексте и выступать в качестве его абсолютного синонима, гипонима или гиперонима. Мы выделяем два базовых типа лексической текстовой эквивалентности: синонимическую и гиперогипонимическую.

Мы считаем текстово-синонимическими эквивалентами (ТСЭ) слова, которые в современном языке вместе с аббревиатурами «употребляются для обозначения одного и того же понятия (следовательно, получившие в толковых словарях совпадающие или очень близкие толкования)» [2, с. 10]. Например, в синонимические отношения вступают ССС *авиаагентство – авиакомпания: Авиаагентство «ИрАэро» отказало женщине в перевозке по причине отсутствия сопровождающего, сообщает телекомпания АТВ. – Иркутская авиакомпания отказала в покупке билета члену Общественной палаты России и представителю фонда «Общество без барьеров» Бурятии Галине Горбатовых* (<https://tayga.info/141420>).

Актуальность исследования заключается в том, что синонимические отношения аббревиатур не получили ещё достаточного освещения в научной литературе. Кроме того, исследование позволяет разработать модели поиска лексических эквивалентов аббревиатур, что немаловажно для нужд создания синонимической части словарных статей Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов, составляемого Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Цель работы: определить регулярные модели тексто-синонимической эквивалентности внутриноминатемных синонимов. Для достижения поставленной цели необходимо выявить и описать типы реализации внутриноминатемных синонимов в эквивалентных текстах. Под эквивалентным текстом мы понимаем «текст, в котором аббревиатура и эквивалентное словосочетание выступают в качестве абсолютных синонимов» [3, с. 22]. В нашем случае это текст, в котором ССС и слово или словосочетание, не связанное с ним деривационными отношениями, употребляются как синонимы. Например, *зерносклад – зернохранилище: Конструкция зерносклада зернохранилища оцинкованная с обеих сторон, а снаружи покрыта полиэфирным слоем. – Зернохранилища с плоским дном предназначены для долгосрочного складирования зерновых культур, рапса, кукурузы, бобовых растений и других сыпучих материалов* (<https://life-bud.com.ua/ru/zernoxranilishha-silosyi>).

Тексто-синонимические эквиваленты (ТСЭ) подразделяются на следующие подвиды: включенные синонимы (то есть синонимы, включающие в свой состав ССС или эквивалент, деривационно связанный с ним как зависимый компонент, например *автоцентр – автотехцентр*); атрибутивные синонимы (единицы, имеющие тождественную зависимую часть, например *бумзавод – бумкомбинат*, тождественный зависимый компонент – *бумажный*); собственно аббревиационные синонимы (синонимический ряд, состоящий из сложносокращённых слов, не имеющих общей части, например *автобензовоз – топливозаправщик*); формально не связанные синонимы или собственно синонимы (единицы, одна из которых не является аббревиатурой и формально не связана с другой, например *ветротурбина – двигатель*). В данной статье будут рассматривать только внутриноминатемные синонимы, т.е. такие синонимы, которые сосуществуют с аббревиационной парой в пределах одной номинатемы и имеют тождественное главное слово. Например, для аббревиационной пары *авиадоставка – авиационная доставка* ТСЭ¹ являются *грузодоставка, гуждоставка, канцдоставка*, которые так же, как и *авиадоставка* выступают в качестве глосс номинатемы *доставка*. *Авиадоставка всегда осуществляется быстрее, чем по морю в контейнерах. – Срок ожидания подобной грузодоставки составляет в среднем сорок-шестьдесят дней, зато его стоимость становится оптимально подходящей* (<http://www.galaxylogistics.ru/novosti/transportirovka-tovarov-iz-ssha-ee-osobennosti-i-sroki-dostavki.html>).

«Номинатема – это структурная языковая единица, модель, определяющая возможности тождественной номинации в речи при помощи различных своих субстантных речевых реализаций – глосс» [4, с. 14]. Например, номинатемой является слово *авария*, а словосочетания *авиационная авария; автомобильная авария, авария автомобилей, авария авто, авария автомобиля, автодорожная авария, авария автотранспорта, авария автомашины, автотранспортная авария; велосипедная авария, авария на велосипеде, авария с велосипедом, авария велосипеда, авария велосипедов* сложносокращённых слов *авиаавария, автоавария, велоавария* выступают в качестве глосс, то есть структурных разновидностей, этой номинатемы.

Наше исследование позволило выделить следующие разновидности внутриноминатемных синонимов:

1. Внутриноминатемные абсолютные синонимы: *ветцентр* («заведение, в котором сосредоточены разные ветеринарные учреждения») – *зооцентр* («центр обслуживания животных»);

2. Включенные синонимы, например *агрслужба* («совокупность учреждений, осуществляющих агрономическое обслуживание сельского хозяйства») – *агрометеослужба* («подразделение агропредприятия, занимающееся наблюдением над погодой и прогнозом её влияния на сельскохозяйственные растения и сельхозработы») – *агрохимслужба* («организация агрохимического обслуживания сельского хозяйства»).

Формально-структурный анализ помог выявить ещё один тип внутриноминатемных лексических эквивалентов – параллельные гипонимы – лексические эквиваленты, которые в пределах одной номинатемы выражают её видовые значения. Например, глоссы номинатемы *доставка* выступают как её разновидности (*авиадоставка*, *гуждоставка*, *грузодоставка*, *канцдоставка*), т. е. как параллельные гипонимы.

Типы параллельных гипонимов:

1. Параллельные гипонимы с одинаковым базисом, но разными значениями:

Химия как химические средства: *автохимия* («химические препараты, предназначенные для ухода за автомобилем») – *авиахимия* («химические средства, используемые для распыления с летательных аппаратов»). Химия как наука о химических элементах, их соединениях и превращениях, происходящих в результате химических реакций: *агрохимия* («наука о создании и использовании химических удобрений для увеличения урожая, улучшения его качества и повышения плодородия почвы.») – *биохимия* («наука о химическом составе живых клеток и организмов, а также о лежащих в основе их жизнедеятельности химических процессов») – *геохимия* («наука о распространённости, распределении и сочетаемости химических элементов в геосфере Земли») – *звукохимия* («раздел химии, который изучает взаимодействие мощных акустических волн и возникающие при этом химические и физико-химические эффекты»).

2. Параллельные гипонимы с одинаковым базисом, но выступающие в качестве синонимов только в одном из своих значений: *авиакомплекс* (1. «ряд взаимосвязанных авиапредприятий, авиакомпаний и т.д.», 2. «самолёт, оборудованный комплексом специализированной электронной аппаратуры», «крупный аэропорт») – *автокомплекс* (1. «группа взаимосвязанных предприятий, производящих, обслуживающих или продающих автотехнику», 2. «детский городок, в котором в игровой форме изучают правила дорожного движения, поведения на улице и т.д.»). *Авиакомплекс* и *автокомплекс* будут внутриноминатемными лексическими эквивалентами, если употребляются в первом значении.

Анализ текстов интернет пространства позволил определить типы реализации внутриноминатемных синонимов в эквивалентных текстах:

1. Текст, в котором аббревиатура¹ и аббревиатура² выступают в качестве абсолютных синонимов:

Зооцентр " Кот и Пес" работает с ноября 2008 и включает в себя: клинко-диагностический ветцентр, груминг-салон и зоосалон для животных (<http://www.zoo-center.info/>).

2. Текст, в котором аббревиатура¹ и эквивалент синонимичной аббревиатуры² выступают в качестве синонимов:

Старейший винзавод Крыма «Новый Свет» продан за 1,5 миллиарда рублей. – Сегодня, 20 декабря, стало известно, что крымский государственный завод шампанских вин «Новый Свет» был куплен компанией ООО «Южный проект» за 1,5 миллиарда рублей (<https://newinform.com/96847-stareishii-vinzavod-kryma-novyi-svet-prodan-za-1-5-milliarda-rublei>).

3. Текст, в котором эквивалент аббревиатуры¹ и эквивалент аббревиатуры² вступают в отношения синонимии:

Как стало известно из официальных источников, севастопольская городская государственная администрация с 12 марта переходит на русский язык делопроизводства. – Городская администрация Севастополя переходит на русский язык делопроизводства (<https://sevastopol.su/news/gorodskaya-administraciya-sevastopolya-perehodit-na-russkiy-yazyk-deloproizvodstva>).

4. Текст, в котором аббревиатура¹, эквивалент аббревиатуры¹ и эквивалент аббревиатуры² выступают в качестве синонимов:

*В авиакомпаниях уверены, что широкого применения **авиабензин** с ТЭС среди наших компаний иметь не будет из-за запрета его использования в странах ЕС и многих других государствах. – Под видом **авиационного бензина** может импортироваться либо продаваться обычный **автомобильный бензин** с содержанием тетраэтилсвинца. Изготовить его несложно и не в промышленных условиях* (<https://uaenergy.com.ua/post/6283/etilirovannyj-aviabenzin-shirokogo-primeneniya-v-ukraine-imet-ne-budet>).

Анализ лексической текстовой эквивалентности, так же, как и анализ деривационной лексической эквивалентности осуществляется по следующим параметрам:

1. формально-структурный, который определяет общую и конкретную модель дешифровального стимула;
2. ономаσιологический – определение ономаσιологической модели и признака.

Формально-структурный анализ определяет формальные характеристики дешифровального стимула, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания и осуществляется в два этапа.

Дешифровальный стимул определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта, то есть как слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании» [5, с.88].

На первом этапе устанавливается общая модель дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании. Для моделирования используются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть, собственно, дешифровальный стимул абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, причастие и т.д.), суц – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, z – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

Для синонимичных ССС можно предположить одинаковые дешифровальные матрицы. Дешифровальная матрица гнезда – это «набор дешифровальных стимулов, представленных в одном гнезде эквивалентности» [5, с. 91]. Например, матрица гнезда *автоэкспорт* («вывоз автомобилей за границу для продажи») имеет следующий вид: **у-х(адъект) – автомобильный экспорт, у-х-а(суц) – экспорт автотехники, экспорт автомашин, экспорт автотранспорта, у-х(адъект)-z – экспорт автотранспортных средств, у-х – экспорт автомобилей, экспорт авто.**

Выявлены две ситуации:

1. дешифровальная матрица совпадает полностью;
2. дешифровальная матрица совпадает частично.

Например, дешифровальные матрицы *авианалёт* («бомбардировочные удары и штурмовые действия самолётов, направленные на войска противника и используемые им наземные объекты») и *артналёт* («кратковременный обстрел позиций противника из арторудий для подавления огневых точек и других целей») совпадают полностью:

1. **у-х** – *налёт авиации* + **у-х(адъект)** – *авиационный налёт*;
2. **у-х** – *налёт артиллерии* + **у-х(адъект)** – *артиллерийский налёт*.

У синонимичных ССС *авиадоставка* – *гуждоставка* – *грузодоставка* – *канцдоставка* дешифровальные матрицы совпадают частично, т. е. отличаются одним или несколькими дешифровальными стимулами:

1. **у-х** – *доставка авиацией* + **у-х(адъект)** – *авиационная доставка*;
2. **у-х(адъект)** – *гужевая доставка*;
3. **у-х** – *доставка груза* + **у-х** – *доставка грузов* + **у-х(адъект)** – *грузовая доставка*;
4. **у-х** – *доставка канцелярии* + **у-х-а(сущ)** – *доставка канцтоваров* + **у-х(адъект)-z** – *доставка канцелярских товаров* + **у-х(адъект)-z** – *доставка канцелярских изделий*.

На втором этапе для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общими операторами для этих блоков являются грамматические операторы, осуществляющие указание на частеречную принадлежность компонентов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для обозначения сложных слов, входящих в словосочетание, используется оператор «комп». В блоке аббревиатуры добавляются операторы, указывающие на качество аббреквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн1 – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З1 – первый звук основы, Б1 – первая буква основы), а также оператор «инт», используемый в тех случаях, когда в аббревиатуре появляется интерфикс.

1. Прил1ед+Сущ1ед – *авиационный налёт, артиллерийский налёт; авиационная доставка, грузовая доставка, гужевая доставка*.
2. Сущ1ед+Сущ2ед – *налёт авиации, налёт артиллерии; доставка груза*.
3. Сущ1ед+Сущ2мн – *доставка грузов*.
4. Сущ1ед+Сущ5ед – *доставка авиацией*.
5. Сущ1ед+Прил2мн+Сущ2мн – *доставка канцелярских товаров, доставка канцелярских изделий*.
6. Сущ1ед+Сущ2мн(кп) – *доставка канцтоваров*.

В связи с этим синонимичные ССС можно использовать для прогнозирования гнезд эквивалентности.

«Ономасиологическая модель – это схема формирования номинативных единиц и их реализаций – результатов, соответственно, языковой и речевой номинации». [1, с. 56] Е.А. Селиванова определяет ономасиологическую модель на основании следующих признаков:

- 1) общего смысла ономасиологического базиса (формантной структуры);
- 2) конкретного содержания двух или более ономасиологических признаков (отсылочной части);
- 3) их валентного потенциала и смысловой связи;
- 4) типа отношений между базисом и признаком.

Ономасиологическая матрица – это набор ономасиологических признаков, представленных в одном гнезде эквивалентности.

1. **Модель «объект + квалификатив»**, ономасиологический признак указывает на принадлежность объекта к определенному классу (*авианалёт* – *авиационный*

налёт, артналёт – артиллерийский налёт, авиадоставка – авиационная доставка, гуждоставка – гужевая доставка, грузодоставка – грузовая доставка);

2. **Модель «объект + поссессив»**, ономаσιологический признак указывает на принадлежность объекта кому-либо/чему-либо (*авианалёт – налёт авиации, артналёт – налёт артиллерии*);

3. **Модель «объект + дистрибутив»**, ономаσιологический признак объект, подвергаемый распределению (*грузодоставка – доставка грузов, доставка груза, канцдоставка – доставка канцелярии, доставка канцтоваров, доставка канцелярских изделий, доставка канцелярских товаров – это дистрибутив*);

4. **Модель «объект + медиатив»** ономаσιологический признак указывает на средство (*авиадоставка – доставка авиацией*).

Основные типы ономаσιологических моделей:

1. «налёт»: «налёт + квалификатив» (*авиационный налёт, артиллерийский налёт*); «налёт + поссессив» (*налёт авиации, налёт артиллерии*);

2. «доставка»: «доставка + квалификатив» (*авиационная доставка, гужевая доставка, грузовая доставка*); «доставка + поссессив» (*доставка грузов, доставка груза, доставка канцелярии, доставка канцтоваров, доставка канцелярских изделий, доставка канцелярских товаров*); «доставка + медиатив» (*доставка авиацией*).

В данной работе были определены регулярные модели тексто-синонимической эквивалентности сложносокращенных слов, рассмотрены основные типы внутриноминатемных синонимов, выявлены типы их реализации в эквивалентных текстах, проведен формально-структурный и ономаσιологический анализ. В дальнейшем мы планируем изучить и описать разные семантические типы синонимов по отношению к каждому подвиду ТСЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьячок Н. В. Типология ономаσιологических признаков // Вестник ПГУ Филологическая серия. – 2012 №3-4 С. 55-60.

2. Словарь синонимов русского языка в 2-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Астрель: АСТ, 2003. — 681 с., Т. 1.

3. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016.

4. Теркулов В.И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.

5. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

N. V. Filipsonova

INTRAMINUTE SYNONYMS IN RUSSIAN LANGUAGE

The paper considers the text-synonymous type of lexical equivalence of complex words. The author identifies and describes the characteristic features of regular models of intra-intimate dark synonyms, their types, defines the concept of “parallel hyponyms”. The study revealed the complete and partial coincidence of decryption and onomasiological matrices of synonymous complex abbreviated words, which makes it possible to predict the equivalence nests of lexical abbreviations for the “Explanatory equivalence dictionary of complex abbreviated words of the Russian language”.

Key words: *text-synonymic equivalence, intraminute synonyms, parallel hyponyms, decryption matrix, onomasiological matrix.*

Поступила в редакцию 12.02. 2020 г.

**ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АББРЕВИАТУРНОЙ
ГРУППЫ «МЕД»**

В статье представлены результаты исследования, которое является частью программы по составлению «Толково-словообразовательного словаря сложносокращённых слов русского языка» под руководством проф. В.И. Теркулова. Новый комплексный подход к описанию формально-структурных особенностей аббревиатурных групп русского языка обуславливает актуальность данного исследования. Целью работы является описание соотношения дешифровальных и формальных моделей эквивалентности в пределах аббревиатурной группы с абброконструктом «мед». В работе уточнена методика описания аббревиатурной группы и описаны при помощи разработанной методики сложносокращённые слова, содержащие абброконструкт «мед».

Ключевые слова: формально–структурный анализ, дешифровальный стимул, абброконструкт, семантико-ономасиологический анализ, эквивалентность.

Целью предлагаемой работы является рассмотрение формально-структурных особенностей дешифровальных стимулов (далее – ДС) на примере гнёзд эквивалентности, входящих в аббревиатурную группу. Под дешифровальным стимулом понимается «стереотип расшифровки абброконструкта» [2, с.18], т. е. слово/словосочетание, являющееся эквивалентом абброконструкта.

Разграничиваются диахронный и синхронный подходы к описанию и выделению аббревиатур. Диахронный анализ ССС предполагает установление реальных отношений производности между ССС и эквивалентными ему словосочетаниями. Целью же синхронного анализа является установление и описание отношений синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры. Аббревиатура формируют гнездо эквивалентности, которое определяется «как совокупность актуально сосуществующих единиц, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах. Эквивалентом конструкта аббревиатуры мы считаем единицу, полностью или частично совпадающую с данным конструктом на уровне формы и имеющую с ним текстуально подтверждаемое тождественное значение. Под эквивалентным текстом нами понимается тексты (текст), в которых аббревиатура и эквивалентное словосочетание выступают в качестве абсолютных синонимов» [В.И. Теркулов, 2017, с.76].

Синхронное описание дешифровальных стимулов, аббревиатур и эквивалентных словосочетаний включает две процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

Формально-структурный анализ осуществляется в двух направлениях.

Первое направление предполагает установление общей модели использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании.

Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть дешифровальный стимул абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий

эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

Например, в гнезде эквивалентности слова *медаборт* (*медицинский аборт* «искусственное медицинское прерывание беременности в условиях специализированного учреждения»; *Медикаментозный аборт* (*фармаборт*) «метод искусственного прерывания нежелательной беременности на ранних сроках (до 6—7 недель), не требующий хирургического вмешательства представлены эквиваленты: медицинский аборт, медикаментозный аборт» реализуется общая модель использования дешифровальных стимулов $y-x$ (**адъект**): *медицинский аборт* *медикаментозный аборт*. В ходе работы нами были обнаружены следующие уточняющие типы признакового компонента:

- x – простое существительное (с указанием падежа существительного: 1 – именительный, 2 – родительный и т.д.);

- (предл) x – простое существительное, соединяемое с базисным компонентом словосочетания с помощью предлога, что указывает на падеж существительного;

- (предл) x а(сущ) – сложное существительное, соединяемой с базисным компонентом с помощью предлога, что указывает на падеж существительного;

- z (сущ) x – эквивалентное словосочетание, образованное по модели «существительное + существительное»;

Выделенные типы признакового компонента и базисный компонент формируют следующие схемы структурной эквивалентности реляционных дешифровальных стимулов:

- $y-x^2$ – оба компонента выступают в качестве простых слов, признаковый компонент фиксирован в падежной форме родительного падежа: *мединструмент – инструмент медика*.

- y (предл) x / k x (сущ)³ / по x (сущ)³ / с x (сущ)⁵ / на x (сущ)⁶ – в качестве признакового компонента выступает простое существительное с предлогом: *медлицей – лицей для медиков*.

- y (предл)- x - z (сущ) / для $x-z$ (сущ)² – место признакового компонента занимает словосочетание с предлогом: *медблог – блог для медицинских работников*.

- y -(предл)- z (сущ) x^2 – место признакового компонента занимает простое существительное, базисный компонент выражен субстантивным словосочетанием с предлогом: *медаппаратура – аппаратура для медиков*.

- $y-x-a$ (сущ)² – место базисного компонента занимает простое существительное, а признакового компонента – сложное слово, фиксированное в форме родительного падежа: *медсовет – совет медработников*.

На втором этапе структурного анализа внутри обнаруженных схем реляционного дешифрования эквивалентных словосочетаний сложного слова выстраиваются модели формирования реляционных дешифровальных стимулов.

Для построения моделей используются следующие обозначения для производных и производящих единиц (слов и словосочетаний): *сущ* – для компонентов, принадлежащих к существительным; *инт* – для сложных слов соединяющихся посредством интерфикса, символ *Чосн* определяет в сложносокращённом слове аббреквивалент как часть основы компонента словосочетания.

Для каждого компонента слова и словосочетания указывается грамматическое значение: число (единственное — символ ед., множественное – символ мн.), падеж (1 — именительный; 2 — родительный и т.д).

Для каждого гнезда эквивалентности устанавливается матрица дешифровальных стимулов (дешифровальная матрица), указывающая на набор и структуру эквивалентов слова. Например, для гнезда эквивалентности *меджилет* отмечается матрица $y-x$ (прил):

Прил1ед+Сущ1ед = ЧоснПрил1ед+Сущ1ед (медицинский жилет); у-х: Сущ1ед+Сущ2ед = ЧоснСущ2ед+Сущ1ед (жилет медика) и т.д.

В процессе работы было обнаружено, что входящие в гнезда эквивалентности лексемы по своей структуре могут быть семантически осложнены за счёт влияния на сложное слово дешифровальных стимулов. В связи с этим были выделены презентативные и интерпретативные (модификационные и релятивные), метафорически симультантные типы дешифровальных стимулов в данной группе. Текстовый анализ установил количественную вариативность употребления сложносокращённых слов и их текстовых эквивалентов в рамках одного контекста.

В основе ономаσιологической классификации лежит распределение рассматриваемых единиц по ономаσιологическим классам, которые определяются как «объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинатем, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом» [4, с. 55].

Иными словами, распределение рассматриваемых нами единиц по ономаσιологическим классам осуществляется по трем параметрам:

1) все номинатемы, входящие в один ономаσιологический класс, являются сложносокращённые слова;

2) все ССС, входящие в один ономаσιологический класс, являются существительными;

3) все существительные, входящие в данную группу, имеют одинаковое архисемное инвариантное значение [там же].

Для более ёмкого представления ономаσιологических особенностей реляционных дешифровальных стимулов мы предлагаем использовать ономаσιологические модели, являющиеся важным структурным компонентом при изучении сложносокращённого слова на синхронном срезе языка, благодаря которому складывается завершённая картина в определении значения той или иной номинатемы. Под ономаσιологической моделью мы понимаем частотно воспроизводимые в языке конструкции, «служащие ориентиром при создании других наименований однородных предметов» [5, с. 95].

По Е.С. Кубряковой, ономаσιологическая модель, как правило, двухчастна и включает в себя:

- ономаσιологический базис (целевой концепт), указывающий на определенный понятийный класс – родовое понятие (например, «предмет»), к которому отнесено наименование;

- ономаσιологический признак, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса [6 с. 3-23.].

Ономаσιологический базис всегда несет в себе общую семантику ономаσιологического подкласса. Например, при анализе абброгруппы «мед» нами выделяются 13 **ономаσιологических классов**, которые определяются как «объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинатем, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом.

Учреждение: В данную группу входят сложные слова, обозначающие организацию, которая создана для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. Образованные по моделям:

Учреждение + квалификатив: *медакадемия – медицинская академия, мединститут – медицинский институт;*

1. **Объединение людей:** Данная группа формирует обозначение объединения людей по тем или иным признакам. В данной абброгруппе номинатемы, образованные по модели:

Объединение людей + квалификатив = *медкомиссия – медицинская комиссия, медперсонал – медицинский персонал;*

2. **Приспособление:** В данную группу входят слова, которые обозначают предмет, особое устройство, посредством или при помощи которого совершается какая-н. работа, действие». Нами представлены некоторые сложносокращённые слова, входящие в данный ономасиологический класс базиса и образованных по моделям:

Приспособление + квалификатив = *медбинт – медицинский бинт, медвата – медицинская вата;*

3. **Событие:** В данную группу входят сложные слова, обозначающие то, что имеет место, происходит, наступает в произвольной точке пространства-времени значительное происшествие, явление или иная деятельность как факт общественной или личной жизни. В данной абброгруппе номинатемы, образованные по модели:

Событие + квалификатив = *медаборт – медицинский аборт, медсовет – медицинский совет;*

4. **Помещение:** Данную группу наполняют слова, обозначающие часть пространства здания или другого объекта недвижимого имущества. Образуется по модели:

Помещение + квалификатив = *медблок – медицинский блок, медпункт – медицинский пункт;*

5. **Одежда:** В группу входят сложносокращённые слова, обозначающие совокупность предметов, которыми покрывают, облачают тело. Образуется по модели:

Одежда + квалификатив = *меджилет – медицинский жилет;*

6. **Часть приспособления:** В данную группу входят номинатемы, обозначающие составляющую часть объектов-приспособлений. Образуется по модели:

Часть приспособления + квалификатив: *мединструмент – медицинский инструмент, меджгут – медицинский жгут;*

7. **Документы:** В группу входят сложносокращённые слова, обозначающие деловые бумаги, которые являются доказательством чего-нибудь и подтверждающие право на что-нибудь. В абброгруппе номинатемы, образованные по моделям:

Документы + квалификатив: *медкарта – медицинская карта, медсправка – медицинская справка;*

8. **Мероприятие:** В данную группу входят номинатемы, обозначающие организованное действие или совокупность действий, имеющих целью осуществление чего-н. Образуется по модели:

Мероприятие + квалификатив = *медкомиссия – медицинская комиссия, медосмотр – медицинский осмотр;*

9. **Действие:** В данную группу входят номинатемы, обозначающие проявление какой-н. энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь. Образуется по модели:

Действие + квалификатив = *медобследование – медицинское обследование, медпомощь – медицинская помощь;*

10. **Результат:** В данную группу входят номинатемы, обозначающие конечный итог, завершающий собой что-нибудь. Образуется по модели:

Результат + квалификатив = *медлечение – медицинское лечение, медлицензия – медицинская лицензия;*

11. **Прескриптивные факты:** Данную группу наполняют слова, обозначающие факты о должном, то есть высказывание, утверждающее необходимость каких-либо действий или их отсутствия. Образуется по модели:

Прескриптивные факты + квалификатив = *медицина, медосмотр – медицинский осмотр, медобслуживание – медицинское обслуживание;*

12. **Субъект:** В группу входят номинатемы, обозначающие носителя деятельности, сознания и познания; индивида, познающего внешний мир и воздействующего на него в своей практической деятельности. Образуется по модели:

Субъект + квалификатив = *медсестра – медицинская сестра, медэксперт – медицинский эксперт.*

Таким образом, в рамках одной абброгруппы, нами были выделены 13 ономасиологических классов базиса и 4 ономасиологические модели, формирующие презентативные дешифровальные стимулы сложносокращённых слов. Также составление ономасиологических моделей показало наличие лакунарных позиций в эквивалентности сложносокращённого слова.

Презентативным дешифровальным стимулам здесь является атрибут *медицинский*, например: *медблок – медицинский блок; медаптечка – медицинская аптечка; меджилет – медицинский жилет; медбат – медицинский батальон; медгаз – медицинский газ; медосмотр – медицинский осмотр; медпункт – медицинский пункт; медраствор – медицинский раствор* и под. Во всех случаях реализуется обобщённая семантика «имеющий отношение к медицине».

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13–24.

2. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – № 6, 2017. – С. 73–97.

3. Теркулов В.И. Дешифровальные стимулы в аббревиатурной группе «авто» // В.И. Теркулов, Е.Ю. Аламайрех // Актуальные проблемы филологии и прикладной лингвистики. – Владикавказ: Северо-Осетинский университет им. К.Л. Хетагурова, 2017 – С. 114–119.

4. Виноградов В. В. Грамматическое учение о слове / Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.

5. Баранова Л. А. Аббревиатурно-узуальная омонимия и омонимия исконных и заимствованных аббревиатур как средства языковой игры на стыке языков / Л. А. Баранова // Вісник Дніпропетровського університету. Серія : Мовознавство. – 2012. – Т. 20, вип. 18. – С. 3-8.

6. Баранова Л. А. Особенности деаббревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке / Л. А. Баранова // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2011. – Т. 24 (63), № 1, ч. 1. – С. 317–323.

L. S. Malishevskaya

FORMAL STRUCTURAL FEATURES OF THE ABBREVIATION GROUP "MED»

The article considers the research that is part of the program for compiling an "Explanatory dictionary of compound words of the Russian language" under the name of ruk. Professor V. I. terkulov. The new complex approach to describing formal structural features of abbreviated groups of the Russian language determines the relevance of this study. The purpose of this work is to describe the relationship between decryption and formal equivalence models within the abbreviation group with the abbreviation "med". The goal defined the following tasks: to clarify the content of the concept of "decryption stimulus"; to clarify the method of describing the

abbreviation group; to describe compound words containing the abbreviation "honey" using the developed method.

Key words: *formal-structural analysis, decoding stimulus, abbroconstruct, semantic-onomasiological analysis, equivalence.*

Поступила в редакцию 16.02. 2020 г.

УДК 81'373.611

Т. А. Штельман

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В АББРОГРУППЕ «МОТО»

Статья посвящена комплексному исследованию аббревиатурной группы «мото». В ходе исследования был проведен формально-структурный анализ гнезд эквивалентности абброгруппы, который определил особенности, количество результатов использования сложносокращённых слов, дешифровальные стимулы. На основании анализа влияния дешифровальных стимулов на сложносокращённые слова были выделены презентативные и интерпретативные типы дешифровальных стимулов абброгруппы «мото». Во время исследования также были разработаны и классифицированы модели формальной эквивалентности в данной абброгруппе.

Ключевые слова: *аббревиация, сложносокращённые слова, дешифровальный стимул, гнездо эквивалентности, синхронный подход, модель формальной разновидности.*

Изучение аббревиатур, проводимое в Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации «ЭЛИТА», имеет своей конечной целью составление Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка. Работа со словарем данного словаря включает ряд исследовательских процедур, важное место среди которых занимает описание отношений эквивалентности в рассматриваемых аббревиатурных группах (далее – АГ), то есть в объединениях аббревиатур, имеющих одинаковый препозитивный абброконструкт.

Наша статья посвящена описанию формально-структурных особенностей сложносокращённых слов (далее – ССС), входящих в аббревиатурную группу «мото». Под ССС в данной работе понимаются «единицы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и содержащие в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний как минимум один из которых является неинициальным аббревиационным конструктом (**абброконструктом**). Под абброконструктом понимается часть аббревиатуры представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [1, с.74], например абброконструкт *мото*, который выступает в качестве сокращенного эквивалента слова *мотоциклетный* в парах *мотодвигатель – мотоциклетный двигатель; мотовзвод – мотоциклетный взвод; мотогощик – мотоциклетный гонщик* и др.

Целью исследования является формальное описание АГ *мото*, предполагающее проведение формально-структурного анализа гнезд эквивалентности данной группы. Следует отметить, что в теоретических установках ЭЛИТА важное место занимает разграничение диахронного и синхронного подходов к аббревиации. При первом устанавливаются и описываются отношения реальной производности между словом и словосочетанием, при втором – отношения актуальной текстовой эквивалентности слова и

словосочетания. Если при диахронном подходе для нас важно определить, от чего произведено, например слово *мотокнига* – от словосочетания *книга о мотоциклах* или от словосочетания *мотоциклетная книга*, то при синхронном подходе мы констатируем, что в эквивалентных текстах слово *мотокнига* может взаимозаменяться со словосочетаниями *книга о мотоциклах* и *мотоциклетная книга*. Целью синхронного анализа является установление и описание отношений эквивалентности в пределах гнезд эквивалентности, входящих в аббревиатурную группу *мото*. Эквивалентом аббревиатуры мы считаем абсолютно синонимичное сложносокращенному слову словосочетание, компоненты которого представлены в аббревиатуре в виде абброконструктов (как минимум один) и в неизменном виде. Например, для сложносокращенного слова *мотодвигатель* нами отмечаются следующие эквиваленты: *мотоциклетный двигатель*, *двигатель на мотоцикл*, *двигатель для мотоцикла*. Словарь создаётся на основе именно синхронного подхода, поэтому в данной работе представлены результаты **синхронного анализа** избранной АГ.

Синхронное описание ССС использует понятие гнезда эквивалентности (ГЭ), которое определяется как совокупность единиц, находящихся с ССС в отношениях текстовой эквивалентности (в дальнейшем ТЭ). Например, в ГЭ *мотоаксессуары* входят такие корреляты, как *аксессуар для мотоциклов*, *аксессуар для мотоцикла*, *аксессуар для мото*, *аксессуар к мотоциклам*, *аксессуар к мото*, *аксессуар на мотоцикл*, *аксессуар мотоцикла*, *аксессуар на мотоциклы*, *аксессуары на мото*, *аксессуар к мотоциклу*. Аббревиатурная группа «мото» состоит из 81 гнезда эквивалентности.

Для аббревиатурной группы «мото» отмечаются такие компонентные типы эквивалентного словосочетания:

- а) двухкомпонентные эквиваленты, например *мотошлем – мотоциклетный шлем*;
- б) трёхкомпонентные эквиваленты (с предлогом), например *мотогонка – гонка на мотоциклах*;
- в) четырёхкомпонентные эквиваленты (с предлогом), например *мотомагазин – магазин запчастей для мотоциклов*;

Эквивалентом абброконструкта (дешифровальным стимулом этого абброконструкта) мы будем считать слово, имеющее с ним тождественное значение и могущее трактоваться как формальный прототип абброконструкта. Эквивалентным текстом мы будем называть текст, в котором ССС и его эквивалент употребляются в тождественном значении.

Базовой единицей эквивалентной интерпретации является дешифровальный стимул (далее – ДС), который представляет собой «стереотип расшифровки абброконструкта, т.е. слово или словосочетание слов, являющееся эквивалентом абброконструкта и используемое для его замены в эквивалентном словосочетании» [7, с. 236]. Для абброконструкта *мото* нами отмечаются такие дешифровальные стимулы: *на мотоцикл*, *мотоциклетный*, *для мотоцикла*, *для мотоциклистов*, *мотоциклиста*, *для мото*, *к мото*, *на мотоцикле*, *на мотоциклы*, *в мотоцикле*, *на мотоциклах*, *о мотоциклах*, *от мотоцикла*, *в мотоцикл*, *к мотоциклам*, *к мотоциклу*, *мотоциклов*, *мотоцикла*. По количеству входящих в дешифровальные стимулы компонентов их можно разделить на однокомпонентные (*мотоаккумулятор – мотоциклетный аккумулятор*; *мотодеталь – мотоциклетная деталь*, *мотоэкипировка – мотоциклетная экипировка*), двухкомпонентные (*мотоакустика – акустика для мотоциклов*, *мотокросс – кросс на мотоциклах*) и трехкомпонентные (*мотозавод – завод по производству мотоциклов*).

ДС – это фоновые знания, которые стимулируют возможность разной трактовки ССС. Элемент *мото* может указывать не только на «принадлежность к мотоциклу», но и на особенности приборов, осуществляющих работу при помощи мотора. В таком случае компонент *мото* будет расшифровываться как *моторный* и трактоваться нами как симультантный абброконструкт.

Для АГ «мото» мы можем выявить следующие типы ДС:

1. Презентативные – «осуществляют наиболее обобщенную (кваликативную) трактовку значения абброконструкта» [В. И. Теркулов, 2017, с.92]. В данном случае стигул характеризуется формированием абсолютно эквивалентных отношений между аббревиатурой и словосочетанием, например *мотокнига – мотоциклетная книга*.

2. Модификативные — «конкретизируют значение аббревиатуры, предоставляя ей возможность употребляться для номинации разновидностей обозначенного ею референта» [В.И. Теркулов. 2017, с.93], например *мотошлем – шлем мотоциклиста*.

3. Релятивные — «осуществляют разную интерпретацию статуса референта обозначенного аббревиатурой, в пределах номинации» [В.И. Теркулов. 2017, с.94], например *мотоклуб – клуб любителей мотоциклов*.

Для определения наиболее частотных текстовых эквивалентов абброконструкта «мото» был проведен формально-структурный анализ собранного материала.

Для 83 проанализированных слов, содержащих АК «мото», было обнаружено 205 эквивалентных словосочетаний.

Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть дешифровальный стимул абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре. Мы различаем следующие базовые типы дешифровальных стимулов:

1. х – существительное (у-х: *аккумулятор мотоцикла – мотоаккумулятор*);
2. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *мотоциклетная гонка – мотогонка*);
3. х-а – сложное существительное: (у-х-а(сущ)): *музей мототехники – мотомузей*);
4. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *сиденье для мотоцикла – мотосиденье*);
5. х-z(сущ) – словосочетание с зависимым существительным: (у-х-z(сущ): *клуб любителей мотоциклов – мотоклуб*);
6. (предл)х-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (у-(предл)х-z(сущ): *инструмент для ремонта мотоцикла – мотоинструмент*);

Определение моделей формальной эквивалентности – это одна из основных задач исследования аббревиатур при синхронном подходе. Это дает основание для восприятия некоторых абброконструктов как абброквивалентов, а также является важным шагом в решении проблемы выявления производного и производящего в паре «аббревиатура-словосочетание».

Этот этап значительно расширяет деление, произведенное на предыдущем этапе, так как предметом анализа становится уже не модель структуры дешифровального стимула, а модель формальной разновидности эквивалентности словосочетания и сложносокращенного слова.

Следует определить такие используемые операторы:

Сущ – существительное;

СущНескл – несклоняемое существительное;

Прил – прилагательное;

Предл – предлог;

ЧоснСущ – часть основы существительного;

ЧоснСущНескл – часть основы несклоняемого существительного;

ЧоснПрил – часть основы прилагательного;

ед – форма единственного числа;

мн – форма множественного числа;

Сущ1/Прил1 – указание на падежную форму, где 1 – форма Именительного падежа, 2 – Родительного и т.д.

Первая часть формулы (например, *Прил1ед-Сущ1ед*) является моделью формальной разновидности эквивалентности СС, вторая (например, *ЧоснПрил1ед+Сущ1ед*) – это модель формальной разновидности эквивалентности ССС.

1 модель формальной разновидности эквивалентности —Прил1ед-Сущ1ед — ЧоснПрил1ед+Сущ1ед. Данная структурная схема репрезентирует ситуацию, когда аббревиатуре соответствует эквивалентное словосочетание состоящее из субстантивного и адъективного компонентов. **Количество употреблений:** 52 эквивалента.

Эта модель является самой распространенной, так как осуществляет наиболее обобщенную трактовку значения аббрекконструкта.

Например, *мотовыставка – мотоциклетная выставка; мотогарнитура – мотоциклетная гарнитура, мотогонка – мотоциклетная гонка.*

2 модель формальной разновидности эквивалентности –Прил1мн+Сущ1мн > ЧоснПрил1мн+Сущ1мн. Это разновидность модели 1, в которой прилагательное и существительное употреблены в парадигме множественного числа. Например, *мотоочки – мотоциклетные очки.* **Количество употреблений:** 4 эквивалента.

3 модель формальной разновидности эквивалентности –Сущ1ед+СущНескл — СущНескл+Сущ1ед. **Количество употреблений:** 12 эквивалентов.

Она является достаточно употребительной и общепринятой.

Например, *мотоавария – авария мото, мотодвигатель - двигатель мото, мотокаталог – каталог мото.*

4 модель формальной разновидности эквивалентности –Сущ1ед+Сущ2ед — ЧоснСущ2ед+Сущ1ед. Модель эквивалентности частично сокращённого слова с сохранением формы главного слова и в силу этого с использованием его парадигмы в качестве парадигмы аббревиатуры.

5 модель формальной разновидности эквивалентности – Сущ1мн+Сущ2ед - ЧоснСущ2ед(АК)+Сущ1мн. В этом случае главное слово употребляется преимущественно в форме множественного числа, а зависимое – в форме единственного, например, *мотоновости – новости мотоспорта, мотоаксессуары – аксессуары мотоцикла.* **Количество употреблений:** 10 эквивалентов.

6 модель формальной разновидности эквивалентности – Сущ1ед+предл+СущНескл — СущНескл+Сущ1ед(-предл). В этом случае осуществляется использование как конструкта несклоняемого существительного **мото**. В модели используются предлоги:

А. *для*, например *мотоаптечка – аптечка для мото;*

Б. *на*, например *мотогонка – гонка на мото;*

В. *к*, например *мотоаксессуар – аксессуар к мото;*

Г. *про*, например *мотосайт – сайт про мото.*

Количество употреблений: 16 эквивалентов.

7 модель формальной разновидности эквивалентности – Сущ1ед+предл+Сущбед — ЧоснСущбед+Сущ1ед(-предл). В данной конструкции дешифровальный стимул представлен формой предложного падежа единственного числа. В эквивалентном словосочетании используются предлоги:

А. *в*, например *мотоаккумулятор – аккумулятор в мотоцикле;*

Б. *на*, например *мотоезда – езда на мотоцикле.*

Количество употреблений: 35 эквивалентов.

8 модель формальной разновидности эквивалентности – Сущ1ед+Сущ2мн — ЧоснСущ2мн+Сущ1ед. Самая распространённая модель реализации дешифровального стимула Х, в которой эквивалент аббрекконструкта выступает в форме родительного

падежа множественного числа. Например, *мотобратство* – *братство мотоциклистов*, *мотоаренда* – *аренда мотоциклов*. **Количество употреблений:** 30 эквивалентов.

9 модель формальной разновидности эквивалентности - Сущ1ед+предл+Сущ2ед — ЧоснСущ2ед+Сущ1ед(-предл). Модель эквивалентности частично сокращённого слова с сохранением формы главного слова и в силу этого с использованием его парадигмы в качестве парадигмы аббревиатуры. Предлог в аббревиатуре опускается. Чаще всего используется предлог *для*, например *мотоакустика* – *акустика для мотоцикла*, *мотоглушитель* – *глушитель для мотоцикла*. **Количество употреблений:** 25 эквивалентов.

10 модель формальной разновидности эквивалентности - Сущ1мн+предл+Сущ2мн > ЧоснСущ2мн(АК)+Сущ1мн (-предл). В данной модели базисное слово производящего словосочетания, а значит и аббревиатура, имеет ущербную парадигму (только множественное число), а эквивалентное аббревиатуре зависимое слово употреблено в форме родительного падежа множественного числа, например *мотобрюки* – *брюки для мотоциклистов*. **Количество употреблений:** 7 эквивалентов.

При составлении формальных моделей было определено два типа отношений между моделью АГ и моделью эквивалентных сочетаний: симметрический дуализм (определяющийся в ситуациях тождественного количества моделей аббревиатурной группы и эквивалентных сочетаний), например, ЧоснПрил1ед+Сущ1ед (*мотоадаптер*, *мотоаптечка*, *мототуризм* и т. д.), т.к. в пределах АГ «мото» данной модели соответствует только одна модель эквивалентных словосочетаний: Прил1ед+Сущ1ед (*мотоциклетный адаптер*, *мотоциклетная аптечка*, *мотоциклетный туризм*), и асимметрический дуализм (не соответствие количественного тождества моделей), например, ЧоснСущ2+ Сущ1(-предл) (*мотобрюки*, *мотоочки*) соответствует две модели эквивалентных словосочетаний: сущ1ед+предл+сущ2ед (*брюки для мотоциклиста*, *очки для мотоциклиста*) и сущ1ед+предл+ сущ2мн (*очки для мотоциклистов*, *брюки для мотоциклистов*).

Заключение

В данной работе была предпринята попытка проанализировать аббревиационную группу с тождественным элементом мото-. Исследуемая в работе аббревиатурная группа с аббревиатурным элементом мото позволила наглядно представить основные принципы описания аббревиатурных групп. Произведенный анализ включил в себя формально-структурную характеристику группы, что в последующем позволило выявить особенности употребления аббревиатур и их эквивалентов в тексте. В процессе работы было обнаружено, что входящие в гнезда эквивалентности лексемы по своей структуре могут быть семантически осложнены за счет влияния на сложное слово дешифровальных стимулов. В связи с этим были выделены презентативные и интерпретативные (модификационные и релятивные) типы дешифровальных стимулов в данной группе. Также рассматриваемая аббревиатурная группа была представлена некоторым количеством моделей: формальными дешифровальными стимулами, которые вводятся через определенную систему знаков, образуют дешифровальную матрицу, в которую также входит формальная разновидность эквивалентностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
2. Бровец, А. И. Словарь дешифровальных стимулов аббревиатур русского языка / А. И. Бровец // Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. по материалам II

Респ. очно-заочной науч.-практ. конф. студентов и молодых учёных. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – с. 18–22.

3. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13–24.

4. Теркулов В.И. Синхронный и диахронный подходы к выделению аббревиатур / В.И. Теркулов // Расширяя границы лингвистики : сборник в честь 70-летия доктора филологических наук, профессора В.Д. Калиущенко. – Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 2016. – С. 221–228.

5. Зайберт Е.А. Аббревиатурная группа гидро: формальная модель описания [Электронный ресурс] / Е.А. Зайберт // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – Вып. 11, том 2: Гуманитарные науки. – С. 31–35.

6. Акулич Е.А. Релятивные дешифровальные стимулы аббревиатурной группы «VELO» / Е.А.Акулич // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17–20 октября 2017 г.). – Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – с. 10-12.

7. Теркулов В.И. Особенности толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов / В.И. Теркулов // Текст культуры и культура текста : Материалы IV Международного педагогического форума. Редколлегия: Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, О.Е. Дроздова [и др.]. С.-Пб: Общество преподавателей русского языка и литературы (Санкт-Петербург), 2017. – С. 234–238.

T. A. Shtelman

THE FORMAL MODEL OF EQUIVALENCE IN APOGRAPHE «MOTO»

The article is devoted to a comprehensive study of the abbreviation group "moto". In the course of the study, a formal structural analysis of the equivalence nests of the abbreviation group was carried out, which determined the features, the number of results of using compound words, and decoding stimuli. Based on the analysis of the influence of decryption stimuli on compound words, the presentative and interpretative types of decryption stimuli of the "moto" abbreviation group were identified. During the study, formal equivalence models were also developed and classified in this abbrogroup.

Key words: abbreviation, compound words, decoding stimulus, equivalence nest, synchronous approach, formal variety model.

Поступила в редакцию 25.02.2020 г.

**ОДНОСОСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ**

В статье проанализировано изложение теоретического материала по теме «Односоставные предложения» в 8 классе, его закрепление упражнениями. Рассмотрен также теоретический материал в учебнике русского языка для 9 класса по теме «Сложное предложение». Представлены примеры сложных предложений, содержащих односоставные грамматические основы в своей структуре. В связи с отсутствием теоретического материала об односоставных предложениях в учебниках русского языка для 9 класса сделан вывод о необходимости актуализации опорных знаний по теме «Односоставные предложения» в курсе 9 класса, выделения односоставных конструкций в составе сложных и сосредоточении внимания на их функцию и использование не только письменном, но и в устном контексте.

Ключевые слова: односоставное предложение, сложное предложение, актуализация опорных знаний, односоставные именные предложения, односоставные глагольные предложения.

Односоставные предложения представляют собой один из труднейших вопросов в русском синтаксисе. Главная трудность заключается в определении грамматической основы таких предложений. Учащиеся часто путают односоставные предложения с двусоставными неполными. Необходимо обратить внимание на главную особенность односоставных предложений: в них имеется всего один главный член, который формально напоминает подлежащее или сказуемое, при этом второй главный член не подразумевается или не восстанавливается.

Цель статьи – диагностировать трудности изучения односоставных грамматических основ в структуре сложных предложений.

Понятие об односоставном предложении было предложено А. А. Шахматовым, который посвятил описанию различных типов односоставных предложений очень большой раздел в своем научном труде «Синтаксис русского языка»: «Предложения русского языка, – писал ученый, – распадаются по форме на следующие две основные разновидности: предложения односоставные, не представляющие словесного обнаружения тех двух членов, на которые распадается каждая психологическая коммуникация, и на предложения двусоставные, один состав которых является господствующим и соответствует психологическому субъекту, а другой состав – зависимым и соответствует психологическому предикату» [8, с. 41].

В своей научной работе А. А. Шахматов делит все односоставные предложения на четыре основные группы:

1) Односоставные бесказуемо-подлежащные предложения, к которым относятся: именные номинативные, количественно-именные, именные генитивные.

2) Односоставные сказуемо-бесподлежащные предложения, которые подразделяются на следующие группы: определенно-личные бесподлежащные, неопределенно-личные, инфинитивные бесподлежащные, адъективные бесподлежащные, междометные бесподлежащные предложения.

3) Вокативные односоставные предложения, в которых единственным членом предложения является обращение, произнесенное с особой интонацией.

4) Безличные односоставные предложения. К ним относятся: безличные спрягаемо-глагольные предложения, инфинитивно-глагольные безличные, причастно-глагольные безличные, наречные безличные предложения, междометные безличные предложения [8, с. 90-92].

Учение А. А. Шахматова об односоставном предложении оказало огромное влияние на изучение и развитие синтаксической науки, его научный труд «Синтаксис русского языка» долгое время был библиографической редкостью.

На основе синтаксической концепции А. А. Шахматова о грамматической двусоставности и односоставности простого предложения был опубликован II том Академической грамматики русского языка под редакцией академика В. В. Виноградова и профессора Е. С. Истриной. Авторами Грамматики-54 было выделено и детально описано шесть типов односоставных предложений в современном русском языке: неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные, номинативные, слова-предложения [3, с. 78].

Под влиянием Грамматики-54 идея синтаксической двусоставности и односоставности простого предложения была положена в основу всех вузовских учебных пособий по русскому синтаксису.

Из новейших учебных пособий по русскому синтаксису следует уделить внимание учебному пособию В. И. Казариной «Современный русский синтаксис: Структурная организация простого предложения» [5, с. 326], в котором классификации и традиционному описанию односоставных предложений посвящен целый раздел, причем, в научном свете, что отличает данное пособие от некоторых других современных вузовских учебных пособий.

В. В. Бабайцевой классифицировано и детально описано семь структурно-семантических типов односоставных предложений в современном русском языке: определено-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные, номинативные, вокативные [1, с. 112].

В 2004 году вышло новое издание этой книги под заголовком «Система односоставных предложений в современном русском языке», в которой более последовательно анализируются структурный, логический, семантический и коммуникативный аспекты этих предложений. В пособии при описании односоставных предложений автором последовательно учитываются их синонимические связи с двусоставными предложениями, а также случаи синтаксического синкретизма. Учитывая то, что односоставные предложения – это «одно из ярких художественно-изобразительных средств», что «их семантико-стилистическая выразительность проявляется в тексте», автор книги анализ типов односоставных предложений проводит, как правило, на материале текста или его фрагментов [2, с. 112].

Впервые с понятием «односоставное предложение» учащиеся знакомятся в восьмом классе. В учебнике «Русский язык. 8 класс» Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой односоставные предложения определяются как «предложения с одним главным членом — подлежащим или сказуемым» [6, с. 84]. Далее отмечается: «Односоставные предложения имеют законченный смысл, так что в них второй главный член или не нужен, или невозможен. Например: *Летом поеду к морю. Темно. Пора уходить.* В первом предложении ясно, что речь идет о первом лице — «я»; во втором и третьем предложениях подставить подлежащее невозможно» [6, с. 84]. Для закрепления теоретического материала предлагаются упражнения 129 и 130, в которых необходимо найти односоставные предложения и определить, какой частью речи в них выражен главный член предложения.

Авторы учебника обращают внимание учащихся на отличие между односоставными предложениями и двусоставными неполными предложениями: «Следует помнить —

смысл односоставных предложений понятен без контекста или ситуации; этим односоставные предложения отличаются от контекстуально и ситуативно неполных» [6, с. 85].

В этом же параграфе выделяются именные и глагольные односоставные предложения: «по характеру главного члена можно уже сделать вывод о типе односоставного предложения: односоставные предложения без сказуемого будут именным, односоставное без подлежащего — глагольным» [6, с. 86].

Упражнения в параграфе направлены на развитие умений учащихся отличать односоставные предложения от двусоставных, определять их тип (именное или глагольное), заменять двусоставные предложения односоставными. Для работы представлены простые предложения из произведений классической литературы. Так, в упражнении 133 ученикам предлагаются предложения из поэтических произведений А. С. Пушкина, которые необходимо разделить на группы односоставных глагольных и односоставных именных предложений. Например: *Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье... Дни поздней осени бранят обыкновенно...* В упражнении 135 необходимо отредактировать текст, заменяя двусоставные предложения односоставными.

В следующем параграфе выделяются основные группы односоставных предложений. Теоретический материал представлен в виде таблицы, где отмечаются вид односоставного предложения, его значение и синтаксическая функция главного члена. В учебнике авторами выделяются следующие типы односоставных предложений:

- определенно-личные (*Собираюсь на урок. Решим это завтра*),
- неопределенно-личные (*Нам об этом никогда не рассказывали*),
- обобщенно-личные (*За деньги ума не купишь*),
- безличные (*За окном посветлело*),
- назывные (*Какой чудесный день!*).

На каждый тип односоставных предложений в учебнике выделяется отдельный параграф с упражнениями для закрепления. В некоторых упражнениях отмечается, что необходимо найти односоставные предложения в структуре сложных предложений. Например, в упражнении 143 встречаются такие конструкции: *Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь...»*. В данном примере односоставное определенно-личное предложение входит в состав сложного предложения с бессоюзной связью. Похожим примером служит предложение *Закрою глаза — и вижу: на крутой пригорок, поросший белой кашкой, взбегают тропа, а там, на пригорке, заворачивает влево за сосновый лесок*. Или предложение *Хороших-то людей много ведь, только пощщи — найдёшь!* тоже имеет в своей структуре определенно-личное предложение.

Т. В. Гоголина предлагает использовать таблицы для обобщения теоретического материала как в 8 классе, так и в старших классах для актуализации знаний [4, с. 20].

Виды ОСП Аспекты анализа	Определенно -личные	Неопределен но-личные	Обобщенно- личные	Безличные	Назывные
--------------------------------	------------------------	--------------------------	----------------------	-----------	----------

Морфологическое выражение главного члена односоставного предложения	1.форма спрягаемого глагола 1 или 2 л. ед. или мн. ч.; 2.форма повелит. накл.	1.форма спрягаемого глагола 3л., мн. ч.; 2.форма прошед. вр., мн. ч.	1.любая личная форма спрягаемого глагола; 2.форма повел. накл.	1.форма спряг. глаг. 3л., ед. ч.; 2.форма прош. вр., ср.р.; 3.форма независимого инфинитива; 4.слово НЕТ; 5.начер. или кр. страд. прич. в ср. р. со связочным глаголом, зависимым инфинитивом или без них.	1.имя сущ., в форме Им. п. ед. ч. или мн. ч.; 2.количественно-именное словосочетание по модели колич. числ. + Им. п. в Р. п.
Типовое значение односоставного предложения	Действие или состояние, отнесенное к определенному лицу	Действие или состояние, соотношенное с неопределенным лицом	Действие или состояние, связанное с обобщенным объектом	Действие или состояние, возникающее и существующее независимо от производителя действия или носителя признака	Утверждения бытия, существования предмета речи, мысли
Примеры	Знаю, что шутишь, а все верю.	В дверь постучали.	Слезами горю не поможешь.	Светает. Похолодало. Не своротить камня с пути.	Почти пустая платформа.

В курсе русского языка для 9 класса при изучении сложных предложений не отмечается возможность наличия односоставных частей в структуре сложных. Теоретический материал учебника «Русский язык. 9 класс» Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой не содержит информации об односоставных предложениях, однако в некоторых упражнениях встречаются примеры сложных предложений, содержащих односоставные части в своей конструкции. Например: *[Еще нигде не зарумянилась заря], но [уже забелелось на востоке]*. В данном предложении односоставная безличная основа входит в состав сложносочиненного. В упражнении для закрепления можно также встретить сложносочиненное предложение, состоящее из односоставной неопределенно-личной части и двусоставного предложения: *[На фабрике ожидали худшего], однако [проверка представленных фактов не выявила серьезных нарушений]*

При изучении сложноподчиненных предложений ученики, выполняя упражнения, имеют дело с предложениями с односоставными конструкциями. Так, в упражнении 67 мы находим такое предложение: *[Только видно на кочках и впадинах], (как синют кругом небеса)*. В данном примере главной частью сложноподчиненного предложения является односоставная безличная часть. Похожую конструкцию мы видим в упражнении 77: *[Тему нашего разговора посвятим родному языку], (который Даль назвал «живым великорусским»)*. Определенно-личная конструкция служит главной частью в данном примере.

Встречаются также сложноподчиненные предложения, где и главная, и придаточная части являются односоставными конструкциями: *[Работаю с перерывами], (так как приходится принимать посетителей)*. В данном примере главная часть — односоставная определено-личная грамматическая основа, а в качестве придаточной части используется односоставная безличная конструкция.

В последующих упражнениях по теме «Сложноподчиненное предложение» имеются примеры предложений с придаточными уступки, где односоставные конструкции могут выступать в качестве главной или придаточной части. Например: (*Сколько ни добивались*), [*никто нигде ничего нам толком не сказал*]. (*Несмотря на то что окна в сад были завешены*), [*в комнате было очень светло*]. (*Пускай вокруг отчаянно заливались лаем все окрестные собаки*), [*ему было всё равно*].

Таким образом, на уроках 9 класса необходимо актуализировать опорные знания по теме «Односоставные предложения» и выделять такие грамматические основы в составе сложных предложений. Отсутствие теоретического материала по данной теме требует особого внимания и закрепления пройденного материала при выполнении упражнений, содержащих сложные предложения с односоставными конструкциями. Кроме того, при работе с односоставными грамматическими основами научить школьников ощущать семантико-стилистические особенности конкретных односоставных высказываний и вырабатывать навык использования в речи односоставных конструкций отдельно или в составе сложных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Наука, 2004. – 246 с.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. – М.: Наука, 2000. – 321 с.
3. Галкина-Федорук Е. М. О двусоставных и односоставных предложениях в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Просвещение, 2001. – 276 с.
4. Гоголина Т. В., Пипко Е. И. Трудные вопросы изучения односоставных предложений / Т. В. Гоголина, Е. И. Пипко // Филологический класс. – 2007. – С. 19-21.
5. Казарина В. И. Современный русский синтаксис: Структурная организация простого предложения / В. И. Казарина. – М.: Наука, 2009. – 326 с.
6. Рыбченкова Л. М. Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова. – М.: Просвещение, 2017. – 223 с.
7. Рыбченкова Л. М. Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова. – М.: Просвещение, 2017. – 151 с.
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: Наука, 2001. – 242 с.

S. R. Suleymanova

THE MONONUCLEAR CONSTRUCTIONS IN THE STRUCTURE OF COMPLEX SENTENCES

The article analyses the theoretical material on mononuclear sentences for 8 grade and exercises for its consolidation. The article also examines the theory on complex sentence for 9 grade. There are examples of complex sentences that consist of mononuclear constructions. Due to absence of the theory on mononuclear sentences in the books for 9 grade it is inferred that it is needed to actualize supporting knowledge on this material in order to distinguish mononuclear constructions in complex sentences and focus attention on their function and usage not only in written, but also in oral speech.

Key words: *mononuclear sentence, complex sentence, actualization of supporting knowledge, mononuclear nominal sentences, mononuclear verbal sentences.*

Поступила в редакцию 15.02.2020 г.

ТИПОЛОГИЯ ОТАББРЕВИАТУРНЫХ СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

В статье даётся описание отаббревиатурных сложнопроизводных слов и лексические значения производных слов, в основе которых находится исследование производных слов, относящихся к разным семантико-словообразовательным категориям.

Ключевые слова: словообразовательный тип, отаббревиатурное сложнопроизводное слово, лексико-семантическая группа

В работах Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета разграничиваются диахронный и синхронный подходы к выделению и описанию аббревиатур.

При диахронном анализе «описывается класс сложносокращённых слов, реально возникших на базе словосочетаний, при синхронном же подходе мы считаем эквивалентными аббревиатуре те словосочетания, которые употребляются как её абсолютные синонимы (дублеты) в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [Теркулов: 86].

Цель данной работы состоит в том, чтобы описать отаббревиатурные сложнопроизводные слова и лексико-семантические группы сложнопроизводных слов. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) дать определение словообразовательного типа;
- 2) установить словообразовательные модели отаббревиатурных сложнопроизводных слов;
- 3) выделить лексико-семантические группы сложнопроизводных слов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что отаббревиатурные сложнопроизводные слова не получила достаточного освещения в научной литературе.

Словообразовательный тип — это схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы 2) семантического соотношения между производными и производящими, 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования и словообразовательного средства (форманта), т.е. для аффиксальных способов тождественностью аффикса [Белашапкова: 63]. Также под **словообразовательным типом** понимается класс дериватов, принадлежащих к одной части речи и характеризующихся одинаковыми словообразовательными свойствами: 1) производностью от слов одной части речи; 2) одинаковым видом словообразования; 3) общим способом словообразования; 4) тождественным словообразовательным значением; 5) одним и тем же средством выражения словообразовательного значения — дериватором [Лекант, 2017].

Особенности отаббревиатурных сложнопроизводных слов состоят в следующем: 1) при анализе ЛСГ важную роль играет раскрытие словообразовательных особенностей составляющих её лексем; 2) исследование словообразовательного аспекта лексики даёт возможность более тщательного изучения её семантики, так как каждая морфема несёт на себе определённую смысловую нагрузку, формируя тем самым семантику всего слова; 3) разные виды соотношений лексического значения дериватов со значением входящих в их состав морфем и со значением мотивирующих их слов.

**Отаббревиатурные имена существительные
(общая статистическая сводка)
Деминутивные образования**

1. Основа существительного + деминутивный суффикс:

а) Основа существительного + ок: *агрозгород* > *агрозгород-[ок]* «уменьш. к город; небольшой город»; *академгород* > *академгород-[ок]* «уменьш. к город; небольшой город»;

б) Основа существительного + ик: *аллергосад* > *аллергосад-[ик]* «уменьш. к сад; небольшой сад».

Лицо

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + ник: *авиадесант* > *авиадесант-[ник]* «военнослужащий воздушно-десантных войск»; *авторемонт* > *авторемонт-[ник]* «ремонтник автотранспортных средств»;

б) Основа существительного + ир: *авиакасса* > *авиакасс-[ир]* «работник, который осуществляет прием, хранение и учет денежной наличности»;

в) Основа существительного + ист: *авиамотор* > *авиамотор-[ист]* «рабочий, обслуживающий различные двигатели»; *автожурнал* > *автожурнал-[ист]* «человек, работающий в системе средств массовой информации (СМИ)»;

г) Основа существительного + ор: *авиаинспекция* > *авиаинспект-[ор]* «тот, кто осуществляет авиаинспекцию»; *автоинспекция* > *автоинспект-[ор]* «тот, кто осуществляет автоинспекцию»:

— Основа существительного + атор: *автоаренда* > *автоаренд-[атор]* «лицо (организация, государство), арендующее что-либо»; *газосепарация* > *газосепар-[атор]* «устройство, предназначенное для удаления жидкой фазы и механических примесей из потоков сжатого газа»;

д) Основа существительного + щик: *авиапоставки* > *авиапостав-[щик]* «лицо или учреждение, занимающееся поставками чего-либо»; *авиасборка* > *авиасбор-[щик]* «работник, к-рый производит сборку чего-н.»;

е) Основа существительного + ер: *автодизайн* > *автодизайн-[ер]* «художник-оформитель, специалист в области дизайна»; *автоимпорт* > *автоимпорт-[ёр]* «физическое лицо или организация, которая занимается ввозом товара из других стран, предоставляет услуги или капитал»;

ё) Основа существительного + чик: *авиаперевозка* > *авиаперевоз-[чик]* «тот, кто занимается отправкой, перевозкой грузов (на самолете)»; *авиаразведка* > *авиаразвед-[чик]* «сотрудник органов или военнослужащий службы разведки»;

ж) Основа существительного + ец: *автозавод* > *автозавод-[ец]* «тот, кто работает на автозаводе»;

з) Основа существительного + к-а: *автотурист* > *автотурист-[к-а]* «человек, занимающийся автотуризмом».

2. Основа существительного + аффиксоид

а) Основа существительного + мен: *автобизнес* > *автобизнес-[мен]* «тот, кто занимается бизнесом»; *автоспорт* > *автоспортс-[мен]* «спортсмен, занимающийся автомобильным спортом».

3. Основа существительного + суффикс + суффикс

а) Основа существительного + енн-ик: *авиапутешествие* > *авиапутешеств-[енн-ик]* «человек, совершающий поездку, путешествие на самолёте»; *автопутешествие* > *автопутешеств-[енн-ик]* «человек, совершающий поездку, путешествие на автомобиле».

4. Основа существительного + алломорф

а) Основа существительного + ватель: *автообозрение* > *автообозре-[ватель]* «тот, кто осматривает что-л. или наблюдает за чем-либо»;

б) Основа существительного + итель: *автопроизводство* > *автопроизвод-[итель]* «предприятие, занимающееся производством автомобилей»; *агропроизводство* > *агропроизвод-[итель]* «производитель сельскохозяйственной продукции» (это алломорфы тель).

5. Часть основы существительного + суффикс

а) Часть основы существительного + ик: *автопромышленность* > *автопромышленн-[ик]* «тот, кто занимался промыслом».

Объекты

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основы существительного + ичк-а: *афрокоса* > *афрокос-[ичк-а]* «причёска, при которой несколько прядей волос на голове человека сплетаются вместе».

Объединения людей

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + ств-о: *авиаагент* > *авиаагент-[ств-о]* «организация, выполняющая поручения каких-либо учреждений или частных лиц, либо выполняющая социальные функции в интересах потенциально заинтересованной в этих функциях группы субъектов».

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основа существительного + иров-к-а: *бандгруппа* > *бандгрупп-[иров-к-а]* «организация, объединение группы лиц, связанных общей целью, идеей, работой».

Абстрактные и научные понятия

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основы существительного + иј-а: *авиаинженер* > *авиаинженер-[иј-а]* «устар. книжн. инженерное искусство, инженерное дело»;

б) Основы существительного + ик-а: *госсимвол* > *госсимвол-[ик-а]* «совокупность символов, используемых государством»;

в) Основы существительного + изм: *авиамодель* > *авиамодел-[изм]* «конструирование и постройка моделей летательных аппаратов в технических или спортивных целях».

Мероприятия

1. Часть основы существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основа существительного + ин-к-а: *диско-вечер* > *диско-вечер-[ин-к-а]* «встреча людей (часто друзей и знакомых), в основном для развлечения и отдыха».

Вещества и устройства

1. Основа существительного + суффикс

а) Основа существительного + тор: *газосепарация* > *газосепара-[тор]* «устройство, предназначенное для удаления жидкой фазы и механических примесей из потоков сжатого газа»;

б) Основа существительного + тор: *авторегулирование* > *авторегула-[тор]* «устройство, посредством которого осуществляется автоматическое регулирование».

2. Основа существительного + суффикс + суффикс

а) Основа существительного + атель: *автопереключение* > *автопреркюч-[атель]* «устройство, работающее в масштабе реального времени, которое в соответствии с установленной программой может образовывать, прерывать или изменять состояние цепей в заранее определенные промежутки времени»; *звукоотражение* > *звукоотраж-[атель]* «устройство или естественное препятствие, изменяющее направление и интенсивность потока звуковой млн. гидравлической энергии, электромагнитных волн,

ядерных частиц, а также направление движения твёрдых тел, обладающих упругими свойствами».

Отрасли промышленности

1. Основа существительного + интерфикс + корень + суффикс + окончание

а) Основы существительного + о-стро-ениј-е: *авиаприбор* > *авиаприбор-[о-стро-ениј-е]* «область науки и техники, отрасль машиностроения, занимающаяся разработкой и производством средств измерений, обработки и представления информации, автоматических и автоматизированных систем управления».

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основы существительного + ист-ик-а: *автожурнал* > *автожурнал-[ист-ик-а]* «деятельность по сбору, обработке и распространению информации с помощью СМИ».

Действия и процесс

1. Основы существительного + суффикс + окончание

а) Основы существительного + ениј-е: *автоотключатель* > *автоотключ-[ениј-е]* «процесс действия по гл. отключить, отключать, отключаться, отключиться»; *вибробур* > *вибробур-[ени-е]* «проходка буровых скважин».

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основы существительного + ардиров-к-а: *авиабомба* > *авиабомб-[ардиров-к-а]* «бомбардировка с воздуха»;

б) Основы существительного + из-ацй-я: *автомаршрут* > *автомаршрут-[из-ацй-я]* «составление маршрутов движения ПС или его порядок следования между начальным и конечным пунктами»;

в) Основы существительного + ирова-ниј-е: *виброзонд* > *виброзонд-[ирова-ниј-е]* «метод инструментального исследования полых органов, каналов, свищевых ходов и ран с помощью зондов».

Состояния и свойства

1. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основы существительного + ова-ниј-е: *взаимочувство* > *взаимочувств-[ова-ниј-е]* «состояние по знач. глаг. чувствовать»;

б) Основы существительного + н-ость: *взаимовыгода* > *взаимовыгод-[н-ость]* «выгодность для обеих сторон»;

в) Основы существительного + н-ость: *взаимоопределение* > *взаимоопределен-[н-ость]* «свойство или состояние по значению прилагательного определённый».

Отаббревиатурные имена прилагательные

Связанный с физическими явлениями и явлениями природы

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + ов-ой: *звуковолна* > *звуковолн-[ов-ой]* «прил. к волна».

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основа существительного + иру-ющ-ий: *биолюминесценция* > *биолюминесц-[иру-ющ-ий]* «способность живых организмов светиться, достигаемая самостоятельно или с помощью симбионтов»;

б) Основа существительного + атель-ный: *звукоотражение* > *звукоотраж-[атель-ный]* «соотн. с сущ. отражение, связанный с ним».

Связанный с устройствами

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + ов-ый: *авиабомба* > *авиабомб-[ов-ый]* «связанный, соотносящийся по значению с существительным бомба».

Лица, статусные признаки и связанный с объединением людей

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + ск-ий: *авиаконструктор* > *авиаконструктор-[ск-ий]* «относящийся к конструктору, связанный с конструированием»;

б) Основа существительного + ическ-ий: *авиатурист* > *авиатурист-[ическ-ий]* «связанный, соотносящийся по значению с существительными турист, туристка».

Связанный с состоянием

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + н-ый: *взаимвыгода* > *взаимвыгод-[н-ый]* «приносящий выгоду, прибыль, доход».

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основа существительного + итель-ный: *взаимодоверие* > *взаимодовер-[итель-ный]* «выражающий доверие кому-, чему-л.».

Связанный с мероприятиями

1. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основа существительного + оч-н-ый: *автовыставка* > *автовывстав-[оч-н-ый]* «прил. соотн. с сущ. выставка, связанный с ним».

Связанный с предприятиями

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + овск-ий: *автобаза* > *автобаз-[овск-ий]* «автотранспортное предприятие со стоянками для машин и мастерскими для ремонта»;

б) Основа существительного + ск-ой: *автозавод* > *автозавод-[ск-ой]* «соотносящийся по знач. с сущ. автозавод, связанный с ним»;

в) Основа существительного + енн-ый: *агрохозяйство* > *агрохозяйств-[енн-ый]* «связанный, соотносящийся по значению с существительным хозяйством».

Связанный с материалами и веществами

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + янн-ый: *алюмодерево* > *алюмодерев-[янн-ый]* «сделанный, построенный из дерева»;

б) Основа существительного + ев-ый: *алюмогель* > *алюмогел-[ев-ый]* «хим. связанный, соотносящийся по значению с существительным алюмогель».

Относящийся к отрасли промышленности

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + еск-ий: *авиатехника* > *авиатехнич-[еск-ий]* «имеющий отношение, относящийся к технике»;

б) Основа существительного + альн-ый: *авиаиндустрия* > *авиаиндустри-[альн-ый]* «связанный с индустрией; промышленный»;

в) Основа существительного + ивн-ый: *авиаспорт* > *авиаспорт-[ивн-ый]* «спортивным называют то, что относится к организации занятий спортом».

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основа существительного + итель-ный: *авиаприборостроение* > *авиаприборостро-[итель-ный]* «относящийся к приборостроению».

Связанный с действиями

1. Основа существительного + суффикс + суффикс + окончание

а) Основа существительного + у-ем-ый: *авиадесантирование* > *авиадесантир-[у-ем-ый]* «действие по значению гл. десантировать, десантироваться».

Связанный с временными сегментами

1. Основа существительного + суффикс + окончание

а) Основа существительного + ичн-ый: *геоцикл* > *геоцикл-[ичн-ый]* «соотн. с сущ. цикл, связанный с ним».

Отаббревиатурные глаголы

Социальные действия

1. Основа существительного + суффикс + постфикс

а) Основа существительного + ить/ся: *взаимопиар* > *взаимопиар-[ить]* (разг.)/*взаимопиар-[ить-ся]* (разг.) «глагол соотн. с сущ. пиар, связанный с ним».

2. Основа существительного + суффикс + суффикс

а) Основа существительного + ива-ть: *взаимопросмотр* > *взаимопросматр-[ива-ть]* «внимательно смотреть, рассматривать».

Физические действия

1. Основа существительного + суффикс + суффикс

а) Основа существительного + ова-ть: *взаимочувство* > *взаимочувств-[ова-ть]* «обладать чувством, способностью живого существа воспринимать внешние впечатления; испытывать какое-либо чувство; воспринимать что-либо органами чувств».

Научные понятия

1. Основа существительного + суффикс + суффикс

а) Основа существительного + ирова-ть: *графоанализ* > *графоанализ-[ирова-ть]* «разбирать, разлагать вещь на ее составные части, исследовать».

В данной работе были разграничены понятия диахронный и синхронный подходы к выделению и описанию аббревиатур. Дается определение словообразовательного типа. Определены основные модели отаббревиатурных сложнопроизводных слов. При описании моделей были выделены лексико-семантические группы. Примеры были использованы из «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка», разработанной Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

2. В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; под ред. В. А. Белошапковой. — 2-е изд., испр. и доп.— Москва: Высш. шк., 1989. — 800 с.

3. П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков. Современный русский язык : учебник для академического бакалавриата / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков; под редакцией П. А. Леканта. — 5-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2017. — 493 с.

S. V. Tahmazova

TYPOLOGY OF ABBREVIATED COMPOUND WORDS

The article provides a description of abbreviated compound words and lexical meanings of derived words, which are based on the study of derived words belonging to different semantic and word-forming categories.

Keywords: *word-formation type, abbreviation of a compound word, lexical and semantic group*

Поступила в редакцию 27.02.2020 г.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ В АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЕ «ЕВРО»

Цель работы заключается в анализе семантических, структурных особенностей окказиональных сокращений, а также в выявлении причин образования данных единиц на примере абброгруппы «евро». Для достижения поставленной цели были рассмотрены и сопоставлены окказиональные единицы с позиций диахронного анализа. В результате исследования выделяется группа слов, семантика и структура которых отличается от других окказионализмов этой абброгруппы, а также устанавливаются две причины образования таких слов.

Ключевые слова: *сложносокращённое слово, аббревиатура, абброконструкт, окказиональная аббревиатура, эквивалентное словосочетание.*

Данное исследование проводится в рамках работы Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации («ЭЛИТА», далее – Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого национального университета. Главной задачей Лаборатории является создание Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь). Словник Словаря включает около 600 аббревиатурных групп (**аббревиатурная группа** – «группа гнезд эквивалентности аббревиатурных слов, имеющих тождественный абброконструкт» [5, с. 15]; **гнездо эквивалентности** – «совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [5, с. 17]; **абброконструкт** – «часть аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова» [5, 16]). Одной из таких аббревиатурных групп является абброгруппа «евро».

В Словаре представлено 87 словарных статей для сложносокращённых слов с абброконструктом *евро-*, которые формируют аббревиатурную группу «евро». Например, к таким сложносокращённым словам относятся лексемы *евровалюта*, *евродепутат*, *еврозабор*, *евроинтеграция*, *еврооблигация*, *евродоллар* и т.д. Данные слова являются узуальными и вошли в словарный фонд, что подтверждается количеством употреблений этих единиц в поисковой системе Google: *евровалюта* (362033 употр.), *евродепутат* (1021223 употр.), *еврозабор* (834162 употр.), *евроинтеграция* (1586445 употр.), *еврооблигация* (973799 употр.), *евродоллар* (1464370 употр.). В то же время нами обнаружены лексемы, которые встречаются малое количество раз. Данные слова в теории Лаборатории получили название **окказиональные аббревиатуры**.

«Для сложносокращённых слов устанавливается следующий порог употребительности в интернет-текстах: если количество употреблений не достигает отметки 500, то такое сокращение считается окказиональным» [4, с. 61]. Например, к окказиональным единицам относятся такие слова, как *еврозаём* (436 употр.), *евроизбиратель* (421 употр.), *евробомба* (242 употр.), *еврооружие* (218 употр.), *евроунификация* (191 употр.), *евробиржа* (189 употр.), *евросоциолог* (83 употр.), *евротрясение* (75 употр.), *еврогитара* (74 употр.), *европротекционизм* (66 употр.), *евроавтострахование* (17 употр.), *еврокосмонавт* (16 употр.), *евромикрофон* (13 употр.) и *евросоветолог* (2 употр.). Общее количество окказиональных сложносокращённых слов в абброгруппе «евро» составляет 14 единиц.

О существовании окказиональных сокращённых единиц писал ещё В. В. Борисов в монографии «Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках». Учёный отмечал, что графические сокращения разделяются «на **окказиональные**, или текстовые, и **стандартные**, общепринятые. Дело в том, что буквально каждый пишущий может воспользоваться в личных записях создаваемыми им самим графическими сокращениями, своей собственной системой сокращённой записи слов и предложений. Разумеется, такие сокращения не могут иметь общественной значимости» [1, с. 112].

Однако следует уточнить, что у В. В. Борисова речь шла именно о графических сокращениях, под которыми подразумеваются «сокращения, применяющиеся только в письменной речи, не имеющие своей особой звуковой формы, реализующиеся в устной речи как соответствующая несокращённая форма и являющиеся, в сущности, своеобразным способом сокращённой (стенографической) записи какого-либо слова или сочетания» [1, с. 110]. Учёный даёт следующие примеры таких единиц: «русское км – километр, английское а/с – account – «счёт», немецкое Beschr – Beschreibung – «описание», французское gr – gramme – «грамм» и т. п.» [1, с. 110–111].

Из этих примеров видно, что окказиональные аббревиатуры, выделяемые Лабораторией, и окказиональные сокращения, о которых писал В. В. Борисов, являются разными единицами. Учёный говорил об окказиональных **графических** сокращениях, а в теории Лаборатории рассматриваются **лексические** сокращения (по классификации того же исследователя). Как видно, речь идёт о двух разных по своей природе единицах.

При работе с окказиональными сложносокращёнными словами задача состоит не в определении первичности или вторичности аббревиатуры, а в том, чтобы определить, является ли окказиональная аббревиатура сокращением «общеупотребительного» словосочетания или же это попытка создать новое слово без первичного эквивалентного словосочетания. Определение этого возможно только на основе **диахронного анализа**, при котором определяется деривационный статус сокращённой единицы, то есть устанавливаются отношения производности между сложносокращённым словом и словосочетанием. Как показали исследования Лаборатории, аббревиатура может быть образована в результате **универбализации**, под которой понимается «процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [5, с. 21]) и **квазиунивербализации**, то есть процесса образования «единиц, имитирующих структуру универбатов» [5, с. 18]. При универбализации первичной единицей является словосочетание, которое трансформируется в сложносокращённое слово (например, *европейский аналог* → *евроаналог*, *европейская библиотека* → *евробиблиотека*, *европейская валюта* → *евровалюта*, *европейский газ* → *еврогаз*, *европейское государство* → *еврогосударство* и т.д.). При квазиунивербализации нет первичного словосочетания-источника, а аббревиатура образовывается в результате присоединения аббреконструкта к слову (базису) по аналогии (например, *евро* + *вклады* → *евровклады*, *евро* + *вексель* → *евровексель*, *евро* + *забор* → *еврозабор*, *евро* + *кредит* → *еврокредит*, *евро* + *номер* → *еврономер* и т.д.).

В рамках диахронного анализа В. И. Теркуловым было предложено четыре методики: **хронологическая**, **квантитативная**, **семантическая интерпретационная** и **ономастиологическая**. В предыдущих работах нами уже анализировались сложносокращённые слова и их текстовые единицы по этим методикам ([2, с. 62–68; 3, с. 71–75], поэтому ограничимся их кратким описанием и воспользуемся лишь тремя методиками, исключая из рассмотрения хронологическую (объяснение см. ниже).

Хронологическая методика. «Хронологическая методика имеет в своей основе установление времени первой фиксации употребления слова и эквивалентного словосочетания. Большую помощь в этом оказывают корпуса русского языка, в частности

Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>) и Google Books Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams>)» [6, с. 80]. Но в данной методике есть недостаток: «Хронологическая методика не является самой убедительной: нет никакой уверенности в том, что в корпус были внесены все источники, позволяющие точно определить время первого употребления слова или словосочетания» [6, с. 80]. Доказательством является тот факт, что ни одно из 14 окказиональных слов не было найдено в Google Books Ngram Viewer, а из возможных эквивалентных атрибутивных словосочетаний было обнаружено только два – *европейская биржа* (первое зафиксированное употребление в 1856 г.) и *европейское оружие* (первое зафиксированное употребление в 1901 г.). Вследствие этого хронологический анализ исключается из нашего исследования.

Квантитативная методика. «Квантитативная методика построена на определении баланса индексов частотности употребления слова и эквивалентного словосочетания, который представляет собой частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания (баланс < 1 свидетельствует в пользу большей частотности словосочетания, а > 1 – слова)» [6, с. 81]. Рассмотрим следующие окказиональные сложносокращённые слова и их возможные текстовые эквиваленты:

- 1) *евробиржа* (189 употр.) и *европейская биржа* (134546 употр.) → баланс индексов (далее – БИ) – 0,001;
- 2) *еврооружие* (218 употр.) и *европейское оружие* (35791 употр.) → БИ – 0,01;
- 3) *европротекционизм* (66 употр.) и *европейский протекционизм* (999 употр.) → БИ – 0,07;
- 4) *евротрясение* (57 употр.) и *европейское трясение* (2 употр.) → БИ – 37,5;
- 5) *еврокосмонавт* (16 употр.) и *европейский космонавт* (5952 употр.) → БИ – 0,003;
- 6) *евроунификация* (191 употр.) и *европейская унификация* (861 употр.) → БИ – 0,22;
- 7) *евроизбиратель* (421 употр.) и *европейский избиратель* (9377 употр.) → БИ – 0,05;
- 8) *евросоциолог* (83 употр.) и *европейский социолог* (8788 употр.) → БИ – 0,01;
- 9) *евросоветолог* (2 употр.) и *европейский советолог* (186 употр.) → БИ – 0,01;
- 10) *евромикрофон* (13 употр.) и *европейский микрофон* (118 употр.) → БИ – 0,11;
- 11) *еврогитара* (74 употр.) и *европейская гитара* (1652 употр.) → БИ – 0,05;
- 12) *евробомба* (242 употр.) и *европейская бомба* (1112 употр.) → БИ – 0,22;
- 13) *еврозаём* (436 употр.) и *европейский заём* (45 употр.) → БИ – 9,69;
- 14) *евроавтострахование* (17 употр.) и *европейское автострахование* (34 употр.), *европейское автомобильное страхование* (32 употр.) → БИ – 0,5 и 0,53.

Как видно, большинство словосочетаний употребляется чаще, чем окказиональные сложносокращённые слова: таких пар 13 (учитывая, что в слове *евроавтострахование* аббреконтрукт является составным, мы проверили два словосочетания: *европейское автострахование* и *европейское автомобильное страхование*), в двух же парах словосочетания употребляются реже, чем окказиональные аббревиатуры. Следовательно, только в двух случаях окказиональное сокращение было попыткой создать новое слово, не имеющее словосочетания-источника: *евротрясение* и *еврозаём* (БИ > 1). Остальные сокращения возникли на базе «общеупотребительного» словосочетания (БИ < 1).

Семантическая интерпретационная методика. «Семантическая интерпретационная методика определяет конкретность / размытость семантики аббреконтрукта и эквивалентного словосочетания: если в этом словосочетании реализуется регулярное для эквивалента аббреконтрукта значение, оно может быть определено как производящее для аббревиатуры. И наоборот: если семантика словосочетания искусственна и не подкрепляется «словарным» значением компонентов, мы можем предположить, что это словосочетание возникло в результате псевдоунивербализации» [6, с. 82]. Значение атрибута *европейский* – «относящийся к европейцам, к их языкам, образу жизни, культуре, а также к Европе, её странам, их

территории, истории, флоре и фауне; такой, как у европейцев, как в Европе» (Толковый словарь Ожегова). Дифференцируем эти значения:

- 1) «относящийся», «к европейцам / к их языкам / образу жизни / культуре»;
- 2) «относящийся», «к Европе / её странам / их территории / истории / флоре / фауне»;
- 3) «такой», «как у европейцев»;
- 4) «такой», «как в Европе».

Как видно, эти значения имеют два релятора: «относящийся» / «такой, как» + «локатив». Но нами были обнаружены и другие регулярные реляторы (новые реляторы будут выделены жирным):

1) *евробиржа* и *европейская биржа* – учреждение для заключения финансовых или товарных сделок в странах Европы («нечто, относящееся к Европе, её странам» «учреждение, **находящееся** в Европе»);

2) *еврооружие* и *европейское оружие* – оружие, изготовленное в Европе; оружие, изготовленное по европейским стандартам («нечто, относящееся к Европе»; «нечто, **сделанное** по европейскому стандарту»);

3) *европротекционизм* и *европейский протекционизм* – политика защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции через систему определённых ограничений (импортных и экспортных пошлин, субсидий и других мер), проводимая в европейских странах («нечто, относящееся к европейским странам», «**существующее** в европейских странах»);

4) *евротрясение* и *европейское трясение* – ситуация назревания кризиса в европейских странах («нечто, относящееся к европейским странам», «**происходящее** в Европе»);

5) *еврокосмонавт* и *европейский космонавт* – человек, гражданин европейской страны, проводящий испытания и эксплуатацию космической техники в космическом полёте («некто, относящийся к европейской стране»);

6) *евроунификация* и *европейская унификация* – «движение к единому рынку между ведущими европейскими странами» (<https://books.google.com.ua/books/>) («нечто, **происходящее** в европейских странах»);

7) *евроизбиратель* и *европейский избиратель* – гражданин европейского государства, обладающий избирательным правом, то есть правом участия в голосовании на выборах депутатов и выборных должностных лиц («некто, относящийся к европейскому государству»);

8) *евросоциолог* и *европейский социолог* – учёный, который занимается научными исследованиями европейского общества и социальных процессов, происходящих в странах Европы («некто, **изучающий** страны Европы и европейское общество»);

9) *евросоветолог* и *европейский советолог* – европейский учёный, занимающийся советологией, изучением жизни Советского Союза («некто, относящийся к Европе»);

10) *евромикрофон* и *европейский микрофон* – электроакустический прибор европейского стандарта; электроакустический прибор, сделанный в Европе («нечто, **сделанное** по европейскому стандарту»; «нечто, относящееся к Европе»);

11) *еврогитара* и *европейская гитара* – музыкальный инструмент европейского стандарта; музыкальный прибор, сделанный в Европе («нечто, **сделанное** по европейскому стандарту»; «нечто, относящееся к Европе»);

12) *евробомба* и *европейская бомба* – взрывное устройство европейского стандарта; взрывное устройство, изготовленное в Европе («нечто, **сделанное** по европейскому стандарту»; «нечто, относящееся к Европе»);

13) *еврозаём* и *европейский заём* – «облигационный заём в европейских банках» (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>) («нечто, относящееся к Европе»);

14) *евроавтострахование* и *европейское автострахование*, *европейское автомобильное страхование* – высокое качество услуг автомобильной страховой компании («нечто, **отличающееся** европейским качеством»).

Таким образом, новыми являются следующие реляторы: «находящееся в Европе / в европейских странах», «сделанное по европейскому стандарту», «существующее в Европе, в европейских странах», «происходящее в Европе / в европейских странах», «изучающий Европу / европейские страны / европейское общество», «отличающееся европейским качеством».

Как видно, в большинстве случаев аббреконструкт *евро-* имеет конкретное (словарное) значение, которое является регулярным для словосочетания. Это значение «вкладывалось» и при создании окказиональной аббревиатуры. Но есть и слова, аббреконструкт которых имеет «расплывчатое» значение, то есть субъект или объект имеет не прямое отношение к Европе, а опосредованное: *евросоциолог* («нечто, **изучающий** страны Европы и европейское общество»), *евромикрофон* («нечто, **сделанное** по европейскому стандарту»), *еврогитара* («нечто, **сделанное** по европейскому стандарту»), *евробомба* («нечто, **сделанное** по европейскому стандарту»), *еврооружие* («нечто, **сделанное** по европейскому стандарту»), *евроавтострахование* («нечто, **отличающееся** европейским качеством»). Следовательно, можно выделить две группы значений аббреконструкта для окказиональных сокращений аббревиатурной группы «евро» (включая и те, которые выделял Ожегов):

1) значения, передающие прямое отношение к Европе («относящийся к Европе, европейским странам и европейцам»; «такой, как в Европе, в европейских странах и у европейцев»; «находящееся в Европе, на территории европейских стран»; «существующее в Европе, в европейских странах»; «происходящее в Европе, в европейских странах»);

2) значения, передающие опосредованное отношение к Европе («сделанное по европейскому стандарту»; «изучающий Европу, европейские страны, европейское общество»; «отличающееся европейским качеством»).

Ономасиологическая методика. «Ономасиологическая методика устанавливает тождественность / нетождественность ономасиологической структуры сложносокращённого слова и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом» [6, с. 82]. Так как мы определили, что значение атрибута *европейский* – «относящийся к Европе и ко всему, что с ней связано», ономасиологическая структура сложносокращённых слов с аббреконструктом *евро-* и эквивалентных им словосочетаний должна быть такой: «объект / субъект + локатив». Почти все ономасиологические модели окказиональных аббревиатур совпадают с указанной структурой, где представлено нормативное заполнение терминала «локатив» (*евробиржа*; *европротекционизм*; *евротрясение*; *еврокосмонавт*; *евроунификация*; *евроизбиратель*; *евросоветолог*; *еврозаём*; одно из значений слов *еврооружие*, *евромикрофон*, *еврогитара* и *евробомба*), но есть и те единицы, ономасиологические модели которых отличаются: *евросоциолог* («объект + каузатив + делибератив»); *евроавтострахование* («объект + квалитатив») и одна из моделей слов *еврооружие*, *евромикрофон*, *еврогитара* и *евробомба* («объект + коррелятив»), в которой реализуется значение «сделанное по европейскому стандарту».

Таким образом, диахронные методики позволили определить следующее:

1) хронологическая методика не даёт точных сведений о первом употреблении единиц;

2) квантитативный анализ выявил, что только два окказиональных сложносокращённых слова употребляется чаще предполагаемых эквивалентных словосочетаний (*евротрясение* и *еврозаём*);

3) семантический интерпретационный анализ показал, что в шести словах аббреконструкт имеет «расплывчатое» значение (*евросоциолог, евромикрофон, еврогитара, евробомба, еврооружие, евроавтострахование*), но здесь следует уточнить, что в случае со словами *еврооружие, евромикрофон, еврогитара* и *евробомба* под этот вывод попадает только одно из значений этих единиц, то есть то, где объект имеет опосредованное отношение к Европе: реализуется такой релятор, как «сделанное по европейскому стандарту»;

4) ономаσιологический анализ установил, что шесть слов имеют особую ономаσιологическую структуру (*еврооружие, еврoсоциолог, евромикрофон, еврогитара, евробомба, евроавтострахование*), но и в этом случае слова *еврооружие, евромикрофон, еврогитара* и *евробомба* только одной моделью попадают под этот вывод: («объект + коррелятив»), то есть и здесь реализуется релятор «сделанное по европейскому стандарту».

Две методики выделяют одни и те же шесть слов, значение и структура которых отличается от всех остальных окказиональных аббревиатур, а количественная методика «приравнивает» эти слова к тем единицам, количество употреблений которых не превышает количество употреблений возможных эквивалентных словосочетаний. Следовательно, можно выделить две причины образования окказиональных слов:

1) попытка создать сокращённые дублиеты имеющихся в языке словосочетаний (*евробиржа, еврооружие, европротекционизм, еврокосмонавт, евроунификация, евроизбиратель, еврoсоциолог, еврoсоветолог, евромикрофон, еврогитара, евробомба, евроавтострахование*);

2) попытка создать новые слова (*евротрясение, еврозаём*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.
2. Емельянова К. Ю. Ономаσιологические модели квазиаббревиатур / К. Ю. Емельянова // Новые горизонты русистики : научный журнал. – Вып. 6. – Донецк, 2018. – С. 62–68.
3. Емельянова К.Ю. К понятию о квазиаббревиатуре / К.Ю. Емельянова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента : Сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. – С. 71–76.
4. Емельянова К.Ю. Типы аббревиатурной окказиональности / К.Ю. Емельянова // Язык и культура : сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научной конференции (с международным участием) (18 ноября 2019 г.). – Макеевка, 2019. – С. 61–63.
5. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. 2016. №3. – С. 13–25.
6. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология : Научный журнал. — М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Издательский Дом). – 2017. – №6. – С. 73–97.

OCCASIONAL ABBREVIATIONS IN THE ABBREVIATION GROUP «EURO»

The purpose of the work is to analyze the semantic and the structural features of occasional abbreviations, as well as to identify the causes of the formation of these units on the example of the “euro” abbrogroup. To achieve this goal, occasional units were examined and compared from the standpoint of diachronous analysis. As a result of the study, a group of words is distinguished whose semantics and structure differ from other occasionalisms of this abbrogroup, and two reasons for the formation of such words are also established.

Key words: *abbreviated word, abbreviation, abbroconstruction, occasional abbreviation, equivalent phrase.*

Поступила в редакцию 11.02.2020 г.

УДК 811.161.1

В.Е. Замальдинов

ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА НОВООБРАЗОВАНИЙ СТАНДАРТНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье с когнитивной точки зрения рассматриваются новообразования стандартной словообразовательной структуры в медийном пространстве. Подобные номинации отражают изменяющуюся картину мира, стимулируют познавательный интерес адресата.

Ключевые слова: *новообразования, стандартная словообразовательная структура, когнитивный подход, язык СМИ.*

Учёные уделяют большое внимание изучению словообразовательных процессов в языке средств массовой информации (СМИ). Под влиянием достижений современной науки появляются новые подходы к описанию деривационной системы. Однако наиболее перспективными представляются когнитивные основы словообразования. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, «в компетенцию словообразования входит поэтому его участие в формировании языковой картины мира, в актах категоризации, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации» [7, с. 393-394]. По мнению Л.С. Абросимовой, «актуальным в исследовании словообразовательных процессов в русле когнитивного направления представляется выявление связей между словообразовательными средствами и репрезентируемыми ими структурами знаний человека с учётом динамики тех когнитивных процессов и предметно-практической деятельности человека, в ходе которых эти знания формируются и модифицируются» [1, с. 24].

Средством формирования деривационных смыслов могут быть новообразования стандартной словообразовательной структуры, «построенные по существующим в современном русском языке моделям и типовым образцам» [5, с. 23]. Справедливо замечание Л.Ю. Касьяновой, что «в рамках лингвокогнитивного подхода словообразование следует рассматривать как познавательный процесс, в ходе которого с помощью ментальных операций на основе старых знаний происходит категоризация нового знания и появление новых слов в языке и речи» [6, с. 28]. Новые номинации отражают изменяющуюся картину мира, способствуют выражению творческих возможностей языковой личности. «Новообразования – это, как правило, слова

производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания» [11, с. 185].

Богатый материал для осмысления меняющейся картины мира дают новообразования префиксального способа словообразования. В языке СМИ востребована греческая приставка **анти-** с семантикой 'что-либо противоположное, противопоставленное тому или направленное против того, что названо мотивирующим существительным' [8, с. 44]: *Специалисты провели опрос среди пользователей социальных сетей с целью узнать, жители каких российских городов больше всего выпивают на отдыхе. <...> Анти-лидерами респонденты назвали москвичей (32,48%), челябинцев (14,53%) и петербуржцев (13,68%) («В городе N». 31.07.19) ← анти- + лидеры; А эта марка и вовсе не прошла проверку и попала в **анти-рейтинг**. Кроме превышения доли уже упомянутых жирных кислот, в конфете нашли ещё и плесень («В городе N». 04.12.19) ← анти- + рейтинг. Необходимо отметить, что новые номинации **анти-лидерами**, **анти-рейтинг** утрачивают положительную коннотацию и приобретают негативную окраску в микроконтексте. Кроме того, префикс **анти-** может присоединяться и к именам собственным: *То есть, с одной стороны, Пелевин – олдовый хакер человеческих душ, литературный гуру родителей современных young adult, когда те ещё были в возрасте своих детей. С другой – такой **анти-Тургенев**, писатель, об колена ломающий проблему отцов и детей, в том смысле, что немало 20-летних относятся к нему с не меньшим пиететом, чем его верные 40-летние читатели («Lenta.ru». 22.08.19); Естественно, изменился с годами и внешний образ артистки, которую когда-то даже называли «**анти-Бритни**» (Спирс) <...> («Газета.Ru». 27.09.19). По словам З.Н. Афинской, «когнитивная установка неологизмов по модели “анти + имя собственное” состоит в выражении крайней степени неприятия мировоззрения, мироощущения взглядов и философии, присущих лицу, обозначенному корневым словом» [2, с. 8]. Можно предположить, что новообразования с префиксом **анти-** ассоциируются в русском сознании с противостоянием и нестабильностью в социуме.**

В современном медийном пространстве наблюдается значительный рост словообразовательных неологизмов с префиксами **псевдо-** и **квази-** с семантикой 'ложности и неистинности': *По сообщению пресс-службы ведомства, СУСКР по Красноярскому краю возбудил уголовное дело по части 2 статьи 159 УК РФ (мошенничество, совершенное группой лиц) в отношении **псевдо-сантехника** («Российская газета». 22.11.19); Однако чаще всего в российских магазинах в пакетах встречается не вино, а винный напиток из дешёвого виноматериала. «В пакетах сейчас продается **псевдо-вино** по очень низкой цене», — говорится в сообщении. В связи с этим в организации констатировали, что, покупая вино в пакетах, велик риск приобрести некачественный продукт («Газета. Ru». 31.01.20); Демократы, люто ненавидевшие Трампа ещё с ноября-2016, когда миллиардер сенсационно обошёл их избранницу Хиллари Клинтон, убеждены: «**квази-президент**» США наговорил вполне достаточно для своего импичмента («Московский комсомолец». 26.09.19). Мотивирующими словами для новых номинаций с подобными приставками могут выступать имена собственные: *Судье Наталье Подольской эти знания были не нужны: ходатайство «**псевдо-Навального**» она отклонила, так как его самого на заседании не оказалось, а установить подлинность подписанного документа иначе было невозможно («Фонтанка.ру». 05.02.19); Кроме того, в канун 2018 года российские пранкеры Вован и Лексус позвонили Порошенко от имени генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга. Как сообщил Лексус, украинский лидер был подшофе. Порошенко был рад звонку «генсека» и отметил, что это для него очень важно. Он также поздравил **псевдо-Столтенберга** с Рождеством и Новым годом («Газета. Ru». 28.03.19); Чтобы зеркало стало объёмным, режиссер вводит в сюжет**

«псевдо-Бандераса» – некогда популярного актёра Альберто Креспо (его играет харизматичный Асьер Эчеандиа) («Коммерсантъ». 20.05.19); *Сам Путин, вроде бы, должен был уже уступить кому-то место – может, второму какому-то квази-Путину, но нельзя править бесконечно, особенно когда ты уже и харизму свою утратил* («Российская газета». 25.07.19). Таким образом, для новообразований, созданных с помощью префиксов *псевдо-* и *квази-*, характерна отрицательная экспрессия, которая усиливается лексическим окружением. Подобные номинации фиксируют специфику оценочной реакции адресанта, отражают распространение фальшивых ценностей в социуме. «Активизация и расширение употребления в русском языке производных слов, образованных с данными префиксами, свидетельствуют об определённых тенденциях развития современного информационного общества, а главное о том, что эти тенденции осознаются носителями русского языка» [10, с. 218].

В современных медийных текстах широко представлены словообразовательные неологизмы суффиксального способа словообразования. Как отмечают исследователи, «современный русский язык имеет очень богатую систему суффиксов, которая по развитости и когнитивному потенциалу превосходит систему префиксов. У каждой части речи имеется собственный инвентарь суффиксов, которые выполняют в этом случае свои понятийно-когнитивные функции» [3, с. 366-367]. Так, средством создания дополнительных смыслов могут быть новообразования с суффиксом *-щин(а)* с семантикой ‘бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, исторический период, характеризующиеся отношением к лицу, названному мотивирующим существительным’ [8, с. 701]: *Такая вот трамповщина: всё равно, что говорить, важно эффект получить. Эффект постправды в действии: всё равно, было или не было. Цифры не играют роли* («RuBaltic.Ru». 26.08.18); *Рогозинщина* (заголовок). *Люди во власти давно разучились делать что-либо, кроме глупостей и катастроф* («Новая газета». 30.08.19); *Это не макгрегоровщина, которая чернит спортсмена. И никакими деньгами ты себя не отмоешь* («Sport24». 25.11.19). Важно отметить, что новообразования с суффиксом *-щин(а)* имеют негативную оценку с ироническим подтекстом. С помощью подобных номинаций журналисты обозначают негативные политические или культурные явления, связанные с определёнными социально значимыми лицами.

Пониманию действительности способствуют новообразования с продуктивным суффиксом *-ец* с семантикой ‘лицо, принадлежащее к общественному течению, направлению, организации, учреждению, связанному с фамилией лица, названного мотивирующим существительным’ [8, с. 325]: *Обиженный Навальный стал предъявлять «медведевцам» ультиматумы. Дескать, поматросили и бросили. Платите деньги, иначе я разделаюсь с вами так же, как все эти годы потрошил «путинцев»* («НОВОРУСМИР». 15.03.18); *На днях среди узнаваемых людей обнаружился ещё один пламенный мишустинец. Как передаёт корреспондент редакции «Компромат-Урал», медийный вброс «Мишустин – лучший премьер!» на этот раз сделал главред «Комсомольской правды» Владимир Сунгоркин. Он, видимо, не в курсе многочисленных коррупционных преступлений в ФНС и размаха «рэкета», развязанного налоговиками против предпринимателей* («Infopressa.com». 29.09.19); *«С удовольствием будем резать ваши глотки...»* (заголовок). *За попытку спасти мужа в Чечне Лена Мельник стала врагом кадировцев и русских националистов* («Новая газета». 12.12.19). В данных примерах отрицательная оценка поддерживается контекстуальным окружением: *поматросили и бросили, разделаюсь, потрошил, коррупционных преступлений, резать, врагом* и др. Кроме того, негативная экспрессия новообразований с суффиксом *-ец* может усиливаться прозрачной аллюзией на обценную лексему: *Наградец* (заголовок). *Государство обесценивает свои награды и погоны* («Наша Версия». 24.06.19); *Дамбец* (заголовок).

Наводнение в Тулуне было предопределено ещё 10 лет назад («Наша Версия». 08.07.19); **Персец** (заголовок). *Кто бы ни победил в войне иранцев с американцами, в выигрыше останется Россия* («Наша версия». 11.01.20). Таким образом, дериваты с суффиксом **-ец** используются для оценки общественно-политических и экономических процессов. «Суффикс **-ЕЦ** в русском сознании ассоциируется с негативной оценкой фактов реальной действительности» [13, с. 47].

В качестве средства осмысления действительности журналисты используют словообразовательные неологизмы, созданные способом аффиксоидации. Негативную оценочность могут иметь новые номинации с префиксоидом **лже-** с семантикой 'ложности': *Как говорится в сообщении столичной полиции, после этого лже-риелтор перестала выходить на связь. Женщина обратилась в полицию, но расследование показало, что квартира, за которую были переданы деньги, на продажу не выставлялась* («Lenta.ru». 29.03.19); **Лже-хирург** Алёна Верди работала без медицинского образования (заголовок) («Коммерсантъ – Краснодар». 17.05.19); **Лже-госслужащий** попросил у пенсионерки 150 тысяч рублей в качестве компенсации, но у женщины оказались лишь 140 тысяч. Впрочем, злоумышленника устроило и это («Фонтанка.ру». 29.06.19). Необходимо отметить, что данный формант может сочетаться и с антропонимами: **Лже-Казачкова** обманула отель (заголовок) («Зеркало». 14.10.19); *Той зимой нижегородскую Гордуму покинуло сразу шесть депутатов: Алексей Гойхман после налоговых наездов на аффилированные с ним фирмы заявил, что «умные люди уходят с банкета до того, как принесут счёт»; Елизавета Солонченко отправилась в путешествие по Европе на фоне интереса правоохранителей к деятельности ЕЦМЗ [Единого центра муниципального заказа. – Авт]; лжеКаргин* вернулся в Кстово «мять людей за шаурму» («Зеркало». 06.01.20). Фактический материал позволяет сделать вывод о том, что новообразования с префиксоидом **лже-** отражают неистинность событий современной действительности, неприятие ситуации смены идеологических ориентиров в обществе, распространение фальшивых ценностей. Нельзя не согласиться с исследователями, что морфема **лже-** сочетается с одушевлёнными существительными, называющими лиц определённого социального и профессионального статуса, и указывает на отсутствие должного статуса у обозначаемых новообразованиями лиц, несправедливо претендующих на данный статус [12, с. 36].

Для создания экспрессивных новообразований журналисты используют интернациональный префиксоид **крипто-** ('тайный, скрытый'): **Криптовор** получил условный срок (заголовок). *Курганский городской суд приговорил к двум годам условного лишения свободы хакера, обвиняемого в майнинге биткоинов с помощью серверов госучреждений и частных компаний Челябинской, Орловской, Ярославской областей и Алтайского края* («Коммерсантъ – Челябинск». 30.11.18); **Главного криптозлодея** решили экстрадировать во Францию. *Но он хотел сидеть в России* (заголовок). *Российского бизнесмена Александра Винника экстрадируют из Греции во Францию по делу о вымогательстве и отмывании денег* (т/к «360». 21.12.19). Как видно из примеров, появление виртуальной валюты способствовало распространению новообразований с префиксоидом научной сферы **крипто-**. Отрицательная оценка подобных словообразовательных неологизмов создаётся за счёт негативной коннотации производящего слова и поддерживается контекстуальным окружением. Нельзя не согласиться с исследователями, что использование журналистами новообразований с префиксоидом **крипто-** «можно объяснить стремлением создать впечатление осведомлённости в этой теме» [9, с. 80-81].

Для обозначения объектов действительности в медийном пространстве могут использоваться новообразования с суффиксоидом **-гейт** с семантикой 'политический скандал': **«Байденгейт»** для президента. *В США расследуют разговор Зеленского и*

Трампа (заголовок) («Радио свобода». 22.09.19); *Ирангейт 2020* (заголовок). 8 января погиб украинский «Боинг». Катастрофа унесла жизни 176 человек разной национальности. Иранцы поспешили заявить о «технической проблеме», хотя почти сразу стало ясно, что просто так новый лайнер упасть не мог (радио «Эхо Москвы». 12.01.20). Данная морфема может сочетаться и с именами нарицательными: *Допинггейт* (заголовок). *Россия может быть отлучена на четыре года от всемирных соревнований* («Наша Версия». 09.12.19). Для словообразовательных неологизмов с суффиксоидом - *гейт* характерна ярко отрицательная окраска. Данная морфема участвует в создании инноваций, обозначающих громкие махинации и скандалы, «воспринимается как символ политических и экономических афер» [4, с. 38].

Подводя итог, можно сказать, что новообразования стандартной словообразовательной структуры в медийном пространстве обладают когнитивным и оценочным потенциалом. С помощью словообразовательных неологизмов журналисты фиксируют новые факты социально-политической жизни общества, стимулируют познавательный интерес адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова Л.С. Словообразование в языковой категоризации мира: монография. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – 328 с.
2. Афинская З.Н. К вопросу о концептуальном потенциале префиксов // Филология и культура. – 2017. – № 3 (49). – С. 6-10.
3. Борисова Т.Г. Роль деривационных механизмов в развитии языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 363-367.
4. Голодов А.Г. Языковая игра как средство создания политической сатиры // Иностранные языки в высшей школе. – 2014. – № 4 (31). – С. 34-40.
5. Замальдинов В.Е. Структурные особенности типовых новообразований в медийном словотворчестве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 23-25.
6. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Астрахань, 2009. – 47 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
8. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
9. Навасартян Л.Г. Модные слова и их функционирование в текстах СМИ (на материале российских газет) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр.: в 2 кн. / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018. – Вып.18. – Кн. I. – С. 77-83.
10. Петрухина Е.В. Ключевые для современной эпохи словообразовательные модели в русском языке // Русский язык в поликультурном мире: сб. научных статей III Международного симпозиума / под ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал». – 2019. – С. 216-223.
11. Плотникова Л.И. Деривационный и когнитивно-прагматический потенциал лексических новообразований в живой разговорной речи // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 3 (27). – С. 183-187.

12. Рацибурская Л.В., Замальдинов В.Е. Особенности новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой в региональной нижегородской прессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2017. – № 4. – С. 34-41.

13. Сидорова Т.А. Мотивационные структуры окказиональных слов в когнитивном аспекте // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 3-2. – С. 47-51.

V. E. Zamaldinov

COGNITIVE ASPECT OF THE ANALYSIS OF INNOVATIONS OF THE STANDARD WORD-FORMATION STRUCTURE IN THE MEDIA SPACE

The article considers innovations of the standard word-formation structure in the media space from a cognitive point of view. Such nominations reflect the changing picture of the world and stimulate the recipient's cognitive interest.

Keywords: *innovations, standard word structure, cognitive approach, media language.*

Поступила в редакцию 19.02.2020 г.

УДК 81'42

Е.А. Зайберт

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ТИПОЛОГИЯ АББРЕВИАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ УСТРОЙСТВ

Статья посвящена описанию типологии аббревиатурных наименований устройств. В работе уточнено понятие «устройство», определены типы устройств, а также особенности ономаσιологического подхода, позволяющие увидеть то, каким образом осуществляется акт номинации, и создана классификация аббревиатурных наименований устройств. Такой подход позволяет проследить, каким образом классифицируются реалии, обозначенные аббревиатурами, в языке.

Ключевые слова: *устройство, классификация устройств, аббревиатурные группы, ономаσιологические классы, ономаσιологические модели.*

В современном русском языке существует множество многословных наименований, обозначающих предметы и их свойства, явления и т.д. Особенность аббревиации заключается в том, что сокращение именованных, возникновение на базе словосочетаний слов способствует экономии языковых средств. Лаборатория ЭЛИТА (Экспериментальная лаборатория исследования тенденций аббревиации) осуществляет составление нового Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка, в процессе работы над которым разрабатываются новые методики описания сложносокращённых слов (далее ССС). Описание ономаσιологических моделей может быть использовано как материал для создания методик ономаσιологического прогнозирования эквивалентностных отношений для указанного словаря.

Целью исследования является описание типологии аббревиатурных наименований устройств. Для этого необходимо уточнить понятие устройство; определить типы устройства; установить связь этой классификаций с аббревиатурными наименованиями, дать ономаσιологические модели устройств.

По мнению В.И. Теркулова, модель образования сложносокращенных слов представляет собой «модель механизма сочленения компонентов словосочетания в конструкты композита, то есть, собственно, модель универбализации» [1, с. 297]. Как отмечает ученый, «описание моделей образования сложносокращенных слов универбализационного типа – это описание моделей именно формального преобразования словосочетания в слово, семантика исходного словосочетания и аббревиатуры здесь абсолютно идентична и не участвует как изменяемая сущность в процессе универбализации» [1, с. 294].

Для универбализационных композитов ономаσιологическая модель, в сущности, показывает отношения между компонентами исходного словосочетания. Структура ономаσιологической модели здесь двучленна – она включает ономаσιологический базис, эквивалентный архисеме главного компонента исходной конструкции, и ономаσιологический признак (признаки), эквивалентный семантическому множителю главного компонента исходной конструкции, актуализированному в ее зависимом компоненте [1, с. 147]. Мы используем для классификации ономаσιологических моделей представление об ономаσιологических структурах, предложенное в работах М. Докулила, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, В. И. Теркулова и других.

Объектом исследования в данной работе выступают аббревиатурные группы наименований устройств: *автонавигатор, автоплуг, автопроигрователь, авторегистратор, автонометр, аудиусилитель, велодатчик, велонавигатор, графплатшет, дифдатчик и т.д.*

Предметом исследования являются ономаσιологические модели сложносокращенных слов, входящих в ономаσιологический класс АГ наименований устройств.

Устройство — рукотворный объект (прибор, механизм, конструкция, установка) со сложной внутренней структурой, созданный для выполнения определённых функций, обычно в области техники.

Опираясь на это определение можно классифицировать данную АГ на классы:

1. **Аппарат** (оборудование — завершенная совокупность частей или элементов для выполнения какой-либо функции): *авиоприбор, абонаппарат, автопитатель, астроприбор, велоприбор, велофотоаппарат.*

2. **Механизм** (внутреннее устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие. Механизмы служат для передачи движения и преобразования энергии.): *автонасос, автонатяжитель, автоотжим, автоперегрузчик, автотормоз, автощётка, акустомагнит, акустотермометр, альпошки, ароматизатор, ароматизаторница, аросветильник, артнасос, артприцел, бензоагрегат, безнолебёдка, бензокоса, бензокультиватор, бензокусторез, бензолоната, бензомолот, бензоопрыскиватель, бензоснегоуборщик, бензофильтр, бурлебёдка, бурмезанизм, бурмолоток, бурсверло, вальцпресс, велозамок, веломеханизм, вибромолоток, вибронасос, гидродомкрат, гидролебёдка, гидромеханизм.*

3. **Деталь** (устройства, которые являются частью механизма или машины): *автопринадлежности, аэрофотозатвор, бензонасос, бензопистолет, биорамка, велоключ.*

4. **Автоматические** (устройства, которые работают самостоятельно после запуска продолжительное время): *автомат, автовидеореги́стратор, автовыключатель, автовоздухоотводчик, автовольтметр, автовыключатель, автозапуск, автоиндикатор, автовертор, автоинкубатор, автокалькулятор, автокормушка, автоогнетушитель, автооператор, (автопилот), автопинетка, автоплойка, автопилка, автоприобразователь, автораспознавание, автораспылитель, авторегулятор,*

авторулевой, автоукладчик, автоустройство, автоупаковщик, биореактор, велофонарь, гидромурфта, графопостроителью

5. **Комплексные устройства** (многокомпонентные механизмы): *авиаустановка, автопилот, автопривод, автоузел, автооборудование, автотехника, альпооборудование, альпотехника, бензокоса, бензокультиватор, бензокусторез, бензотехника, буринструмент, велогератор, газооборудование, гидротехника.*

6. **Электромеханические устройства** (класс технических средств автоматики, в основе работы которых лежит электромеханическое преобразование энергии и сигналов): *автокасса, автопредохранитель, автопредохранитель, авторазжиг, алкокалькулятор, аудиноситель, аудимагнитофон, аудиустройство, герморазъём, дифаппарат.*

7. **Электронные** (устройства, созданные из электронных компонентов, используемые для преобразования электромагнитной энергии): *автонавигатор, автоплуг, автопроигрователь, авторегистратор, автонометр, аудиусилитель, велодатчик, велонавигатор, графпланшет, дифдатчик.*

Из приведенной классификацией мы видим, что во всех случаях реализуется обобщенная семантика «имеющие отношение к устройствам (аппараты, механизмы, приборы, комплексные устройства и т.д.)»

2. Классификация ономаσιологических моделей

Классификация ономаσιологических моделей представляет собой описание ономаσιологической структуры значения ССС и его эквивалента, которая включает: а) ономаσιологический базис, указывающий на определенный понятийный класс – родовое понятие к которому отнесено наименование; б) ономаσιологический признак, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса (например, для названий действий – направление, производитель, статус и т.п.) [5, с. 146]. Ономаσιологическая модель складывается из: «1) общего смысла ономаσιологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономаσιологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком» [2, с. 20]. Все типы ССС, входящие в лексико-семантическое поле, имеют одинаковую структуру ономаσιологической модели: «ономаσιологический базис + ономаσιологический признак, реализующий семантику зависимого компонента». Ономаσιологический базис несет в себе общую семантику ономаσιологического подкласса.

Для рассматриваемого лексико-семантического поля отмечается, например, ономаσιологический базис «прибор, совершающий действие протяженное во времени», являющееся фокусом номинации: *автоматический преобразователь – автопреобразователь.* Типы ономаσιологических признаков определяются нами на основе «аргументов диктума», предложенных Е.А. Селивановой для деривационных номинативных моделей, которые определяются на основе так называемых семантических или ономаσιологических падежей[4].

3. Определение моделей ономаσιологического класса АГ наименований устройств

3.1. Подкласс «устройство»

1. Устройство + посессив. *Гидрофильтр – фильтр гидравлики: Фильтр гидравлики — это элемент, предназначенный для очистки жидкости от всевозможных загрязнений и примесей [http://nt99.ru/stati/ochistka-zhidkosti-s-pomoshhyu-filtra-gidravliki/] – Для того чтобы минимизировать риск возникновения пожара и удалить продукты сгорания, выделяемые в воздух, на кухнях дополнительно устанавливают гидрофильтры — аппараты для охлаждения и очищения воздуха [http://www.topclimat.ru/publications/chto-takoe-gidrofiltr.html].*

2. Устройство + медиатив. **Бензоснегоуборщик** – снегоуборщик бензовый: **Бензоснегоуборщик Daewoo DAST 551** — это высоконадежная проверенная техника, которая отлично подходит для очистки снега на больших площадях возле вашего загородного дома, в различных парках, на улице и так далее [<https://fajno.in.ua/p66837286-benzosnegouborschik-daewoo-dast.html>] – **Мощный бензиновый снегоуборщик HECHT 9123** освобождает проезды, тротуары и другие участки от снега на высоту до 30 см [<https://www.olx.ua/obyavlenie/snegouborschik-benzinovyyu-heckt-9123-IDH52IR.html?sd=1#185e9d14cf>].

3. Устройство + квалификатив. **Автопроигрователь** – автомобильный проигрыватель: **Автопроигрователь.4x50 Вт, USB/SD /AUX,2 Mystery MAR-371UC** [<https://besplatka.ua/obyavlenie/avtoproigrovatel-4h50-vt--usb-sd--aux-2-mystery-mar-371uc-0d82a2>] – **Автомагнитола Kenwood** — это современный **автомобильный проигрыватель**, который также как и бездисковый медиа-ресивер способен воспроизводить форматы аудио с CD или USB носителя [<https://130.com.ua/category/kenwood-receivers/>]; **Авторегистратор** – автомобильный видеорегистратор: **Цифровой авторегистратор** обрабатывает изображение со встроенных или внешних камер с помощью электронного блока (процессора) и сохраняет на съемном носителе (флеш-памяти SD/microSD) или жестком диске [<https://www.bezpeka-shop.com/catalog/avtomobilnyye-registratory/>] – Вы можете купить **автомобильный видеорегистратор Gazer F750w** с дисплеем, WiFi, двумя выносными камерами и функцией WDR в Киеве, Харькове, Одессе, Днепре и других городах (самовывоз или доставка курьером по городу и Украине) [<https://130.com.ua/product/gazer-f750w/>]; **Велонавигатор** – велосипедный навигатор. Если Вы решили купить **велонавигатор**, но не знаете, какой именно выбрать, для Вас мы создали удобный каталог. Каждый товар имеет описание и цену, что значительно облегчает выбор того или иного гаджета [<https://domsporta.com.ua/velonavigatory/>] – Рынок **велосипедных навигаторов** довольно ограничен и, в принципе, кроме продукции Garmin, больше ничем толковым не представлен [<https://sladkovm.livejournal.com/114237.html>]

4. Устройство + способ осуществления действия. **Автозапуск** – автоматический запуск: В верхней части представлены вкладки, каждая из которых указывает на месторасположение объектов **автозапуска** [<https://it-like.ru/kak-otklyuchit-avtozapusk-programm-windows-7/>] – В режиме **автоматического запуска** двигателя по будильнику охранное оборудование осуществляет запуск и прогрев двигателя в заданное время [<https://www.starline.ru/smart-technology/remot/>]; **Автовыключатель** – автоматический выключатель. **Автоматический выключатель** это устройство для отключения тока в случае перегрузки, короткого замыкания, недопустимого (аварийного) снижения напряжения [<https://axiomplus.com.ua/avtomaticheskie-vyklyuchateli/>] – **Автовыключатели** конструктивно выполнены в виде электромеханического коммутационного устройства, производящего отключение питающего напряжения при протекании через автомат аномальных токов или чрезмерных скачков питающего напряжения [<http://tycobullding.com/stroitelnyj-instrument/avtovyklyuchateli-princip-raboty-primeneniya-vidy-i-tipy.html>]; **Автораспознавание** – автоматическое распознавание. **Автораспознавание** (устройство считывания символов штрихового кода) [auto discrimination]: способность устройства считывания символов штрихового кода автоматически различать две или более символик [https://normative_reference_dictionary.academic.ru/2144/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5#sel=] – Одно из нововведений в смартфонах Pixel 2 и Pixel 2 XL — постоянное **автоматическое распознавание** музыки, которая играет рядом с пользователем

[https://www.iguides.ru/main/os/kak_aktivirovat_avtomaticheskoe_raspoznavanie_muzyki_na_lyubom_smartfone/].

5. Устройство + инструменталис. *Гидробур – гидравлический бур: Гидробур Digga PDD-2 – это навесное оборудование, которое устанавливается на фронтальные погрузчики, микро-экскаваторы, экскаваторы-погрузчики, мини-экскаваторы, телескопические погрузчики, мини-экскаваторы, экскаваторы JCB, VOLVO, CAT, HITACHI, TEREX, KOMATSU, DAEWOO, HYUNDAI, NEWHOLLAND и другие марки специальной техники с массой от 0,75 до 2-х тонн* [<https://starteh-market.su/gidrobury/gidrobury-digga/gidrobur-gidrovrashchatel-yamobur-digga-pdd2-detail.html#описание>] – *На сегодняшний день гидравлические буры являются одним из очень популярных видов навесного оборудования* [<https://arenda-ekskovatora-pogruchika24.ru/chto-takoe-gidravlicheskiy-bur/>].

Текстовые корреляты, входящие в одно гнездо эквивалентности, по-разному интерпретируют семантику аббревиатуры.

Презентативные дешифровальные стимулы, выраженные адъективно, формируют обобщенную, квалификативную трактовку значения текстового эквивалента, например *гидронасос — гидравлический насос*. Интерпретативные дешифровальные стимулы осуществляют уточнение значения аббревиатуры. Среди них выделяются релятивные дешифровальные стимулы, выраженные падежными и предложно-падежными формами существительного и актуализирующие значения числа и падежа (*автонасос — насос для автомобиля*), и модификативные дешифровальные стимулы, включающие значимые компоненты, отсутствующие в структуре аббревиатуры (*гидрометеорологический центр — гидроцентр*).

Итак, рассматриваемая в работе типология аббревиатурных наименований устройств было выделено 6 классов («аппарат», «механизм», «деталь», «комплексные устройства», «электромеханические», «электронные»), в том числе 1 подкласс («устройство», также ономазиологические признаки: «медиатив», «способ осуществления действия», «квалификатив», «посессив»). На основе указанных ономазиологических базисов и признаков более подробно раскрываются особенности употребления сложносокращенных слов АГ наименований устройств (в текстовых эквивалентах в рамках одного контекста).

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.

2. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / Отв. ред. Е.Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. – Том 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 166– 173.

3. Акулич, Е.А. Аббревиатурная группа вело: общая характеристика/ Е.А. Акулич, //Вестник Московского университета: науч.-метод. журн. –2017. – № 6 – С.117-124.

4. Селиванова Е.А. Когнитивно-ономазиологический аспект фразеологического семиозиса / Е.А.Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Четвертые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума (Великий Новгород, 4-6 мая 2009г.) / [отв.редактор В.И.Макаров]. – Великий Новгород; НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 69-72.

5. Соснина Л. В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономазиологический аспекты: дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Соснина Людмила Васильевна. – Донецк, 2017. – 472 с.

6. Блюмина.О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна. – Горловка, 2010. – 148 с.

E.A.Zaibert

TYPOLGY OF ABBREVIATORY NAMES OF DEVICES

The article is devoted to the study of typologies of abbreviated names of devices.

As a result of the study, device classifications were identified; features of the onomasiological approach, allowing you to see how the act of nomination is carried out. This approach allows us to trace how the realities indicated by abbreviations in the language are classified.

Key words: *device, classification of devices, abbreviation groups, onomasiological classes, onomasiological models.*

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

УДК 81.373.21

T.P. Galeeva

ВлГУ «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

МОРФОЛОГО-СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ОЙКОНИМОВ И ГИДРОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КАМЕШКОВСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Данная статья посвящена исследованию топонимики Камешковского района Владимирской области с точки зрения способа образования топонимов. В работе классифицируются топоформанты морфолого-суффиксального способа образования ойконимов и гидронимов данного региона, а также определяется их продуктивность в соотношении с их семантикой.

Ключевые слова: *топонимы, ойконимы, гидронимы, морфолого-суффиксальный способ.*

Прежде всего необходимо отметить, что «географические названия – это наше богатство, это часть нашего культурного наследия, тесно связанного со средой вокруг нас» [Агеева 1985, с.134]. Исследованная нами топонимика Камешковского района включает в себя 148 ойконимов (среди которых 118 современных географических названий населенных пунктов и 30 – «забытых», исчезнувших с карты) и 81 гидроним (19 наименований рек, 49 – озер, по пять названий прудов и ручьев, два – проливов, а также одно название болота).

Как известно, географические названия образуются по определенным формулам – словообразовательным моделям, которые составляют топонимические типы, объединенные общим признаком. Изучение структуры топонимов помогает определить топооснову географического названия, а значит и приведет нас к историческим корням прошлого. Исследователи выделяют топонимические типы, образованные при помощи следующих способов: морфолого-суффиксального, лексико-синтаксического, морфолого-синтаксического. Наиболее частотный в образовании ойконимов и гидронимов Камешковского района – морфолого-суффиксальный способ – по мнению многих исследователей, является базой большинства славянских топонимических типов. Ключевой единицей при данном способе выступает топоформант – «это суффиксы или равнозначные им служебные морфемы, используемые как средство топонимического

словопроизводства» [Фролов 2005]. Основными топоформантами в образовании ойконимов изучаемого региона являются суффиксы, подразделяемые исследователями на соответствующие классы: **-ин-, -ов- (о)/ -ев-(о), -к-, -овк-, -иц-/ -ец-, -иха-/ -ищи-, -уш-(а), -н-, -ок-, -ск-** [Никонов 1984; Цветкова 2012].

Суффикс **-ин-**, представляющий собой один из самых древних топонимообразующих формантов славянства. Данный суффикс выражает значение принадлежности к чему-либо.

Суффиксы **-ов- (о)/ -ев-(о)** являются одними из самых распространенных формантов славянской топонимики. Они используются при образовании ойконимов среднего рода от личных имен.

Суффиксы **-ов-, -ев-, -ин-** привносят в содержание ойконимов такие семантические компоненты, как 'расположение где-то, на чём-то', 'особенности рельефа местности, её природные особенности', 'функциональная характеристика населённого пункта', 'принадлежность поселения какому-либо лицу'. Со временем эти суффиксы «утратили значение принадлежности и стали выступать как топоформанты для образования географических названий» [Цветкова 2012, с. 107]. В.А. Никонов отмечает, что данные суффиксы указывают на принадлежность, образуя притяжательные прилагательные [Никонов 1984, с. 71].

Суффикс **-к-** становится употребительным к XVI – XVIII вв., встречаясь в русских и украинских названиях этого периода [Никонов 1984, с. 73]. В топонимах Камешковского района суффикс **-к-** используется для образования названий населенных пунктов от апеллятивов, отражающих местные географические условия. Ойконимы с данным топоформантом имеют форму множественного числа;

Антропонимическая база суффикса **-овк-**, связанная с мужским именем, соответствует грамматической природе соответствующего суффикса.

Суффикс **-иц-**, принадлежащий к древней славянской топонимии, создавал ойконим в форме женского рода. В.А. Никонов выделяет суффикс **-ец-**, также относящийся к древним суффиксам.

Формант **-иха-** указывает на принадлежность к женскому роду. В.А. Никонов указывает, что суффиксы **-иха-, -ищи-** – это суффиксы, слившиеся с окончанием и являющиеся показателем грамматического рода и числа [Никонов 1984, с. 70].

Суффикс **-уш-(а)** указывает на родовую принадлежность, а именно – женский род.

Опираясь на имеющуюся классификацию топооснов, представим частотность употребления тех или иных топоформантов в ойконимах Камешковского района.

Суффиксы/ форманты	Ойконимы	Количество во единиц
-иха, -ищи	<i>Гатиха, Лошаиха, Катраиха, Жуиха, Макариха, Пищихино, Сергеиха, Фомиха</i>	5,4 %(8)
-ов -, (-ев-)	<i>Стариково, Высоково, Гаврильцево, Денисово, Парфеново, Михалково, Шелухово, Гусево, Высоково, Чешково, Папулово, Курово, Волково, Чириково, Дудово, Еляково, Абросимово, Аксенцево, Байково, Балмышево, Берково, Брызгалово, Бураково, Вахромеево, Второво, Давыдово, Дмитриково, Епишево, Ивашиково, Камешково, Каменово, Колосово, Круглово, Крутово, Курменево, Лаптево, Леонтьево, Мишиново, Мокеево, Назарово, Неверково, Нестерково, Пигасово, Пирогово, Плясицыно, Рябиновка, Ряхово, Саулово,</i>	36,5% (54)

	<i>Сереброво, Симаково, Симоново, Стариково, Суслово, Сынково, Харламово</i>	
-ец-	<i>Костенец, Растовец</i>	1, 4% (2)
-ин/ен/ын-	<i>Полушино, Городина, Арефино, Близнино, Бородино, Вакурино, Верещагино, Ворынино, Грезино, Ивишенье, Истомино, Карякино, Кирюшино, Коверино, Куницыно, Лубенкино, Лубенцы, Марьянка, Мишкино, Нерлинка, Палашкино, Патакино, Пенкино, Пищихино, Ручкино, Семенигино, Ступино, Финляндино, Шухурдино, Щекино, Юратино</i>	20,9 % (31)
-к-	<i>Лужки, Выселки, Новоселка</i>	2,1 % (3)
-овк-	<i>Константиновка, Ефимовка, Сосновка</i>	2,1 % (3)
-иц/ьц-	<i>Будылицы, Плясицыно, Пожарницы, Тереховицы</i>	2, 7% (4)
-уш- / -ух- (а)	<i>Смыкуша, Чистуха</i>	1, 4% (2)
-н-	<i>Волковойно</i>	0, 67% (1)
-ок-	<i>Городок</i>	0, 67% (1)
-ск-	<i>Ивановская, Новское, Эдемское</i>	2,1 % (3)

Таблица показывает, что наиболее употребительными суффиксами в ойконимии Камешковского района являются форманты *-ов -/(-ев-), -ин/ен/ын-*, входящие в 60% географических названий данной территории.

Обращаясь к гидронимам, нужно отметить, что их изучение связано со значительными трудностями, поскольку данные топонимы «меньше подвержены эрозии времени, нередко имеют большой возраст, а потому и нелегко восстановить их первичную форму и содержание» [Мурзаев 1985]. Из 81 гидронима Камешковского района определить принцип номинации удалось лишь у 58.

Рассмотрим основные топоформанты гидронимов:

Суффиксы/ форманты	Гидронимы	Количество единиц
-иха, -ищи	<i>Рассоха</i>	1 (1,02%)
-ов -, (-ев-),	<i>Бубново, Карасево, Малое Урсово, Переханово, Строево, Жилово, Линево</i>	7 (8,65%)
-ец-	<i>Святец, Тиновец, Состец</i>	3 (3,7%)
-ин/-ан/ен/ын-	<i>Дарьино, Ступино, Кижаны, Грядино, Тишкино</i>	5 (6,2%)
-к-	<i>Серебрянка, Сутка, Липка, Осипки, Соломенка, Крапивка, Уечка, Старки</i>	8 (9,9%)
-овк-	<i>Ефимовка, Карякиновка, Карповка</i>	3 (3,7%)
-иц/ьц-	<i>Глушица, Старица</i>	2 (2,5%)
-н-	<i>Больничные, Витное, Заводное, Каменное, Красное, Мельничный, Мирный, Холодное, Подраменное, Томанни, Заборное, Огуречное, Полбанное</i>	13 (16,05%)
-ск-	<i>Запольское, Камешковские, Монастырское, Эдемский</i>	4 (4,9%)
-онк-	<i>Сычонка</i>	1 (1,02%)

А. И. Попов высказывает такую мысль: «Если мы говорим о таких областях, как Костромская, Ярославская, Владимирская, Московская, то имеются прямые основания для утверждения, что древнейшая топонимика здесь должна принадлежать языку или языкам мери... Это в полной мере подкрепляется всем общим характером древнего слоя топонимики этих областей, показывающего наличие здесь весьма ограниченного числа основных типов местных названий суффиксами: *-едом, -одом, -бол, -бал, -нча, -ога, -ега, -юга, -уга, -хра, -гра, -хта, -гда, -кша, -кса, -ма, -ба, -за, -жа, -аш, -ас, -нда, -я* и некоторыми другими. Следует сразу же заметить, что эти основные типы суффиксов распространены и гораздо шире – не только в рассматриваемом крае, который вовсе не представляет чего-то изолированного от соседних областей» [Попов 1974, с. 15]. Большой интерес для исследования структуры топонимов представляют гидронимы, в которых топоформанты заимствованы из угро-финского языка (*Верхняя и Нижняя Вышихра, Войхра, Клязьма, Нерль, Нарошша, Пекша, Секиша, Суйма, Тальша, Уводь, Печуга, Кируляша, Возикша, Вальковская Печма, Вахро, Вохрыч, Урлах, Зажних, Серицх*). «После распада праязыковой общности морфологическое словообразование в фино-угорских языках развивалось разными путями. Наиболее эффективными из них оказались образование сложных суффиксов и переходных слов в суффиксы. Объединяясь, древнейшие простые деривационные форманты создавали сложные суффиксы» [Захватова, Арискина 2011, с.66]. Так, в гидронимах Камешковского района употребительны следующие форманты: *-ма-, -хра/-хро-, -л-, -ша-, -д-, -уга, -ах/-их/-цх*.

Распространен топоформант *-ма-*, который употребителен в гидронимии восточной древнеевропейской народности. В эрзянском языке такой суффикс называет имя действующего, объекта и результата действия, орудия и места действия и состояния.

Не менее распространенным является топоформант *-ша-*, также предположительно заимствованный из угро-финского языка. Но определить этимологию данного словообразовательного форманта затруднительно – «можно истолковать на основе иранского или балтийского языкового материала, хотя выводы получаются и не вполне точные, поскольку этимологизировать приходится такие предполагаемые индоевропейские гидронимы, которые сначала фонетически и семантически адаптированы на угрофинский лад, а потом – на русский». Вероятно, что более мелкие и удаленные в глушь гидронимы имеют происхождение из языка того народа, который обитал в этих краях с древнейших времен» [Сывороткин 2013, с.183]

При помощи суффикса *-л-* образуются слова, указывающие на действие и результат действия.

Топоформант *-хра/-хро-*, как указывал А.И. Попов, принадлежит языкам мери, древнему пласту славянской топонимики. Но в таких гидронимах, как *Войхра, Вахро, Вохрыч* топоформант *-хра/-хро/-хрыч* сливается с корневой основой, в связи с чем определить границы топоформантов затруднительно, в отличие от гидронима *Вышихра*, где можно выделить две основы у слова: *выши* и *хра*.

А.И. Попов приводит следующие сведения: «Костромские *Лохтога, Сендога, Нодога, Лантюг* и т.п. являются типичными образцами речных названий этого характера. Заметим, что во Владимирской области мы видим ряд названий с *-юх, -их, -ех* и т.п. вместо – *юга* и прочее. Возможно, это особенность «русской» («обруселой») передачи слов мерянского языка» [Попов 1974, с.20]. Так, формант *-га-* в гидрониме *Печуга* соответствует Костромским гидронимам, имеющим соответствующие форманты *-га/-юг-*, которые, предположительно, могут быть вариантами формантов *-юх, -их, -ех*. На территории Камешковского района имеются наименования с разными вариантами одного форманта, что может свидетельствовать о том, что название реки *Печуга* дано не на

данной территории, а у другого ее истока, так как больше формантов с взрывным согласным не обнаружено. Топоформанты с глухим согласным *x* преобладают. В целом определить значение суффиксов/топоформантов у гидронимов гораздо сложнее, чем у ойконимов, поскольку «древнеевропейская гидронимия – это субстрат, усвоенный различными народами от периода древнеевропейской общности и сохранившийся в эпоху более поздних передвижений отдельных народов, которые переносили древние индоевропейские названия на новые территории» [Агеева 1985, с.79].

Таким образом, исследуемый материал показал, что наиболее продуктивными суффиксами ойконимов Камешковского района являются *-ов-, -ев-, -ин-*, выступающие как основные топоформанты при образовании географических названий. В современных наименованиях водных объектов продуктивны суффиксы *-н-* и *-к-*, что свидетельствует об относительно недавнем возникновении номинации. При этом среди морфолого-суффиксальных топоформантов гидронимов употребительными оказались также *-ма-, -ша-хра(ра)*, указывающие на древнеевропейскую структуру топонимов и влияние угрофинского и эрзянского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. – М.: Наука, 1985.
2. Захватова А.Е., Арискина О.Л. Общие финно-угорские суффиксы словообразования имен в эрзянском и венгерском языках // Вестник Мордовского университета. – Мордова, 2011. – С. 66-68
3. Морозова М.Н. Топонимы в словообразовательной системе современного русского языка // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1974.– С. 83-92.
4. Мурзаев Э.М. География в названиях. – М.,1979.
5. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М., 1965.
6. Попов А. И. Топонимика древних мерянских и Муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л.: Наука, 1974.
7. Сывороткин М.М. Гидронимия Муромского края // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 180-182
8. Сывороткин М.М. Происхождение названий рек и озер левобережья р. Тёши Нижегородской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 183-185.
9. Цветкова Е.В. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2012. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 106-109.
10. Фролов Н.К. Топонимика и этнонимика // Избранные работы по языкознанию. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2005.

T. R. Galeeva

MORPHOLOGICAL AND SUFFIXAL FORMATION OF OIKONYMS AND HYDRONYMS (ON THE MATERIAL OF KAMESHKOVSKIY DISTRICT, VLADIMIR REGION)

This article is devoted to the study of toponymy of Kameshkovsky district of Vladimir region from the point of view of the method of formation of toponyms. In work classified topotent morphological and suffixal method of formation of oikonyms and hydronyms of Kameshkovskiy district, and identifies productive topapartment in relation to their linguistic value.

Key words: *toponyms, oikonyms, hydronyms, morphological-suffixal method.*

Поступила в редакцию 13.02.2020 г.

АББРЕВИАТУРНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ УКРАШЕНИЙ: СТРУКТУРНЫЙ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В результате исследования были описаны понятия «ономасиологическая методика» и «ономасиологический класс». Рассматриваются особенности ономасиологического подхода к описанию ономасиологического класса «украшения». Выделены два подкласса украшений, для каждого из которых определены типы дешифровальных стимулов и описаны формальные модели эквивалентности.

Ключевые слова: ономасиологический подход, ономасиологический класс, ономасиологический базис, номинатема, универбализационные композиты, дешифровальный стимул, формальные модели эквивалентности, гнездо эквивалентности, текстовые модели эквивалентности.

Статья посвящена описанию структурных и ономасиологических характеристик аббревиатурных наименований украшений.

Актуальность исследования заключается в том, что проблема описания ономасиологического класса не получила еще достаточного освещения в научной литературе. Одним из главных факторов актуальности работы является также необходимость совершенствования методик составления словарных статей для «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка» (далее – Словарь). Определение особенностей ономасиологических классов может быть использовано как основа для создания приёмов прогнозирования эквивалентностных отношений в гнездах эквивалентности сложных слов.

Цель работы состоит в том, чтобы описать формальные модели эквивалентности аббревиатур ономасиологического класса украшений. Для достижения указанной цели требуется решить ряд задач:

- 1) уточнить понятие «ономасиологический класс»;
- 2) определить границы ономасиологического класса аббревиатурных наименований украшений;
- 3) установить ономасиологические подклассы аббревиатурных наименований украшений.

Объект исследования – сложносокращённые слова со значением украшений. Сложносокращённое слово (далее – ССС) – «единица, связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является инициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [1]. **Украшение** нами трактуется как декоративный предмет или результат действия, использующийся для гармоничного дополнения и художественного оформления кого-либо или чего-либо.

Предмет исследования – ономасиологической структуры сложносокращённых слов, входящих в ономасиологический класс со значением украшений.

В работе используется синхронный подход, целью которого является установление и описание отношений синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры. На основе синхронного анализа и была выработана ономасиологическая методика, которая «устанавливает тождественность / нетождественность

ономасиологической структуры сложносокращённого слова и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом» [1].

Ономасиологический подход рассматривает семантику производного в ономасиологических терминах понятийных категорий, т.е. способы «отражения в структуре производного общекатегориальных значений, значений кардинальных (основных) частей речи и их разновидностей» [2].

Н.А. Дьячок отмечает, что «ономасиологический класс – это объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий» [4].

В.И. Теркулов разработал типологию композитов с точки зрения их ономасиологического статуса. Композиты распределяют на универбализационные, являющиеся словесной интерпретацией коллокативных номинатем, деривационные, являющиеся базовыми реализациями самостоятельных словесных номинатем и квазикомпозиты, т.е. сложные слова, возникшие в результате искусственного сочетания частей некоторых слов. Нами же рассматриваются ССС, т.е. «эквиваленты словосочетаний, включающие в свой состав неинициальный абброконструкт» [1].

В.И. Теркулов выделяет в структуре ОК универбализационных композитов три яруса, где:

- к верхнему ярусу относится общекатегориальное грамматическое значение;
- второй ярус предполагает существование номинатемы в пределах определенной лексико-семантической группы (ЛСГ), которая в свою очередь является лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСГОЕ);
- третий ярус предполагает распределение номинатем по ономасиологическим моделям [3].

Ономасиологический класс украшений обладает всеми вышеперечисленными признаками, поскольку ономасиологическая структура значения украшений состоит из двух элементов: ономасиологический базис, который указывает на определенный понятийный класс – родовое понятие, и ономасиологический признак – видовое понятие, определяющий референт внутри класса.

Для данной работы важны собственные базовые ономасиологические характеристики компонентов класса.

Нами обнаружены в картотеке Словаря наименования следующих подклассов украшений:

• **украшение для человека** – предмет, использующийся в качестве декоративной детали для художественного оформления внешнего вида человека. Ономасиологическим базисом в данном подклассе являются слова со значением «украшение для человека», например *аромакулон, аромамедальон, афропричёска*;

• **украшение для транспорта** – предмет, использующийся для большего функционирования транспортного средства. Ономасиологическим базисом в данном подклассе являются слова со значением «украшение для транспорта», например *автоаксессуары, автопримочки, аудиоаксессуары*.

Для подкласса «украшения для человека» были обнаружены следующие ономасиологические базисы:

- коса:** *афрокоса*;
- кудри:** *афрокудри*;
- кулон:** *аромакулон*;
- лак:** *аромалак*;
- локон:** *афролокон*;
- медальон:** *аромамельон*;

причёска: *афропричёска;*

подвеска: *аромаподвеска.*

Для подкласса «украшения для транспорта» были обнаружены следующие ономаσιологические базисы:

аксессуары: *автоаксессуары; велоаксессуары; аудиоаксессуары;*

деталь: *автодеталь;*

примочки: *автопримочки;*

принадлежности: *автопринадлежности, велоринадлежности;*

комплектующие: *автокомплектующие*

Аббревиатура формирует гнездо эквивалентности, которое определяется «как совокупность актуально сосуществующих единиц, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [1]. **Эквивалент конструкта аббревиатуры** – единица, которая имеет тождественное значение, подтверждаемое текстом, а также совпадающая полностью или частично по форме с данным конструктом. **Эквивалентный текст** нами трактуется как текст или тексты, где аббревиатура и ее эквивалентное словосочетание имеют тождественные значения, т.е. могут выступать как абсолютные синонимы.

Существование эквивалентов в гнезде эквивалентности обусловлено наличием у абброконструкта большого числа дешифровальных стимулов. **Дешифровальный стимул** (далее – ДС) определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта, то есть как слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании» [1]. Обычно абброконструкт имеет несколько ДС. Множественность ДС у одного абброконструкта обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры.

Первый этап – установление общей модели использования ДС в эквивалентном словосочетании. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, т.е., собственно, ДС абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

В словах, обозначающих «украшения для человека», обнаружено 2 типа ДС:

1. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *ароматический медальон – аромамедальон*);

2. (предл)х-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (у-(предл)х-z(сущ): *медальон с ароматом чего-л. – аромамедальон*);

В аббревиатурах, обозначающих «украшения для транспорта», выявлено 9 типов ДС:

1. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *велосипедные аксессуары – велоаксессуары*);

3. х-а – сложное существительное: (у-х-а(сущ): *аксессуары автомобиля – автоаксессуары*);

4. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): *автомобильная деталь – автодеталь*);

5. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *принадлежности к авто – авторинадлежности*);

6. (предл)х-а – сложное существительное с предлогом: (у-(предл)х-а: *принадлежности на **автомобили** – автопринадлежности*);
7. х(адъект)-z – словосочетание с зависимым адъективом: (у-х(адъект)-z: *комплектующие для **автомобильного транспорта** – автокомплектующие*);
8. (предл)х-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (у-(предл)х-z(сущ): *аксессуары для **тюнинга автомобилей** – автоаксессуары*);
9. (предл)х(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом: (у-(предл)х(адъект)-z: *аксессуары для **автомобильного транспорта** – автоаксессуары*).

Второй этап представляет собой установление модели формальной разновидности эквивалентности для всех эквивалентных пар в пределах гнезда эквивалентности, которая изображает тип условного совпадения элементов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и соединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общие операторы для этих блоков – грамматические операторы, которые показывают частеречную принадлежность элементов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для указания сложных слов, входящих в словосочетание, применяется оператор «кп». В блоке аббревиатуры прибавляются операторы, которые устанавливают качество аббреквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн1 – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З1 – первый звук основы, Б1 – первая буква основы), ещё оператор «инт», применяющийся когда в аббревиатуре возникает интерфикс. В вариантах, когда при создании аббревиатуры «игнорируются» к-л элементы сочетаний слов, они приводятся в скобках после знака «-».

Формальные модели эквивалентности тоже включаются в схему дешифровальной матрицы.

Для подкласса «**украшения для человека**» обнаружено 2 модели формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил1ед+Сущ1ед: африканский локон;
2. Сущ1ед+предл+Сущ2ед+Местоим2: медальон с ароматом чего-л.

Для подкласса «**украшения для транспорта**» выявлено 10 моделей формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил1ед+Сущ1ед: велосипедные аксессуары;
2. Сущ1ед+Сущ2ед: комплектующие автомобиля;
3. Сущ1ед+Сущ2мн: деталь автомобилей;
4. Прил1ед(кп)-Сущ1ед: автомобильные аксессуары;
5. Сущ1ед+предл+Сущ2ед: принадлежности для автомобиля;
6. Сущ1ед+предл+Сущ3мн: аксессуар к велосипеду;
7. Сущ1ед+предл+СущНескл: принадлежности в авто;
8. Сущ1ед+предл+Сущ2ед(кп): аксессуары для автомашины;
9. Сущ1ед+предл+Прил2ед+Сущ2ед: аксессуары для автомобильного транспорта;
10. Сущ1ед+предл+Сущ2мн(кп): аксессуары для автотюнинга;

Следующий этап – анализ уровня эквивалентности ономонологического класса со значением украшений, в котором необходимо установление **текстовых моделей эквивалентности**, то есть тактик использования аббревиатур и их эквивалентов в текстах. Анализ интернет-текстов позволил выделить три типа текстовых моделей для подкласса «**украшения для человека**»:

1. Одиночная – ситуация, когда в тексте употребляется только один из элементов гнезда эквивалентности: сама аббревиатура или её эквивалент, например «**Аромакулон** – это универсальный подарок, который оценит каждая современная девушка. Стильные, тончайшие подвески идеально дополняют любой образ, начиная от повседневных и заканчивая вечерними». (<https://bigl.ua/p916712271-aromakulon-znakom-beskonechnosti?>)

2. Парная – ситуация, когда употребляется аббревиатура и один эквивалент или 2 эквивалента без аббревиатуры: «Если периодически вас мучает головная боль, возьмите масло бергамота, залейте его в **аромамедальон** и подышите, через какое-то время от боли не останется и следа. Такие **ароматические медальоны** улучшают общее состояние человека, полезны при депрессиях, бессоннице, усталости и раздражительности». (<https://ramayoga.ru/blog/articles/aromakulony/>)

3. Многоэлементная – ситуация, когда употребляется аббревиатура и более чем два её эквивалента. В подклассе «украшения для человека» такой модели не обнаружилось.

В подклассе «украшения для транспорта» обнаружались такие текстовые модели:

1. Одиночная модель: «Для тех, кто ценит комфорт и привык упрощать свою жизнь, приобретение дополнительных аксессуаров может стать необходимостью. Все **автопринадлежности** условно можно разделить на две большие категории: предметы для безопасности и для удобства». (<https://exist.ua/avtoprinadlezhnosti/>)

2. Парная модель: «Хоть **автоаксессуары** и нельзя назвать товарами первой необходимости, но без многих из них опытному автоладельцу попросту не обойтись. **Автомобильные аксессуары** — это не мода, это стильные атовары, которые позволяют сделать свою машину неповторимой, выделив ее среди других». (<https://top-avto.com.ua>)

В подклассе «украшения для транспорта» обнаружилось только два типа текстовых моделей.

Наибольшая частотность употребления отмечается для одиночной модели. Малая частотность обнаружилась в многоэлементной модели.

Вывод. В нашей работе мы рассмотрели ономазиологический класс сложносокращённых слов со значением «украшений». В «Толково-эквивалентном словаре сложносокращённых слов русского языка» нами было выявлено 16 ССС, которые относятся к ОК со значением украшений. В подклассе со значением «украшения для человека» было выявлено 8 ССС и 2 типа ДС. В рассмотренных ССС ономазиологического базиса «украшения для транспорта» выявлено 10 моделей формальной разновидности эквивалентности и 9 типов ДС. Текстовый анализ подклассов показал, что наибольшая частотность употребления отмечается для одиночной модели, малая частотность в многоэлементной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: Синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – 2017. – №6. – С. 73-97.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с
3. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте : дис. д-ра филол. наук: 10.02.02 / Теркулов В. И. – Горловка, 2008. – 472 с.
4. Дьячок Н.В. Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономазиологическое описание / Н.В. Дьячок // Дисс. .... д-ра филол. наук: 10.02.02. – Киев, 2015. – 522 с.

**ABBREVIATION NAMES OF JEWELRY: STRUCTURAL AND
ONOMASIOLOGICAL ASPECTS**

As a result of the study, the concepts “onomasiological technique” and “onomasiological class” were described. The features of the onomasiological approach are considered. Two subclasses of jewelry are distinguished, for each of which types of decryption stimuli are determined and formal models of equivalence are described.

Key words: *onomasiological approach, onomasiological class, onomasiological basis, nominatema, universalization composites, decryption stimulus, formal equivalence models, equivalence nest, textual equivalence models.*

Поступила в редакцию 25.02.2020 г.

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 821.161.1

П.Ю. Андрейчук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

В статье рассматриваются вопросы становления русского исторического романа как вида «большого» литературного жанра в контексте проблем развития русского литературного языка нового типа, определившего «форму организации высказывания» (по В. В. Виноградову) многожанровой литературы в России. На материале исторических романов И.И.Лажечникова делается попытка установить своеобразие речевой организации этих текстов с учетом языковой ситуации в процессе нормализации русского литературного языка и языка художественной литературы начала XIX века.

Ключевые слова: роман, вид (разновидность) романа, жанр, жанрология, исторический роман, язык художественной прозы, речевой жанр, язык исторического романа.

В многочисленных научных исследованиях *исторический роман* как специфический литературный жанр всегда рассматривался в качестве одной из разновидностей романа (от фр. roman ‘романский’) – большой формы эпического жанра, нового для русской литературы конца XVIII – начала XIX века. Единой классификации разновидностей (или видов) романа на сегодняшний день не существует, поэтому определение понятия *исторический роман* естественным образом накладывается на общие формулировки, которые характеризуют сам «большой» жанр. Коротко – это «эпическое произведение, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности в процессе её становления и развития, развернутом в художественном пространстве и времени, достаточном для передачи «организации» личности». По В. Г. Белинскому, – это «эпос частной жизни» [2, с. 329-330]. К понятию *роман исторический* важно добавить следующее: повествование в нем должно строиться на историческом сюжете, затрагивающем определенный период истории. Считается допустимым, что историческая правда в таком произведении может соединяться с художественным вымыслом, исторические персонажи – с вымышленными и т.д. Такие нечёткие формулировки важных понятий до сих пор рождают горячие споры и дискуссии, которые касаются не только литературоведческих аспектов изучения исторического романа, но и языковой организации конкретных текстов в их отношении к лингвостилистике и жанроведению в целом (идея жанра как формы организации высказывания была представлена еще в трудах В. В. Виноградова и в настоящее время имеет своих последователей) [9, с. 70]. О существовании многочисленных проблемных вопросов в истории становления романа, и, следовательно, в истории любого из его видов, писал М. М. Бахтин, который еще в начале XX века считал, что это еще не готовый, не сложившийся, не обретший своего «костяка» жанр (см. подробнее его статью «Эпос и роман» [1, с. 447-483]). В наше время проблему создаёт и то обстоятельство, что исторический роман активно включается в число «общественно значимых» жанров, и по этой причине многое, связанное с ним, рождает споры идеологического и политического характера (см., например, очерки и эссе В. Куклина, который, размышляя о судьбе этого «архипопулярного жанра», подвергает

сомнению установление традиционной «верхней хроникальной границы» исторического романа, считая этот процесс формальным и неверным [6]. Абсолютно неразработанной представляется нам сегодня наука о специфике языковой организации исторического романа в его соотношении с процессами нормализации русского языка конца XVIII - начала XIX века – времени, от которого идёт отсчет истории национального литературного языка нового типа. В этой истории лингвистический аспект изучения языка романа с его «многоголосием» составляет яркую страницу, поэтому обращение к темам, лежащим в очерченной научной плоскости, представляется сегодня актуальным и своевременным.

Следует заметить, что изначально, со времени своего появления в России, исторический роман ни по содержанию, ни по форме не давал неопровержимых оснований выделять его в самостоятельный вид эпического рода, развивающегося по своим собственным законам. На рубеже XVIII-XIX веков история в таких произведениях выступала лишь в качестве фона для развертывания авантюрно-приключенческих, любовных или назидательно-дидактических сюжетов. И только с середины 20-х годов XIX века в повествовательной прозе появилось что-то более совершенное, связанное с необходимостью создавать «основы того художественного историзма, который, начиная с 1830-х годов, становится одним из необходимых элементов любого повествования не только об историческом прошлом, но и о современности» [10, с. 1].

Первая половина XIX века была ознаменована появлением исторических произведений В. Скотта, В. Гюго, А. Виньи и др. писателей. Эти романы вызвали широкий общественный резонанс в России, и новые жанровые традиции, сформировавшиеся в европейской исторической романистике получили активное развитие в *русской исторической повествовательной прозе*. *Всё это, без сомнения, было спровоцировано не только формированием жанра исторического романа на Западе, но и продиктовано процессом национальной самоидентификации, интересом к национальному прошлому и развитию исторической науки в целом. Оценкой этого процесса может стать известное выражение А. С. Пушкина, точно определяющее отношение к истории родного Отечества и к родному языку в это время: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости».*

В числе первых, кто попытался написать русское «повествование» в историческом аспекте, был Н. М. Карамзин («Наталья, боярская дочь» (1792), «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» (1802)). Талантливый российский писатель и историограф открыл читателю русскую старину, и его произведения действительно явились первым шагом в художественном освоении исторического материала. В 20 – 30-е годы XIX века исторический жанр в русской словесности занял прочное место и достиг расцвета в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, беллетристов М.Н. Загоскина, И. И. Лажечникова и многих других талантливых писателей. Лучшие их романы были написаны в традициях европейского исторического романа, однако для В. Г. Белинского развитие этого жанра в русской литературе было не результатом влияния Вальтера Скотта, как это утверждали С. П. Шевырев и О-Ю. И. Сенковский, а проявлением «духа времени», «всеобщим и можно сказать всемирным направлением» [2, с. 43]. Внимание к историческому прошлому, отражая рост национального самосознания народов, вместе с тем свидетельствовало о более глубоком проникновении действительности и ее насущных запросов в искусство и в общественную мысль. В. Г. Белинский указывал, что вся дальнейшая деятельность передовой мысли должна опираться на историю, вырастать из исторической почвы. Поэтому роль исторических романов в то время и позже была достаточно велика. С начала XIX века исторический жанр занял прочное место среди других жанров художественной литературы и в ходе своего развития прошел целый ряд сложных этапов. При этом менялись не только тематика и галерея образов, но и сам язык повествования

совершенствовался и улучшался, приобретая свои собственные формы и черты. Этому активно способствовали те новые тенденции в развитии русского литературного языка, которые, подчиняясь сложившейся языковой ситуации, нашли своё отражение в языке романа с его «многоголосием» в самом широком значении этого слова. Языковая ситуация этого периода была достаточно сложной, однако самой яркой тенденцией в формирующемся национальном русском литературном языке была его демократизация. Поэтому исторический роман в языковом отношении был нацелен на использовании живой разговорной речи. Несмотря на усиливающуюся европеизацию литературного употребления, отношение прозаиков первой половины XIX века к заимствованиям было неоднозначным и зачастую зависело от содержания литературного произведения. Использование же ими средств церковнославянского языка (по сравнению с ушедшей эпохой) было заметно ослабленным. По мнению А. И. Горшкова, «в XVIII – начале XIX в. усиливается процесс дифференциации между книжнославянской и русской лексикой. Основное направление этого процесса – закрепление за славянизмами производных отвлеченных значений, а за русскими словами – номинативных значений, общих для русских и славянских параллелей» [5, с. 136]. Однако главным в этом процессе было то, что в языке исторических романов постепенно формировались нормы единого стандартного литературного языка, а художественная речь играла решающую роль в движении русского языка к общенациональной норме. Как утверждал А. И. Горшков, язык русской художественной литературы XVIII – XIX вв. включал в себя «воспроизведение живой русской речи в многообразных ее профессиональных, социальных и диалектных проявлениях» [там же, с. 100], и поэтому русских писателей интересовала характеристика того или иного персонажа прежде всего с точки зрения его отношения к определенной социальной группе. Это требовало от мастера художественного слова соответствия языка художественного образа живой разговорной речи. Воспроизведение речевых особенностей изображаемого времени и описываемой социальной среды стало одним из существенных признаков художественно-исторического произведения. На смену хаотичному вкраплению архаических слов в повествовательную канву пришла обдуманная стилизация всего повествовательного пространства под описываемую эпоху, но этот процесс в то время никак не регулировался и не подвергался продуманной нормализации.

Проблему соответствия языка исторического произведения изображаемой эпохе с лингво-теоретических позиций пытался рассмотреть Г. О. Винокур, который связывал свой научный интерес с проблемой личности как носителя национально-эстетического идеала [4]. В 40-ые годы прошедшего столетия его заинтересовала проблема языка автора конкретного исторического произведения и его персонажей, характер их речевого единства и разграничения. Сегодня эта проблематика активно разрабатывается в контексте изучения специфики *языковой личности* повествователя или других конкретных образов художественных произведений. Среди многочисленных проблем языка исторического романа Г. О. Винокур выделил «соответствие языка изображаемому» [4, с. 410]. Это можно понимать по-разному: «дело представляется таким образом, - писал он, - что язык в историческом романе должен полностью совпадать с языком той среды и той эпохи, которую воспроизводит исторический романист. Совершенно очевидно, что о полном и исчерпывающем совпадении этого рода просто не может быть никакой речи. <...> Но в историческом жанре такие стилизации как цельные произведения, мне неизвестны, и я думаю, что они практически принципиально невозможны именно потому, что это требовало бы совершенно невыполнимого абсолютного тождества языка с языком соответствующей эпохи. В то же время мы хорошо знаем такие исторические романы, которые написаны от лица не автора, а героя, но авторским, а не историческим языком» [там же]. Г. О. Винокур вывел положение, которое отнёс к «объективным законам истории языка». Суть его сводится к следующему: «не существует строгого параллелизма между

историей языка и историей жизни». Автор понимал, что даже самый талантливый художник слова, обращаясь к исторической теме, не сможет полностью передать всё языковое своеобразие эпохи, поскольку «всякий язык в любой момент своего развития, своей истории представляет собой скрещивание, как бы склад пережитков самых разнообразных эпох, так что здесь есть и вчерашние факты, и факты тысячелетней давности» [4, с. 411], В итоге Г. О. Винокур делает важное заключение: «Язык исторического романа это есть современный язык, приспособленный для изображения прошлого, а не язык прошлого, приспособленный для современного читателя» [4, с. 413]. Сказанное можно взять за основу только в том случае, если речь идёт о характеристике языка исторического романа советской эпохи, с чем, собственно, и были связаны наблюдения, проведенные Г. О. Винокуром. В отношении произведений прошедших эпох его выводы требуют новых дополнительных доказательств. Глубокому анализу в этом аспекте, на наш взгляд, в первую очередь должен быть подвергнут язык исторических романов, появившихся не позднее конца XVIII – начала XIX века. К таким можно отнести исторические романы И. И. Лажечникова («Ледяной дом», «Басурман»), которые были очень популярны в начале XIX века и к которым не потерял интерес читателей в наше время. Это свидетельствует о том, что в произведениях этого автора была «достигнута та художественная правда, которая есть необходимое условие творчества настоящего писателя» [8, с. 176]. В центре его романов, как правило, оказывалось лицо вымышленное или историческое, но обязательно наделенное исключительной судьбой, сложным нравственным и психологическим обликом, который переосмысливался автором в духе гражданских, патриотических, просветительских идей начала XIX века. Исторические персонажи, представленные в произведениях И. И. Лажечникова, без сомнения, вызывают лингвистический интерес в связи с идеализацией ими старого времени и, как итог, употреблением в связи с этим речевых средств, создающих «народность» слога, непринужденность тона устных высказываний, что достигалось с опорой на живой разговорный язык или язык русского народного творчества. Вот, например, небольшой отрывок из романа «Басурман»: «...И Анастасия, рыдая, вымолвила ей [Селиновой] наконец: – Ох, душа моя, душенька, Прасковья Володимировна! возьми булатный нож, распори мне белу грудь, и посмотри, что там делается!» или «Щеки – что твоя малина, в глазах огонь соколиный; взглянут на друга – рублем дарят, взглянут на недруга – крови хотят». Языковые элементы фольклорного происхождения (чаще лексика и фразеология в составе готовых формул) издавна были неотъемлемой принадлежностью слога исторической повести и романа с сюжетами, относящимися к допетровскому времени. И. И. Лажечников оставался верным этой традиции и не всегда был внимателен к возникающему смешению стилей. Но мы убеждаемся в явной его симпатии к народной пословице и поговорке и к народно-художественным словесным структурам вообще. Демократизация его художественной речи очевидна во всех романах в полной мере. Отражается этот процесс, прежде всего, на фразеологическом строе языка писателя, лучше других систем сохраняющем лексические и грамматические архаизмы. Большинство фразеологизмов в исторических романах, как правило, связаны с характеристикой человека, подчеркивают особенности его внутреннего мира, дают оценку по социальным и интеллектуальным его качествам. Попытаемся выделить несколько таких групп. Так, одна из них характеризует героев романа с точки зрения занимаемого ими положения в обществе: *барская барыня, заплочных дел мастер, матушка-государыня, дворовые люди, великая княжна, придворные дамы, великий князь* и др. В состав этой группы входят историзмы, т.е. слова, обозначающие ушедшие в прошлое должности, профессии и т.д. Вторая группа устойчивых сочетаний отражает внешний вид персонажей: *кровь с молоком; ни в сказке сказать, ни пером описать; пригожие девицы* и др. В историческом романе для создания

портрета героев нередко используются как субстантивные устойчивые обороты и свободные словосочетания (*привлекательная наружность, один из красивейших мужчин*), так и глагольные фразеологические единицы, передающие впечатление, производимое чьей-либо внешностью: *потупить взор, приходиться в смущение, беречься пуще огня* и др. Третью группу представляют фразеологические обороты, называющие персонажей по внутренним свойствам, качествам характера. Например, по интеллектуальным качествам: *голова на плечах, золотая голова, разумная голова*; по социальному статусу: *важная особа, первый человек в империи, люди с весом*. С помощью некоторых устойчивых оборотов автор романа сообщает читателю об изменениях социального положения героев, намерениях продвинуться вверх по служебной лестнице: *вывести в люди, возвести на пьедестал, выдать замуж* и др.

Привлекая народную фразеологию, И. И. Лажечников тем самым характеризует поступки своих героев, подчеркивает особые черты их личности, которые определяют развитие сюжета в произведении. Например, в романе «Ледяной дом» Артемий Петрович Волынский – центральный персонаж, реальное историческое лицо, кабинет-министр императрицы Анны Иоановны свое предназначение и жизненную позицию определяет следующим образом: *«Я русский боярин, не скоморох. Ты сам знаешь, что я друзьям и себе дал слово идти против чужеземного нашествия и его предводителя. В этом я поклялся перед образом Спасителя, – мне достался крест по жеребью – я опоясался им, как мечом; я крестоносец, и если изменю клятве своей, наступлю на распятие сына Божия!»*. Фразеологическая единица *дал слово* и ее лексический синоним *поклялся* характеризуют Волынского как человека, верного своему выбору, уверенного в себе и своих силах, готового к борьбе с врагом. Удачной представляется аллюзия *достался крест по жеребью* на фразеологизм *нести крест* (‘терпеливо переносить страдания, испытания’) и фразеологизм *выпал жребий* (‘кому-либо досталась определенная участь’). Лексема *крестоносец* в этом тексте помогает автору создать образ человека, жертвующего собой во имя добра и справедливости.

В романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» фразеологические единицы выносятся писателем в названия глав романа и определяют своим содержанием разные этапы в сюжетном развитии. Так, например, в главе «Черная кошка» автор ведет рассказ о «барской барыне», а оборот *черная кошка пробежала* повторяется им несколько раз, подвергаясь различным трансформациям и тем самым характеризуя соответствующим образом поведение главного персонажа. Удачным представляется и название самого романа, поскольку оборот *ледяной дом* воспринимается читателем как некий символ и включается в один ассоциативный ряд с такими фразеологизмами, как *карточный домик, строить воздушные замки*, которые близки ему по смысловому содержанию – ‘шаткость, ненадежность, призрачность создаваемой жизненной опоры, оплота’.

Следует отметить, что И. И. Лажечников мастерски владеет такими приёмами организации художественной речи, которые позволяют его персонажам всегда находиться в состоянии живого разговора, и сам автор-повествователь принимает в этом личное участие. При этом он не усложняет речь архаичными и уже малоизвестными словами, которые, вроде бы, должны связывать читателя с минувшим временем. Стоит заметить, что для характеристики языка, скажем, петровского времени в распоряжении автора исторического романа всегда были многочисленные письменные и печатные источники, которыми он мог воспользоваться. Намного трудней было правдоподобно воспроизвести речь людей более отдаленного времени, когда роль церковнославянского языка в письменных источниках была еще очень велика и процессы секуляризации не развивались так стремительно. Поэтому даже при попытке стилизации языка, скажем, эпохи XV века, использование архаичной лексики только намечалось, и И. И. Лажечников не затруднял читателя необходимостью угадывать значение устаревшего слова (их, к тому же, было

очень мало). Такой архаичный для того времени лексический элемент автор всегда выделял курсивом. Этот «приём» особенно наглядно представлен в историческом романе «Басурман».

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает изучение *языковой личности повествователя* исторических романов И. И. Лажечникова, за которой зачастую трудно не угадать фигуру самого писателя. В этой части языковой организации текста автор полностью выдерживает те традиции, которые ведут начало от Н. М. Карамзина и которые уже сложились в литературе подобного рода, - «ложно-величавый» стиль представлен здесь в полной мере. Однако декламационно-торжественная манера слога у И. И. Лажечникова перестаёт быть чрезмерно напыщенной и искусственной, поскольку отражает общую идейную направленность художественного образа повествователя. Этот своеобразный тон, передающий возбужденную, колоритную речь повествователя, создается при помощи разнообразных синтаксических приемов, патетических возгласов и т.п., которые требуют от исследователя лингвистической организации романов И. И. Лажечникова дополнительного изучения и могут быть представлены в отдельной работе.

Итак, становление исторического романа в русской литературе мы связываем с началом XIX века и рассматриваем в контексте процесса всеобщей национальной самоидентификации и роста общественного исторического сознания в России. Работа писателей, обратившихся к исторической тематике в это время, шла по двум направлениям. С одной стороны, они активно развивали этико-эстетические идеи зарубежных и отечественных предшественников, с другой, активно включаясь в процесс развития исторической мысли, кардинально переосмысливали уже наработанные приемы и создавали оригинальные творения, формируя при этом новые тенденции развития исторического повествования. Но главным было то, что для исторических романов этого времени языковым базисом служила русская речевая стихия. В этом процессе проявились искренняя любовь и повышенный интерес как к родному русскому языку, так и к истории Отечества. В начале XIX века прослеживается чёткая связь речевого оформления таких произведений с языковой ситуацией этой эпохи, когда рядом с живой разговорной речью в художественном тексте присутствуют и элементы церковнославянского языка, и заимствования, которые способствуют более совершенной организации стилизации речи либо самого повествователя, либо других персонажей исторических романов. Не вызывает сомнения то, что их изучение в лингвистическом аспекте должно быть продолжено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Художественная литература», 1975. – 504 с.
2. Белинский В.Г. Литературные мечтания // Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. М: Художественная литература, 1976-1982. – Т. 1. – С. 47-127.
3. Булаховский, Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. – 2-е изд., пересмотр. и доп. / Л. А. Булаховский. – Киев : Изд-во Киев. гос. ун-та, 1957. – 491 с.
4. Винокур Г.О. О языке исторического романа / Г.О.Винокур // О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – С.407-429.
5. Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка / А. И. Горшков. – М. : Высшая школа, 1984. – 319 с.
6. Куклин В. Исторический роман как жанр литературный и общественно значимый. Сетевая Словесность. Режим доступа: https://www.netslova.ru/kuklin_v/istroman.html

7. Литературный энциклопедический словарь: под общ. ред. В.М.Кожевникова и П.А.Николаева. – М.: «Советская энциклопедия», 1978. – 752 с.
8. Минералов Ю.И. История русской литературы XIX века. 1800-1830 годы / Ю.И.Минералов. – И.: «Высшая школа», 2007. – 367 с.
9. Мкртычян С.В. Речевой жанр в его отношении к лингвостилистике / С.В.Мкртычян // Вестник Тв. ГУ. Серия «Филология», - №2. – 2015. – С.70-75.
10. Петров С. М. Исторический роман // История русского романа: В 2 т. Т.1. – М.;Л.: АН СССР, 1962. – С. 203

P. Y. Andreichuk

GENRE OF A HISTORICAL NOVEL IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY AND ITS LINGUISTIC ORIGINALITY

The issues of the formation of the Russian historical novel as a type of “big” literary genre in the context of problems of the development of the Russian literary language of the new type, which determined the “form of expression organazing” (Vinogradov V.V.) of a multi-genre literature in Russia are discussed in the article. Based on the material of the historical novels of Lazhechnikov I.I., an attempt to establish the originality of the speech organization of these texts, taking into account the linguistic situation, which determined the process of normalization of the Russian literary language and the language of fiction in the early 19th century is made.

Key words: *novel, type (variety) of the novel, genre, genreology, historical novel, language of fictional prose, speech genre, language of historical novel.*

Поступила в редакцию 15.02.2020 г.

УДК 74.268.3

В.Г. Галкина

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М.М. ПРИШВИНА В РАМКАХ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается краеведческий аспект в изучении творчества М.М. Пришвина в рамках элективного курса. Автор говорит о том, что при изучении творчества писателя очень важно обратиться к краеведческому материалу, т.к. краеведение является ценнейшим средством воспитания и образования молодежи. Начальный этап изучения творчества писателя требует от учащихся определенной подготовленности, поэтому учителя и методисты должны искать подходы, создающие условия для более глубокого осмысления старшеклассниками идейно-художественного богатства произведений писателя.

Ключевые слова: *краеведение, методика, элективный курс, изучение, М.М. Пришвин.*

На современном этапе развития образования растет интерес к истории родного края, своим корням. В целях воспитания молодого поколения настоящими патриотами своей страны, очень важно приобщать их к прошлой и современной жизни своей малой Родины, активизировать работу школьников по изучению родного края.

Культурные страницы Липецкого края богаты блестящими литературными именами. К выдающимся личностям земли елецкой относится и М.М. Пришвин, который в своих дневниках и романе «Кашеева цепь» оставил интересные воспоминания, посвященные малой Родине. Сегодня значительно обновилось содержание структуры литературного образования, создаются вариативные программы, учебники, элективные курсы, включающие региональный компонент по литературному краеведению.

В настоящее время многое из прошлого нашей страны подвергается переоценке. Современная эпоха ломает, переворачивает, заставляет по-новому взглянуть, пересмотреть еще недавно казавшиеся нерушимыми взгляды, убеждения. Однако осталось незыблемым уважение к прошлому своей страны, города, где живешь, к своей малой Родине. Учителю необходимо широко использовать неисчерпаемые источники духовности русского народа, обращаться к образам великих предков и через их жизненный пример воспитывать истинных патриотов. Сегодня литературное краеведение становится массовым явлением и трудно назвать область или край, где не велась бы краеведческая работа.

По словам Президента Владимира Путина, для развития патриотизма сегодня необходимо в полной мере использовать опыт просветительской деятельности, который применялся в дореволюционной России и в СССР. В первую очередь, это формирование системы ценностей у молодежи, нравственного фундамента, необходимого для воспитания достойных, любящих свою Родину россиян.

Воспитание патриотов – самая высокая задача любой системы образования, не теряющая значимости на протяжении всей истории человечества. Сегодня именно перед педагогами остро встали проблемы патриотического воспитания, духовно-нравственного становления личности.

Интерес к истории своей страны для человека так же естественен, как любовь к родным и близким, привязанность к семье и дому. Но любая «большая» история складывается из множества «малых» событий и фактов, которые часто неразличимы в общей картине прошлого.

Проблема гуманизации образования предполагает новый подход к урокам литературы, где должна поддерживаться тесная связь с элементами краеведения.

Творчество замечательного русского писателя М.М.Пришвина всегда вызывает интерес, так как в своих произведениях он обращается к вечным ценностям: любви к Родине и природе. Изучение его произведений способствует формированию моральных качеств, эстетического вкуса, развитию эмоциональной сферы школьников. Михаил Пришвин – разносторонний и оригинальный писатель, его вселенная – это тайна природных стихий, родных полей и перелесков, звериного и птичьего мира, всего того, что называется Россией.

Любовь М.М. Пришвина к природе родилась, прежде всего, из его любви к людям, поэтому его творчество имеет большое воспитательное значение, позволяет по-новому взглянуть на жизнь, и взаимоотношения людей. Он утверждает родственное внимание и сочувствие не только как этические основы жизни, но и как величайшие блага, которые дарованы человеку. Обо всем этом писатель рассказывает простым языком, предназначенным своим собеседникам – юным читателям.

При чтении его произведений современный читатель чувствует, как теплеет сердце, как оттаивает душа. Его живое слово помогает, особенно в трудные моменты жизни, осмыслить прошлое, научиться полно жить в настоящем, ценить его, выявлять в окружающем мире его светлые, добрые начала и с надеждой смотреть в будущее. К сожалению, лирическому мировосприятию в нашей современной жизни и литературе остаётся места всё меньше и меньше. И Пришвин нужен нам сегодня не только своими художественными произведениями, но и философскими напутствиями.

Анализ различных программ литературного образования школьников показывает, что нередко за рамками изучения оказываются писатели, чьи произведения обладают богатым духовно-нравственным потенциалом. В частности, имя М.М. Пришвина, одного из выдающихся русских писателей XX века, певца родной природы, как принято считать, большого мастера слова, наконец, глубокого мыслителя, знакомо учащимся только в рамках программы начальной школы.

Современные программы по литературе в среднем звене ограничивают знакомство с писателем изучением сказки-были «Кладовая солнца», а для выпускного класса Федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования предусматривает изучение одного произведения писателя по усмотрению учителя. Поэтому особое значение в изучении творчества писателя имеет краеведческий аспект, который позволяет повлиять на формирование отношения школьников к себе и окружающему миру, расширить представление об исторической летописи родного края. Главным в работе над произведением должно стать внимание к авторской мысли, выраженной не только в слове, но и композиции, в структуре образов и т. п., поэтому актуально рассмотрение в школьном преподавании творчества М.М. Пришвина с привлечением краеведческого материала в качестве метода познания творческого наследия писателя. Данное обстоятельство вынуждает учителей и методистов искать новые подходы к преподаванию литературы.

Благодаря научным исследованиям было выявлено немало интересных и ценных материалов, освещающих отдельные стороны жизни и творчества писателя в философском, религиозном, мифологическом, культурологическом, краеведческом аспектах.

Между тем было бы спорным утверждать, что творческое наследие Пришвина изучено достаточно полно и всесторонне. За рамками научных интересов остались сложные философско-этические проблемы, обращенные, в том числе, к исследованию исторической летописи Ельца и Елецкого региона, столь важные для осмысления пришивинского мирообраза. На сегодняшний день М.М.Пришвин остается самым непрочитанным и неизученным из числа крупных русских писателей XX века. [3, с. 71].

Изучая жизненный и творческий путь писателя в старших классах, необходимо учитывать ранее полученные знания и постепенно вводить их в новый учебный курс. Здесь сложно определить какие-то постоянные приемы, методы и формы работы, т.к. каждый писатель – это неповторимая личность, нуждающаяся в отдельном подходе. Цель литературного образования – формирование заинтересованного читателя художественной литературы, следовательно нужно формировать культуру восприятия художественных текстов, помогать освоить определенный уровень знаний о законах художественного творчества.

В последнее время сокращается количество часов на изучение литературы, поэтому знакомство с личностью писателя сводится к желанию рассказать обо «всем», вследствие чего информационный поток «вымывает» живую личность. Даже в этих условиях нельзя отказываться от традиционных форм изложения материала, но в тоже время нужно находить новые пути к изучению биографии и творчества, которые помогут ввести школьников в неповторимый мир художника слова, понять этот мир с позиций современности, открыть возможности для глубокого постижения авторского замысла, авторской концепции мира и человека в произведениях.

В старших классах при изучении творческих биографий писателей активно используются самостоятельные виды работы: информационные доклады и сообщения, дополняющие лекцию учителя; художественно-биографические рассказы; литературно-критические выступления («слово о писателе» и др.); художественно-игровые ситуации

(«воображаемые встречи», «пресс-конференции» и др.). Большое место в работе над биографией должна занимать характеристика среды, в которой находился писатель, его современников и – еще шире – его эпохи [1, с.87].

Если говорить о М.Пришвине, то необходимо отметить, что он прожил длинную и удивительную жизнь, которая была полна как хорошими, так и сложными, неоднозначными событиями. Жизнь и творчество М.Пришвина необходимо описывать, начиная с самых важных дат в его судьбе. Однако, проанализировав учебно-методические материалы, мы пришли к выводу, что в школьном преподавании не сложилась система анализа жизни и творчества писателя. Это побудило нас попытаться найти подходы к преподаванию, создающие условия для более глубокого осмысления школьниками идейно-художественного богатства произведений и создать собственный элективный курс по изучению творчества М.М.Пришвина.

Элективный курс (курс по выбору) обязателен для старшеклассников. Он играет важную роль в структуре профильного образования старшей ступени школы. Данные курсы связаны с удовлетворением индивидуальных интересов, склонностей и потребностей каждого школьника. Элективные курсы являются важнейшим средством для построения индивидуальных образовательных программ, так как, в наибольшей степени близки к выбору каждым школьником элементов содержания образования в зависимости от своих способностей, интересов, жизненных планов.

Элективный курс по литературе представляет собой один из этапов реализации программы экспериментального исследования. Он включает в себя систему знаний, превышающую базовый уровень, обучающихся [9, с.68]. Необходимо отметить, что, несмотря на некоторую содержательную самостоятельность, данный курс тесно связан с программным материалом. Одной из важнейших и интересных тем для обучающихся является творчество писателя, раскрывающее нравственно-этический облик, нравы, обычаи, основные особенности характера и историю народа или страны в целом, где (постоянно или временно) собственной волей или волей судьбы он имеет пристанище.

Успешное проведение элективного курса по творчеству писателя-земляка, художественно исследовавшего и отобразившего в своих произведениях жизнь края, дает обучающимся возможность конкретно, в художественных образах представить жизнь региона, его историю и культуру. Это способствует воспитанию у обучающихся чувства любви к своему народу, помогает понять нравы, обычаи, историческое прошлое и настоящее народа, среди которого им приходится жить, дает возможность сравнивать разные культуры и находить в них то общее, что связывает и объединяет народы [1, с.119].

Основной задачей предметного курса по литературе является расширение и углубление знаний, являющихся составной частью базисного учебного плана школы. Элективные курсы по предметам, которые не входят в базисный учебный план могут быть посвящены различным темам, углубляющим знания учащихся по предмету. Элективный курс является обязательным образовательным компонентом для всех учащихся общеобразовательных учреждений в отличие от факультативного курса.

Форма представления элективных курсов, в процессе которых изучается жизнь и творчество писателя, многообразна: самостоятельные доклады школьников, урок-лекция, урок-презентация, заочные экскурсии, диспуты и др. Эти формы работы призваны решить такие методические задачи как: приближение учащихся к личности М.М. Пришвина, раскрытие круга исканий, интересов, знакомств, показ мирового значения его творчества. Такой материал необходимо включить в программу элективного курса.

Выбор в качестве тематики элективного курса краеведения для углубленного изучения творчества М.М. Пришвина, связанного с Ельцом и Елецкой землей, обусловлен тем, что обращение к творчеству писателя на уроках литературы может способствовать

решению принципиально важных для современной методики вопросов. Речь идет об обновлении содержания предмета и о разработке современных методов обучения литературе.

Предлагаемый элективный курс направлен на изучение жизни и творчества замечательного писателя-земляка М.М. Пришвина и представляет богатый материал для литературно-краеведческой работы в школах Липецкой области. Подготовленный учителем материал вызовет у обучающихся живой интерес, во-первых, потому, что он им малознаком. Во-вторых, он иллюстрирует забытые страницы истории родного края, привлекает своим содержанием и стилем изложения этого содержания. В-третьих, в нем раскрываются основы русской провинциальной жизни.

Разработанная программа элективного курса предназначена для учащихся 11 классов (гуманитарный профиль). Программа предусматривает знакомство с биографией М.М.Пришвина, его пребыванием в Ельце и округе, с елецкими реалиями в романе «Кашеева цепь». В программу элективного курса включены темы «Литературное краеведение как особая учебная и научная дисциплина», «Хрущево – родина писателя», «Детские годы М.М. Пришвина. Начало формирования мировоззрения писателя», «Гимназический период жизни М. Пришвина», «Елецкая гимназия на страницах автобиографического романа "Кашеева цепь"», «М.М.Пришвин и В.В. Розанов: истоки дружбы и вражды Пришвина-гимназиста и Розанова-учителя», «Елецкие реалии в романе "Кашеева цепь"», «Пришвин и Елецкое краеведение», «Жизнь писателя в Ельце и уезде после революции и во время Гражданской войны».

Новизна курса состоит в его содержании, так как в базовой программе по литературе не рассматривается данная тема.

Предлагаемый курс имеет прикладной характер, так как направлен не столько на формирование знаний, а в большей степени на формирование умений и навыков: сопоставлять явления и факты, составлять из частного общую картину, рассматривать текст с точки зрения присутствия в нем явной и скрытой, главной и второстепенной информации; уметь принимать во внимание историко-культурный контекст творчества писателя в ходе исследования художественного произведения; навыков познавательной, учебно-исследовательской и проектной деятельности. Основная цель учебного курса – развитие умений и навыков анализировать и интерпретировать литературное произведение, сопоставлять явления реальной действительности с их изображением в художественном произведении, формировать эстетический вкус и нравственно-оценочные установки на основе системы знаний по теории литературы.

Литературно-краеведческая работа с обучающимися на занятиях данного элективного курса является иллюстрацией сочетания культурологического и метапредметного подходов, дающих возможность в процессе занятий раскрыть как важнейшие моменты историко-литературного процесса, так и истории изучаемого края. Освоение конкретного литературно-краеведческого материала предполагает личностное толкование обучающимися художественного произведения, что позволит активизировать исследовательскую деятельность обучающихся, интерес к чтению [9, с.136].

Таким образом, изучение жизни и творчества М.Пришвина в краеведческом аспекте в рамках элективного курса является необходимым условием постижения его художественного мира. У школьников формируется умение рассматривать мировоззрение и творчество писателя в их взаимосвязи; они осознают принципы отбора жизненного материала и его эстетического осмысления в произведениях автора. Использование таких методических приёмов, как высказывания автора о своём творчестве, стилиевой анализ фрагментов текста настраивают учащихся на глубокое восприятие произведений писателя.

Рассмотрев историю изучения творчества М.М. Пришвина в школе и проанализировав современные программы литературного образования, можно утверждать, что изучение творчества писателя в средней общеобразовательной школе должно быть систематизировано и на каждом этапе иметь свою специфику, обусловленную возрастными и психологическими особенностями школьников, их интересом к предложенным произведениям с тем, чтобы знакомство учащихся с творчеством писателя носило не эпизодический характер, а являлось подготовкой к изучению монографической темы в старших классах.

Изучение творчества М.М. Пришвина в определенной системе способствует более глубокому постижению учащимися личности художника слова, эстетических взглядов писателя, нашедших отражение в его произведениях. Пришвин – явление глубоко национальное, русское чудо, появившееся в России в один из сложнейших моментов ее истории и культуры.

Важность подготовленности учащихся также определяет необходимость этапа, в ходе которого школьники настраиваются на восприятие произведений писателя.

Изучение творчества Пришвина в средней общеобразовательной школе должно носить научно обоснованный характер. В рамках элективного курса в старших классах учителю-словеснику совместно с учащимися представляется прекрасная возможность исследования произведений писателя, отражающих историческую летопись Ельца и Елецкого края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзерман, Л.С. Литература в старших классах: уроки и проблемы / Л.С. Айзерман. – М.: Просвещение, 2002.
2. Варламов, А.Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М.М.Пришвина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Варламов. – М., 2003.
3. Галкина, В.Г. Краеведческий аспект в изучении творчества М.М. Пришвина в школе (на примере дневников писателя) / В.Г. Галкина, А.А. Дякина / 80-летие Елецкой филологии: материалы Международной научной конференции. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019.
4. Исаченко, В.Г. Краеведение / В.Г. Исаченко. – М.: НОИР, 2019. - 974 с.
5. Киселев, А.Л. Пришвин и русская литература. Нравственно-этические и эстетические аспекты в развитии русской литературы / А.Л. Киселев. – Куйбышев, 1983. – 79 с.
6. Кравченко, М. В. Работаем с именами / М.В. Кравченко // Современная библиотека. – 2016 - № 4 – С. 84-87.
7. Краеведение в школе: История и литература. Методические рекомендации для учителей г. Москвы. – М., 1988. – 204 с.
8. Методические советы к учебнику для 11 класса. Литература. Примерное тематическое и поурочное планирование: пособие для учителя; под ред. Ю. И. Лысого. – М.: Мнемозина, 2011.
9. Перевозчикова, Н.Г. Использование материалов дитературного краеведения на занятиях по русской литературе в средних профессиональных организациях: дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Перевозчикова. – М., 2018.
10. Проблемы современного филологического образования / Под ред. В.А. Кохановой. – Ярославль, 2004.
11. Шишкова, Н. А. Литературное краеведение как основа воспитания патриотизма / Н.А. Шишкова // Библиотечное дело. – 2015. – № 9. – С. 19-21.

12. Яковлева, Т. Краеведение как средство формирования социокультурной компетенции / Т. Яковлева, О. Еременко, В. Демичева. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 108 с. Колгина, М. В. Литературная карта: география творчества / М. В. Колгина // Современная библиотека. – 2016. – № 3. – С. 65.

V. G. Galkina

LOCAL HISTORY STUDY OF THE LIFE AND WORK OF M. M. PRISHVIN AS PART OF AN ELECTIVE COURSE IN LITERATURE

The article reviewed the regional aspect in the learning of M. M. Prishvin's creative work. The author says that when studying the writer's work, it is very important to turn to local history material, because local history is the most valuable means of upbringing and education of youth. The initial stage of studying the writer's work requires students to be prepared, so teachers and methodologists should look for approaches that create the conditions for a deeper understanding by students of the ideological and artistic richness of the writer's works.

Key words: *regional study, methods of teaching, elective course, learning, M. M. Prishvin, diaries, Yelets district.*

Поступила в редакцию 17.02.2020 г.

УДК 82.091

Д. Н. Гатауллина

ГОУ ВПО Донецкий национальный университет

ГОВОРЕНИЕ И МОЛЧАНИЕ КАК АСПЕКТЫ «ДВОЙНОГО БЫТИЯ» В СТИХОТВОРЕНИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА «SILENTIUM!»

В статье рассматривается, каким образом в стихотворении «Silentium!» раскрывается идея существования поэтического произведения в ситуации между молчанием и звучащей речью. В ходе исследования выявляется, что мысль в «Silentium!» развивается в противостоянии двух разных языков, бытия и небытия, произнесённого и невыразимого. В результате работы мы приходим к выводу, что эти противоречия не разделяют полностью жизнь мира и отдельно взятой души, а способствуют их сближению.

Ключевые слова: *молчание, речь, источник, бытие, небытие.*

Двойственность обозначается в стихотворении «Silentium!» уже на уровне названия, которое переводится с латинского языка двумя способами: как «молчание, держание в тайне» и «тишина, покой» [21, с. 5]. Тютчев стремится объединить обращение к внутренней жизни человека («есть целый мир в душе твоей») и к миру внешнему, который не отнесётся к проявлению этого душевного микрокосмоса в своём пространстве с пониманием: Их оглушит наружный шум,/ Дневные разгонят лучи... [19, с. 19].

И. А. Едошина сразу отмечает взаимосвязь двух стихотворений Тютчева, написанных с разных сторон листа и с обращением к римской культуре в обоих текстах: «Silentium!» и «Цицерона» [8, с. 14]. При этом глагол *sileo* («молчать»), от которого происходит существительное *silentium*, обозначает состояние мистической погружённости в созерцание, сокрытия тайного знания, к чему призывали ещё пифагорейцы. Отсюда же происходит прилагательное *silentes* – «молчаливые», что равны «умершим». В «Silentium!» даже сохраняется ораторский приём Цицерона – обилие глаголов (уже в первой строке: «молчи, скрывайся и тай»), но вся их повелительность направлена на

желание оградить внутренний мир, в который можно уйти от внешних обстоятельств, вплоть до полного растворения в «себе самом» [8, с. 15-16]. Оба стихотворения убеждают, что возможность лицедреть «высокие зрелища» открывается только в отрешённости от земного, от суеты. В «Цицероне» это выражено в противопоставлении спокойствия пирующих «всехблагих» богов и «бурь гражданских», в «Silentium!» – мир «души твоей» и «наружного шума». Лирический герой – «голос» в обоих случаях находится между двумя мирами – сна и яви, созерцания и вовлечения в жизнь вокруг, разлада и гармонии с миром, но внутренний голос призывает его выбрать путь отстранения, роль «зрителя» [18, с. 82]. Хотя этот зритель не полностью отчуждён от происходящего за пределами его души.

Тайна душевной жизни субъекта в «Silentium!» сохраняется и запрет на высказывание, по сути, не нарушается, так как название и текст стихотворения относятся к различным «кодирующим системам»: латинскому языку, чужому, притом – мёртвому, неподвижному языку «небытия»; и русскому наречию – живому, способному меняться, который являет собой «бытие» [11, с. 19]. Две эти противопоставленные системы объединяются и могут быть расшифрованы третьим компонентом – лирическим «я», инобытием и ключевым компонентом стихотворения. О том же соотношении говорит К. А. Богданов: «Граница между жизнью и смертью связывается с границей между словом и молчанием, но и смерть, и молчание – знаки лишь иной реальности, указывающие на сферу не повседневного, сферу "иного"» [3, с. 202]. Он также отмечает, что «иностранный» немцы – например, непонимание немцев в России или варваров в Риме – это более слабое воплощение потусторонности. И как иностранцы оказываются причастны к другому миру, так и молчание представляет собой явление иного порядка – неповседневность и трансцендентную часть бытия, без противостояния самой жизни [3, с. 203]. Тютчев, много лет проживавший в Германии, в стихии «чужого», несмотря на понятность, языка всё равно мог ощущать себя посторонним среди его носителей.

Дальнейшее разветвление в «Silentium!» снова касается противостояния двух языков: в его начальных строках присутствует диалогичное и подвижное единство, при этом живой язык сохраняет и усиливает устремлённость к названию стихотворения, к латинскому языку, к смерти как неизбежному результату человеческого бытия. Потому в результате этого развития в противоречии, как законченное произведение, стихотворение предстаёт в неподвижности бытия, но его разнонаправленность порождает необходимое единство, принимает смерть одного явления частью непрерывного потока общей жизни [11, с. 19].

Голос автора, отмечает Б. П. Маслов, представляет в «Silentium!» подвижное и в то же время созидательное начало, а смерть ассоциируется с потерей способности говорить [12, с. 432]. Молчание вновь предстаёт свидетельством перехода в иное, неизвестное человеку состояние. Человек приходит в мир вместе со своим голосом, а уходит в молчании: «кто родится – кричит; кто умирает – молчит», то есть, посредством слуха и голоса, личность обозначает своё присутствие в мире, а мир так же входит в человека [3, с. 205]. Отсюда и потребность непременно «сердцу высказать себя» [19, с. 19].

Тема молчания в своём источнике уходит к самым сокровенным тайнам бытия, включая тайну божественного. Она перекликается и с молчанием Христа в одном из эпизодов романа «Бесы» Ф. М. Достоевского, когда в отсутствии звучащей речи всё окружающее благословляется жестом, понятным без слов и более красноречивым, чем любые слова [16, с. 171]. «Silentium!» содержит в себе выражение стоицизма, мужественной позиции лирического героя при утрате надёжных связей с миром: Лишь жить в себе самом умей –/ Есть целый мир в душе твоей... [19, с. 19]. Здесь выступает и мотив подражания Христу, тайной свободы личности вдали ото всех, в тишине и покое при активной созерцательной позиции, когда у созерцателя возникают видения, непостижные для человеческого рассудка. Безмолвие – это и трагедия человека и

искушение для поэта [16, с. 171-172]. Как пишет, Дж. Стайнер на крайнем пределе, говорить и утверждать что-либо, пользуясь уникальной привилегией человека среди безмолвия всего остального мира природы – опасно, особенно при той точности слова, которое есть у поэта и знании о существовании совершенного слова-Логоса. «Таким образом, даже для писателя, возможно, для него самого больше, чем для других, молчание – искушение, убежище, когда рядом – Аполлон» [15, с. 23]. Говорение и поэтическое творчество – всегда вызов высшей гармонии, существование за гранью обыденной речи и в приближении к предельным возможностям человеческого языка вообще, где язык граничит с тремя другими способами высказывания, обозначенными Дж. Стайнером – светом, музыкой и безмолвием [15, с. 24].

Сам ритм «Silentium!» подчиняется стихии чувств, соединяя в себе активную деятельность душевных сил (выраженной словами «любуйся», «питайся», «внимай»), но описанные движения замкнуты во внутреннем пространстве личности, противостоят единственному внешнему проявлению – молчанию: Молчи, скрывайся и таи/ И чувства, и мечты твои [19, с. 19]. Этот призыв к безмолвию повторяется трижды, причём с нарастанием эмоционального напряжения [1, с. 19]. Тематика молчания в литературе является продолжением постоянного противопоставления языка чувств и языка мыслей, который больше поддаётся выражению в словах, что подтверждает как ритмическое, так и смысловое, и композиционное построение в «Silentium!» [7, с. 92].

В «Silentium!» стих предстаёт отрывистым, продвигается толчками, что призвано изобразить хаос и тем самым отрицать речь через отсутствие связности и последовательности. Здесь идея «надсловесной поэзии», концентрируется как в образной форме, так и на уровне композиции. А. И. Журавлёва называет основным посылом «Silentium!» освобождение живого чувства в каждой строке от необходимости оформлять его согласно законам системы, представлениям о «правильном» ритме и технике письма [6, с. 189]. Хаотичность как бы подчёркивает отдаление от гармонии изначального бытия, однако выход поэтического слова за границы нормативности, его устремление к пределам своих возможностей, также свидетельствует о намерении поэта и далее говорить о личном переживании, несмотря на невыразимость.

В «Silentium!» воссоздаётся свой отдельный мир, в нём есть «чувства и мечты», «таинственно-волшебные думы», пространство с характеристиками «глубины» и «высоты», где находится источник истинной жизни – «ключи» [21, с. 5]. Жизнь личности, таким образом, оказывается разделена между двумя сторонами бытия – внутренней, «ночной», как у авторов романтизма, которой сопутствуют молчание и сохранение тайны; и внешней, «дневной» – ей соответствуют «наружный шум» и «лучи», что способны лишить эту душевную жизнь защищающего её покрова таинственности. Но познание внешнего мира не несёт в себе, согласно тексту стихотворения, такой важности, как умение жить в «себе самом», и для ухода к источнику, к «ключам» необходим по-настоящему смелый поступок: признание своей уникальности и, вследствие этого, обречённости на непонимание «другим» и одиночество. «Личность человеческая не осуществляет себя сполна и обречена на внутреннюю жизнь, которая никогда не станет внешней», – заключает по этому поводу Н. Я. Берковский [11, с. 11].

И потому как человек не может найти слов, которые бы адекватно выразили эту напряжённую духовную жизнь, она проходит при внешнем безмолвии. Здесь идеи Тютчева перекликаются с воззрениями Гёльдерлина о том, что молчание, если оно свидетельствует о незнании священных имён, получает своё искупление в возвращении "домой", где субъективность отменяется непосредственной причастностью к именам, возвращением к первоначалу [3, с. 75]. Молчащий человек максимально приближен к истине, и в состоянии наблюдать за самим собой, так как его душевное пространство не замутнено. Звучащая речь лишает личность такой возможности – она больше не услышит

своего внутреннего голоса и отчуждается от «ключей», не сумеет и далее «питаться ими» [20]. Это отрицательное явление в крайней форме приводит к небытию: *Есть целый мир в душе твоей/ Таинственно-волшебных дум,/ Их оглушит наружный шум,/ Дневные разгонят лучи* [19, с. 19].

К. Д. Бальмонт считал «Silentium!» стихотворением не столько о жизни отдельно взятой души, сколько самом акте творчества, причём основанном на позициях идеализма и агностицизма [13, с. 148]. Вяч. Иванов, в свою очередь, отмечает, что слово больше не становится равносильным сути душевного опыта поэта, а значит, не вызывает у пишущего прежнего доверия и ощущения внутренней гармонии в высказанной мысли. Отсюда происходит противоречие в душе современного человека: существует острая потребность высказаться, но она всегда оказывается не до конца удовлетворённой [9, с. 180]. Невозможность нарушить тайну внутренней жизни приводит к двойственности: «В сознании и творчестве одинаково поэт переживает некий дуализм – раздвоение, или, скорее, удвоение своего духовного лица» [9, с. 181]. Поэт остаётся, некоторым образом, причастен общей жизни, но настоящая его жизнь протекает внутри себя, среди совершенного «пения дум». В. Я. Брюсов идёт от обратного, утверждая, что в «Silentium!» невозможность сполна «выразить себя» – это следствие непостижимости внешнего мира, того Космоса, которому уподоблен духовный мир человека [13, с. 153].

Однако в «Silentium!» мир не предстаёт враждебным местом, с которым лирический герой вступал бы в открытый конфликт и споры [13, с. 153]. Подобный мир для человека и его сокровенных чувств и мыслей чужд, это «наружный шум» в отношении «таинственно-волшебных дум». Поэт призывает слушателя или собственное «я» жить в «себе самом», где только и может происходить настоящая жизнь. Человеку нужно направить себя не во внешнюю многоголосицу и борьбу, а ко внутреннему источнику, где находятся «ключи» к истине. Как писал А. Б. Дерман, «мысль искажается при своем рождении при превращении в слово», нужный смысл уходит при попытке передать свою мысль «другому» [5, с. 197]. Безмолвие как сущность всего бытия и души человека в частности, нарушается из-за присутствия «другого» и взаимодействия с ним, причём этот «другой» не просто собеседник или слушатель, а всё, что лежит вне человеческой души [4, с. 192]. Поэт обозначает всех возможных слушателей и мир вокруг одним словосочетанием – «наружный шум».

Это же рассуждение продолжает А. Белый: «Живая речь есть всегда музыка невыразимого; "мысль изреченная есть ложь"» [2, с. 429]. Но существует и частичный выход из положения невозможности высказывания: «В слове-символе соединяется "бессловесный" внутренний мир человека с "бессмысленным" внешним миром» [2, с. 429]. Другими словами, суть и форма приходят из двух разных источников, а поэтическое слово становится для них общим «проводником», стихотворение объединяет в себе звучащее слово и то, что не может быть высказано и остаётся в молчании. Тем не менее, Р. Ингарден называл художественное произведение «бытием, выставленным на обозрение» [10, с. 79]. И в стихотворении Тютчева, при всём его утверждении безмолвия и непостижимости жизни души, скрытые «чувства и мечты твои» приобретают некоторые конкретные черты, хотя бы через сравнение со знакомым и видимым явлением – звёздами [14, с. 54]. Там, где повседневный язык совершенно бессилён в описаниях, поэтическая речь пытается найти способ передать смысл посредством не очевидных для обычного взгляда параллелей.

Возможно также, что дело не в самом акте говорения, а в том, что он создаётся и существует для собеседника, некоего «другого» – и это лишает лирического героя возможности сказать «не ложь». Во внешнем мире «мысль изреченную» обращает в ложь интерпретация слушателя, а внутри – само сознание присутствия собеседника и необходимости ориентироваться на его восприятие подрывает цельность слова.

Говорящий ждёт интерпретации слушателя, но опасается быть превратно понятым: Другому как понять тебя? / Поймёт ли он чем ты живёшь? [19, с. 19]. Так формируется невозможное пространство, в котором вынужден пребывать человек – между «внешней ложью и внутренней фальшью» [20].

Исследователи видят тут различные мотивы, которыми мог бы руководствоваться поэт, призывая к молчанию. В. Н. Сузи утверждает мощную религиозную составляющую «Silentium!»: «Молчание исполнено Духа, Слово зачато Отцом в Духе. Оно дано нам для возделывания мира-сада» [17, с. 30]. Молчание в этом истолковании – путь к спасению, от прикосновения к «ключам» и отказа от лжи, тогда вокруг спасутся и другие. Г. Хасин говорит о «доведённом до логического предела мифом о Нарциссе», когда личность полностью погружается в себя и влюбляется в себя, чтобы полностью забыть о «другом», слушая только собственный голос и питаясь от внутренних источников [20]. Л. А. Ходанен также рассуждает о сохранении в немоте, как особой форме, содержания душевной жизни личности, что не является отсутствием, собственно, речи. Молчание выступает не разделяющим, а, наоборот, единственным связующим звеном между внешним и внутренним миром, когда нужно сохранить сокровенные тайны, рождённые в душе, и оттого в стихотворении актуализируются оба значения слова «silentium»: «молчание, держание в тайне» (внешний мир) и «тишина, покой» (внутренняя жизнь человека), хотя это единство не означает полного растворения [21, с. 9].

Таким образом, мы видим, что в стихотворении «Silentium!» и само название, и текст стихотворения отмечены присутствием «двойного бытия»: латинского и русского языков, звучания и молчания, истины и лжи, жизни и смерти, внутреннего и внешнего мира, обыденного и поэтического слова. Однако эти противоречия не приводят к полному отрицанию возможности говорения – при том, что безмолвие помогает сохранить тайну внутреннего мира человека, оно способствует также освобождению личности от обязательного присутствия в потоке обыденной речи. Приобщаясь к поэтическому слову, в котором мысль не отделена от эмоционального начала, высказывание всегда сопровождается не озвученным, но подразумеваемым новым смыслом, а нетипичное сочетание слов помогает обнаружить неявные связи мира, личность не нарушает запрета на разглашение тайны и может говорить, не опасаясь интерпретаций собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аношкина, В. Н. Мировоззрение и слово поэта : современные проблемы изучения поэтического наследия Тютчева / В. Н. Аношкина // Литературоведческий журнал. – 2004. – С. 3-25
2. Белый, А. Магия слов. Символизм / А. Белый. – М. : Мусагет, 1910. – 633 с.
3. Богданов, К. А. Текст. Кино. Музыка. Глухонемота // Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens / Богданов Константин Анатольевич. – СПб. : РХГИ, 1998. – 350 с.
4. Воробец, Т. А. Трансформации звучащего слова в поэтическом космосе Тютчева / Т. А. Воробец // Омский научный вестник. – № 2 (35). – 2006. – С. 192-195.
5. Дерман, А. Б. русское богатство / А. Б. Дерман // Заветы. – № 9. – 1912. – С. 193-198.
6. Журавлёва, А. И. Стихотворение Тютчева «Silentium!» (К проблеме «Тютчев и Пушкин») / А. И. Журавлева // Замысел, труд, воплощение – М. : МГУ, 1977. – С. 179-189.
7. Дроздова, С. А. "Молчание" как полиаспектная знаковая категория культуры / С. А. Дроздова // Вопросы русской литературы. – 2017. – № 1-2. – С. 88-97.
8. Едошина, И. А. Культурфилософия поэтического текста (на примере двух стихотворений Ф. И. Тютчева / И. А. Едошина // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 12. – С. 13-18.

9. Иванов, В. И. Родное и вселенское / В. И. Иванов ; сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева. – М. : Республика, 1994. – 428 с.
10. Ингарден, Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден ; пер. с польского А. Ермилова и Б. Фёдорова. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 572 с.
11. Калашников, С. Б. Лирическая модель Тютчева / С. Б. Калашников // Вестник ВолГУ. – Серия 8. – Вып. 3. – 2003-2004. – С. 16-22.
12. Маслов, Б. П. Порождение стихотворного текста и проблема огласовки (на материале поэзии Ф. Тютчева) / Б. П. Маслов // Russian Literature. – 2003. – Т. 53. – С. 411-449.
13. Королёва, Н. В. Ф. Тютчев «Silentium!» // Поэтический строй русской лирики / Королёва Нина Валериановна. – Л. : Наука, 1973. – С. 147-159.
14. Подковырин, Ю. В. О диалогической природе смысла литературного произведения / Ю. В. Подковырин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – № 12 (66). – в 4-х ч. – Ч. 3. – 2016. – С. 52-56.
15. Steiner, G. Language and Silence: Essays on Language, Literature and the Inhuman. / G. Steiner. – New York : Open Road Integrated Media, 2013. – 230 p.
16. Сузи, В. Н. Мотив безмолвия у Тютчева и Достоевского / В. Н. Сузи // – Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – № 2. – 2009. – С. 171-176.
17. Сузи, В. Н. Поэтика контекста и метатекста у Тютчева и Достоевского / В. Н. Сузи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – № 4. – 2008. – С. 27-34.
18. Толстогузов, П. Н. Риторика в лирике Тютчева: «Как сердцу высказать себя?» / П. Н. Толстогузов // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. – № 2(15). – 2014. – С. 80-92.
19. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев ; вступ. ст. Н. Я. Берковского; сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. — Л. : Сов. писатель, 1987. – 448 с. : ил. – (Б-ка поэта. Большая серия).
20. Хасин, Г. Silentium! : Голос и Бытие [Электронный ресурс] / Г. Хасин // Философско-литературный журнал «Логос». – 2002. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2001/2001_02.htm
21. Ходанен, Л. А. «Мысль изреченная есть ложь...» : мотив молчания и безмолвия в стихотворении Ф. И. Тютчева «Silentium!» / Л. А. Ходанен // Русская словесность. – 2004. – № 2. – С. 5-11.

D. N. Gataullina

**SPEAKING AND SILENCE AS ASPECTS OF «DOUBLE BEING» IN
F. I. TYUTCHEV'S POEM «SILENTIUM!»**

The article discusses how the poem "Silentium!" the idea of the existence of a poetic work in a situation between silence and sounding speech is revealed. The study reveals that the thought in "Silentium!" it develops in the confrontation of two different languages, being and non-being, spoken and unspeakable. As a result of our work, we come to the conclusion that these contradictions do not completely separate the life of the world and the individual soul, but contribute to their convergence.

Keywords: *silence, speech, source, being, non-being.*

Поступила в редакцию 11.02.2020 г.

**У ИСТОКОВ РУССКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПЕРЕВОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО «ЕЗДА В
ОСТРОВ ЛЮБВИ»)**

Статья посвящена проблеме формирования жанра романа в русской литературе XVIII века. На основе переводного романа В.К. Тредиаковского были рассмотрены особенности романного жанра той эпохи. Особое внимание было уделено роли романа Тредиаковского «Езда в остров любви» в развитии русской прозы XVIII в. Актуальность темы обусловлена мало изученностью формирования русского романа в литературе.

Ключевые слова: роман, перевод, проза, жанр, самосознание.

Русская проза XVIII столетия прошла такой же путь, как и западноевропейская. Сначала переводы, затем «переделки» и всевозможные «перелицовки», а только потом – оригинальные произведения. Известно, что в литературе XVIII в. автор и переводчик участвовали в литературном процессе «на равных» правах. Литературовед Левин пишет: «Переводчик нередко считался равноправным участником литературного процесса, и в сознании эпохи перевод и собственное литературное творчество были нерасторжимы».[2,11] Переводной деятельностью занимались выходцы из самых разных слоев населения – начиная от бывших крепостных и заканчивая сиятельными дворянами, такой труд литературной деятельности подходил представителям любых сословий. Чаще всего переводы служили даже не первой пробой пера, а несли за собой некое творческое упражнение, а так же данью зарождавшейся традиции, элементом культурного быта и культурного досуга.

Если посмотреть на эту деятельность с другой стороны, никому не известные русские книжники, литераторы, переводя и переделывая иноземные романы и повести, пытались в силу своих возможностей «вписать» эти произведения в существующую систему русской литературы, еще не имевшую к тому времени своего романа и узнавшую сам термин только в 1730г. благодаря кантемировскому переводу книги Фонтенеля «Разговор о множестве миров». Как нам известно, статус жанровых определений «роман» и «повесть» обретут в России еще позже: лишь к концу XVIII столетия. Однако, авторы, переводя иноземные произведения этих жанров, стремились соотнести их с уже известными и существовавшими в русской литературе жанровыми формами, называя переведенные европейские произведения чаще всего «гисториями». Тем самым, они включают их в один жанровый ряд с русской повестью-гисторией первой половины XVIIIв. В результате этого сама ситуация попадания иноземных произведений в русскую литературу предопределила этот процесс ассимиляции «чужого» романа и повестей, а также пути взаимодействия и взаимовлияния европейской и отечественной литературной продукции.

В данной работе анализируется первый переводной роман в истории русской литературы XVIIIв. – это произведение «Езда в остров любви». Рассматриваются, его особенности и своеобразие, подчеркивается новаторство и характер этого произведения.

Л. Гинзбург писала: «...каждое новое литературное направление ищет еще неизвестную литературную реальность и на основе этих поисков формирует иную концепцию мироустройства»[1, с.47] Первым и одним из самых важных нововведений (которое появилось благодаря данному переводу) является новая реальность и личность, которая осознает автономность своего существования. Постепенно разрушалась прежняя,

преимущественно теоцентристская модель миросуществования, а симптомом служила легимитизация маргинальной темы любви, которая прежде бытовала чаще всего в любовных песнях. Как результат наиболее симптоматичным и стал роман Тредиаковского «Езда в остров любви».

Роман Тредиаковского был издан в 1730 году Российской Академией, который являлся переводом галантно-аллегорического романа Поля Тальмана «Езда в остров любви» (написан в 1663 г.). Он был первой печатной светской литературой, сообщающей дворянским читателям тонкую любовную культуру, разработанную во французской беллетристике. Именно благодаря ей, книге, которая пришлась весьма ко вкусу «придворным», Тредиаковский в качестве модного автора был представлен императрице. Однако, не все разделяли восторгов в дворянском обществе. Реакционное духовенство восприняло публикацию романа как дерзкий вызов официальной литературе, а Тредиаковский был назван «развратителем русской молодежи». Но несмотря на такое отношение он был принят на службу в Академию наук переводчиком со званием секретаря Академии. В данной работе он применяет свои преобразования литературного языка, что и помогает ему устояться и закрепиться как автору — иноватору.

Мы можем смело заявлять, что данный перевод предстает как совершенно новое направление в русской литературе — направления, которого ждал читатель и в соответствии с которым он был готов перестраивать свое поведение, а позже, к концу века, и жизнь. Это произведение было выбрано им не случайно, а после долгих размышлений («думал я долго что какую бы то книжку Французскую начать переводить»). Среди того, что было распространено в первой четверти XVIII в. в читательском кругу, трудно было бы найти более подходящую книгу для перевода произведение. Так как «Езда в остров любви» не просто выходила многими изданиями но, так же будучи переведенной на русский язык, могла рассчитывать, на столь большой, скорее всего сенсационный успех, как любовно-аллегорический, стихотворно-прозаический роман.

Благодаря историческим изменениям в жизни народа и государства XVIIIв. Определился вектор поиска новой национальной идентичности. Пробуждается интерес к личности и проявляется становление новых форм быта. Новое ощущение самоценности личности спровоцировало в начале XVIII века обращение к лирическим жанрам, а прежде всего к интимной лирике. Однако, любовная лирика данного времени, по мнению Л. Тимофеева, «еще только, так сказать, отслаивалась от быта, представляя собой лишь выражение любовного чувства» [5, с. 12]. Автор статьи Л. Тимофеев отмечал, что: «...Тредиаковскому выпало на долю первым, хотя еще в смутной, а иногда и косноязычной форме, уловить и выразить то новое, что должно было определить пути литературного развития»[5, с.18].

В своем обращении к читателям Тредиаковский признается, что: «...будучи в Париже, я оную прочел с великим удовольствием моего сердца, усладившись весьма как разумным ее вымыслом, стилем кротким, так и виршами очень сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в то же самое время горячее возымел желание перевести оную на наш язык».

В соответствии с подлинным текстом «Езда в остров любви» произведение было написано прозой, которая «перемежалась» со стихами, и представляла собой манерно-изысканное изображение, в форме 2х писем — рассказа другу, различных перипетий, любовных ухаживаний героя за пленившей его красавицей.

В произведении используются две формы — путешествие и письмо. Вспомним, что к концу XVIIIст. появляется произведение Карамзина «Письма русского путешественника», где эти предшествующие формы реализуются.

Роман Тредиаковского «Езда в остров любви» достаточно сложен. Он строится на

пересечении утопии, возвращающей человека к «нулевой точке» бытия, еще не отягощенного грузом ошибок, и «путешествия», в литературе часто обретающего функции «путешествия к себе».

Интересным является и сам язык произведения. Русская литература не выработала еще к этому времени достаточно выразительных средств речи для изображения любовных чувств. Военный, политический и канцелярский язык петровского времени быстро обогатился варваризмами, пришедшими вместе с новыми понятиями. Отношения же людей, о которых хотели рассказать авторы повестей, в быту еще только складывались. Авторы повестей первых десятилетий XVIII века оказались в очень сложном положении: они должны были найти языковые средства для отображения новых понятий, которых не знала предшествующая литература. Например, известно к каким словообразованиям должен был прибегнуть Тредиаковский, когда в 1730 году он предпринял перевод на русский язык французский любовный роман «Езда в остров любви». В его переводе много искусственных слов, таких, как «любовность», «любление», «глазлюбность» и многие другие.

В произведении «Езда в остров любви» герой и героиня носят пасторальные имена — Тирсис и Аминта. Автор проводит Тирсиса через всю гамму чувств влюбленного — беспокойство, надежду, отчаянье, смущение, ревность и т. д. и через все фразы любовного флирта - «алые прислуги» (т. е. ухаживания), «любовные письма», «сладкие разговоры», «тайные роскоши» и т. п. . После настойчивых усилий, домогательств, многократных неудач Тирсис, наконец, добивается от Аминты «последней милости», однако счастье оказывается крайне непрочным: через некоторое время он застаёт свою возлюбленную в объятиях другого. Герой пребывает в глубоком отчаянии. Особенно, огорчает его, то что другой так легко добился благосклонности Аминты, «победил в самое краткое время все то, что сам он насилу мог достать через великие и долгие труды». Но автор уже вскоре подсказывает своему герою легкий способ утешиться. Тирсис снова влюбляется, на этот раз одновременно в двух красавиц — Сильвию и Ирису. Он несколько смущен этим, однако повстречавшаяся ему некая пригожая жена по имени «Глазлюбность» (так Тредиаковский передает слово «кокетство»), открывает ему секрет, в результате которого он всегда будет счастливым в любви. Для этого надо, не привязываться слишком к одной, любить нескольких сразу:

«Кто залюбит больше, тот счастлив есть надольше».[6,103]

Подобного рода философия любви не могла не прийтись по вкусу местным петербургским Медорам и Сильвиям (тут можно вспомнить называющихся этими именами персонажей сатир Кантемира), и неудивительно, что перевод Тредиаковского имел такой успех именно при дворе. В месте где именно такие отношения и процветали между этим сословием. Весьма способным к усвоению этой философии оказывается и поумневший герой романа Тирсис. «Глазлюбность» дала ему в проводники одного из своих детей - «Купидона — глазуна».

В данном произведении, как уже ранее было сказано, Тредиаковский включает несколько жанровых форм. Утопические мотивы позволяют выстроить автору в своих основных целостную картину мира, а жанр путешествия открывает тему личностного становления героя. Как раз последнее подчеркивается формой повествования: роман написан в форме двух писем главного героя Тирсиса к другу Лициде, повествующих о истории любви и разочаровании главного героя; характер его рефлексивных интимных переживаний подчеркивается стихотворными вставками.

Мотив путешествия по острову Любви оборачивается для героя мотивом испытания личности. В своем первом письме герой рассказывает о своей встрече с Аминтой, о муках неразделенной любви, о признании и о гармонической искренности в

отношениях. О том что переживают герои на протяжении их истории любви о мигах наслаждения, ссорах, ревности и, наконец, об утрате любви.

В произведении «Езда в остров любви» герой и героиня носят пасторальные имена — Тирсис и Аминта. Автор проводит Тирсиса через всю гамму чувств влюбленного — беспокойство, надежду, отчаянье, смущение, ревность и т. д. и через все фразы любовного флирта - «алые прислуги» (т. е. ухаживания), «любовные письма», «сладкие разговоры», «тайные роскоши» и т. п. . После настойчивых усилий, домогательств, многократных неудач Тирсис, наконец, добивается от Аминты «последней милости», однако счастье оказывается крайне непрочным: через некоторое время он застаёт свою возлюбленную в объятиях другого. Герой пребывает в глубоком отчаянии. Особенно, огорчает его, то что другой так легко добился благосклонности Аминты, «победил в самое краткое время все то, что сам он насилу мог достать через великие и долгие труды». Но автор уже вскоре подсказывает своему герою легкий способ утешиться. Тирсис снова влюбляется, на этот раз одновременно в двух красавиц — Сильвию и Ирису. Он несколько смущен этим, однако повстречавшаяся ему некая пригожая жена по имени «Глазлюбность» (так Третьяковский передает слово «кокетство»), открывает ему секрет, в результате которого он всегда будет счастливым в любви. Для этого надо, не привязываться слишком к одной, любить нескольких сразу: «Кто залюбит больше, тот счастлив есть надолже».

Третьяковский выводит любовную линию не только на первый план, но вносит в нее новшества. Главной темой произведения является психология любви, что уже считается нововведениями в литературе, в ее разнообразных стадиях и проявлениях. «Езда в остров любви» вносит существенный вклад в литературное и особенно языковое оформление еще новой для России темы любви. Как справедливо замечает исследовательница Романова, в переведенном романе Третьяковского уже «...заложены основные векторы развития темы любви в русской литературе.; любовь как основание для становления новой парадигмы отношения мира и человека, любовь как гармоническое отношение, как гармоническое бытие, любовь как путь к себе, любовь как иллюзия. Здесь же намеченные противопоставление любви духовной и любви телесной и альтернатива – любовь и служение славы».[4,48]

Одной из причин определившей успех романа «Езда в остров Любви», была подчеркнутая сосредоточенность его сюжета в мире частных и интимных человеческих переживаний, как нельзя лучше соответствовавшая обостренному личностному чувству, характерному для массового культурного сознания начала XVIII в. Однако и здесь мы можем наблюдать характерную для эпохи двойственность: при том, что любовь как таковая — это чувство сугубо личное и индивидуальное, оно является и универсальным, общечеловеческим чувством.

Третьяковский выстраивает принципиально новую систему соподчиняющихся законов: человеческих, божественных и природных. Сама любовь отменяет социальную и сословную иерархию. Любовь уравнивает всех:

А сей остров есть Любви, и так он зовется,

Куды всякой человек в свое время шлется.

Стары и молодые, князья и подданы,

Дабы видеть сей остров, волили быть странны [6, с. 101].

Любовь возвращает человека в изначальное, естественное состояние. Закон любви является первичным и безусловным. Над нею не властно ни время, ни пространство — ее законы от века универсальны и непреложны. Автор последовательно и главное целостно выстраивает саму картину мироздания, утверждая, что закон любви превыше всего человеческих, религиозных запретов и законов так как этот закон природен и естественен. В тексте мы видим как подчеркнута естественность утопической равенности всех людей тем, что сила любви сопоставляется только с равной ей силой — смерти.

В противовес первому письму в сильную начальную позицию второго письма Тирсиса поставлен отказ от любви. Теперь его привлекает только Слава. Однако, любопытным является то, что герой отказываясь от любви, утверждает ее необходимость.

Важно отметить, что акцентуация темы любви как опыта становления личности, который дает право следовать за Славой, исторически обусловлена петровскими реформами. В результате чего расшатывались сами основы прежней религиозной модели государственности. Роман не был оппозиционным по отношению к ней, но был созвучен с ней. Он обозначил разрыв двух типов власти, - религиозной и светской — и его появление легализировало тему любви и тем самым сферу частого чувствования.

Роман Третьяковского стал культовым произведением русской литературы, «своеобразным учебником теории любовного поведения», «энциклопедией любовных ситуаций и оттенков любовной страсти», и был воспринят в России как «своеобразный кодекс любовного поведения русского человека новой культурной ориентации».

Благодаря переведенному роману само понятие любви становится отправной точкой отсчета, осмысления взаимоотношений человека в мире. Милюков отмечал: «Введение любовного элемента было первым завоеванием, сделанным литературой у жизни, и первым приобретением, заимствованных жизнью у литературы. В литературу вошел с этих пор элемент житейской действительности, а в жизнь проник элемент идеализма, облагораживающего человеческие отношения. Вопреки обычным школьным делениям, можно смело утверждать, что именно с этого времени русская литература стала *сентиментальной* (выделено П.Н. Милюковым). Переворот, предсказанный на Западе Дантом и осуществленный Петраркой, совершился, наконец, в нашей литературе ко времени Петра Великого»[3, с. 276].

Роман Третьяковского «Езда в остров любви» оказал огромное влияние на развитие русской прозы XVIII в. Благодаря этому произведению в русской литературе начинается формироваться личностное самосознание. Активно разрабатывается тема любви, которая почти не нашла воплощение в предшествующей литературе. Формируется язык «нежности», по мнению Третьяковского им был создан «сладкий язык любви».

Этот роман Третьяковского сыграл огромную роль в воспитании человеческих чувств и переживаний. Следует подчеркнуть необычность структуры переводного романа. Он состоит из двух уровней: стихотворной речи (затрудненной) и прозаической, которая (в определенной степени) поясняет смысл, заложенный в стихах.

Продуктивной для русской литературы оказалась и форма изображенная Третьяковским, – письмо и путешествие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. -М.: Интрада, 1997. 416 с.
2. Левин Ю.Д. Введение // История русской переводной художественной литературы: В 2 т. – Т. 1. – СПб.: 1995. – С. 11.
3. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3т. / П.Н. Милюков. – М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994. – Т.2. – Ч.1. – 416с.
4. Романова Е.И. Любовь и самосознание личностей в русской литературе. Днепрпетровск, 2012 – с.48.
5. Тимофеев Л.И. Василий Кириллович Третьяковский. // Третьяковский В.К. Избранные произведения. М.-Л.: Советский писатель, 1963. С. 12-18.
6. Хрестоматия по русской литературе XVIII в., составитель Кокорев А.В. – Л., 1965. – 824с.

**AT THE ORIGINS OF THE RUSSIAN NOVEL (ON THE MATERIAL
TRANSLATION WORK OF V.K. TREDIAKOVSKY "RIDING IN THE ISLAND
OF LOVE"**

The article is devoted to the problem of the formation of the novel genre in Russian literature. Based on the translated novel by V.K. Trediakovsky were examined in the 18th century. Features of the novel genre of that era. Particular attention was paid to the role of Trediakovsky's novel "Riding to the Island of Love" in the development of Russian prose of the topic is due to the Russian novel in the literature.

Key words: novel, translation, prose, genre, self-knowledge.

Поступила в редакцию 18.02.2020 г.

УДК 821.133.1-2 Чехов

Д.А. Калмыкова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

**ДРАМАТИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ АВТОРА В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА
«ДОМ С МЕЗОНИНОМ»**

В данной работе рассматривается идейно-художественное своеобразие рассказа А.П. Чехова «Дом с мезонином». Выявлено, что рассказ ведётся от лица самого художника, все события даются с точки зрения наблюдательного, мыслящего человека, тонко чувствующего природу. Актуальность темы обусловлена тем обстоятельством, что чеховская драматургия сыграла в истории всей мировой драмы неоценимую поворотную роль. Так, появившись в России на рубеже нового столетия, она сложилась в особую авторскую новаторскую художественную систему повествования, которая определила собой пути будущего развития драматургии и театра всего мира. Трогательные, вдумчивые, глубокие драматические произведения А.П. Чехова произвели подлинный переворот в истории русской художественной культуры, а их появление в сфере мировой драматургии обозначили новую систему отсчёта в театральном искусстве.

Ключевые слова: поэтика, драма, лирика, авторское присутствие, авторский комментарий.

Новаторство А.П. Чехова заключалось в том, что он создал характерное исповедальное направление в драматическом произведении, обращённое путём внутреннего драматического монолога к духовно-нравственным вопросам и проблемам сущности человеческого бытия [2, с.142]. Критики отмечали, что в его драмах отразились черты кризиса реализма, характерные для конца XIX в., а сама драма зачастую отходит от глубокого реалистического изображения персонажей, в котором автор использует «постановочные декорации», чтобы «сильнее проникнуть во внутренний мир героев».

А.П. Чехов перестраивает укоренившиеся драматургические каноны. Вместо привычных представлений о драматическом действии, его завязке, кульминации и развязке, о назначении жеста и взгляда, слова, молчания, вздоха, томительного ожидания, он пишет пьесы, в которых подмечал естественное течение повседневной жизни, начисто лишённое конкретных событий, сильных характеров и острых конфликтов. При этом под слоем нарочитой обыденности он обнаруживал неожиданный проникновенный драматизм, «составляющий ... счастье и рушащий их (*интеллигенции того времени – К.Д.*) жизни» [2, с.142].

Драматург предлагает своим читателям новую грань многослойной реальности с большим количеством отступлений от основной темы. Многослойность драматических событий того времени отображена в особом трагизме ощущения «отживающего увядающего дворянства» и его состояния «обыденной бесцветной повседневности». Охваченный данными противоречивыми чувствами, художник проводит попытки постичь глубокий жизненный смысл. На достижение данной цели, рассказчиком также направлены многогранные психологические монологи, как «изнанка человеческой души», как исповедь перед вдумчивым зрителем. Монолог-исповедь становится наиболее важным компонентом драматических чеховских произведений [2, с.142-143].

Как отмечают критики, чеховские драматические монологи являются относительно условной формой художественного драматического повествования. Они, по мнению Л.М. Нигматуллиной, «более объёмны, насыщены, существенны и обусловлены, чем реплики в диалоге, более сложно организованы чем диалоги, ... характеризуются независимостью ведения речи автора ... от сиюминутных реакций зрителя» [3, с.96]. Так, если в диалоге «сосредоточено глубокое действие самой драмы», то монолог – это «наиболее тонкое душевное общение автора с читателями и зрителями» [3, с.97]. По мнению А.П. Чудакова, «в процессе изображения драмы диалог и монолог взаимно дополняют друг друга», но основная тенденция драматического монолога состоит в «глубокой проникновенности авторского драматического монолога и придании ему естественно-разговорной формы» [3, с.134], что характерно для монологической драмы классицизма и драмы романтизма, где монолог играл ведущую роль. Благодаря чеховским новшествам, их сменила драма натуралистическая и психологическая монологическая драма, для которой монолог из-за его статичности оказался «сложной формой духовного повествования, направленный на глубокий психологический анализ и авторское обращение к читателю» [3 с.139].

Одно из ключевых произведений, представляющих материал для изучения и анализа проблемы «драматический монолог автора» во всей её неоднозначности и многогранности – это рассказ «Дом с мезонином (Рассказ художника)», в котором монологическое повествование ведётся от имени автора сквозь своеобразную призму впечатлений художника-импрессиониста. Как отмечает А.С. Федорова, драматический авторский монолог – это «литературный приём, служащий для передачи глубоко личных, сокровенных и потаённых мыслей и чувств автора, переданных от лица самого персонажа» [5, с.19]. В данном произведении воспоминания художника и есть его своеобразная монологическая исповедь, которая выступает как глубоко драматическая история, адресованная читателю в первом лице.

Главная черта монолога героя авторской драмы – это не буквальное значение слов, а их потаённый сакральный смысл, внутренний подтекст. Особенность чеховской драматургии в том, что драматические монологи погружают читателя в сложный многогранный мир человеческих отношений, чувств и переживаний. Рассказчик-художник излагает историю о том, каким он был счастливым когда-то, как он чувствовал себя влюблённым и как ушло ощущение влюблённости и счастья, сменившись обыденностью жизни и непроходящей тоской.

Данный драматический рассказ о несостоявшейся любви имеет драматические рамки духовной исповеди перед читателем и зрителем. Автор при помощи монолога-исповеди не просто представляет рассказ художника, но и пытается донести в точности его душевное состояние, в котором он находился, его ощущения на протяжении всей душевной исповеди. При этом ему важно, чтобы читатель узнал о внутренних противоречиях, к которым он пришёл, потеряв свою любовь навсегда. Художник так описывает своё состояние до встречи с любовью: «чувствовал себя одиноким, ненужным, бездеятельным, соответственно всем недовольным» [5, с.20]. А, почувствовав любовь к

девушке, из никчёмного, раздражённого человека становится «любящим, трепетным, ощущающим свою необходимость и важность» [5, с.20-21]. Когда же всё заканчивается, герой опять «возвращается в привычное состояние ненужности и одиночества» [5, с.20].

Монолог-исповедь художника начинается с отсутствия конкретной временной привязки: «Было это лет 6-7 тому назад, когда жил я в одном из уездов...», состоит из определённых эпизодов жизни самого художника, бежавшего на природу «от скуки», «от жуткого настроения», «к близости с природой», «в поисках своего утраченного вдохновения» [5, с.19].

Действие в драме происходит в помещицкой усадьбе – такая локализация характерна для самого автора, А.П. Чехова. Этому можно дать несколько характеризующих объяснений. Основной причиной подобной избирательности места действия автором является то, что в любом драматическом произведении место действия ограничено, а усадьба, в силу замкнутости пространства, являясь своеобразной декорацией, ограничивает и сюжетно-событийную сторону драмы. Поэтому всё действие в усадьбе переходит в план психологический, а суть драматического монолога – раскрыть психологические проблемы героев. Локализация места действия предоставляет больше возможностей для психологического анализа автором душевного состояния его героев, так как в большом, сложном и равнодушном мире «люди словно загнаны в свои последние прибежища, где ... можно укрыться от давления окружающего мира ... и ещё ... быть самим собой» [1, с.142]. Но и это им не удается, так как и в усадьбах герои разобщены.

Красочное лирическое начало, привносимое природными картинками и мотивами, оттеняет глубину драматизма монологического повествования автора. Время в подобном повествовании-исповеди движется размеренно и в обратном направлении – из настоящего в прошлое, а вопрос, замыкающий данное повествование и адресованный в пустоту, так и остаётся без ответа.

Герои монолога художника редко замечают окружающую их незамысловатую утончённую красоту, они на неё не отвлекаются, также остаются слепы к искренним порывам души окружающих.

В ходе драматического повествования автором в монологе показано, как всё более утверждаются архаичные признаки окружающего пространства, но такая старина опоэтизирована самим рассказчиком: «Милый, старый, наивный дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал всё» [1, с.142]. Автор тоскует по ускользающему течению времени.

В драмах Чехова, действие которых происходит в усадьбе, зачастую возникает образ старого дома, который органично дополняет атмосферу личной трагедии рассказчика и проходит лейтмотивом по всему произведению.

Образ старого дома появляется в монологе с первого абзаца: «Жил он в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на котором я спал, да ещё стола, на котором я раскладывал пасьянс» [1, с.143]. Сам образ старого дома отличается особой ретроспективностью, а в описании внутреннего интерьера раскрывается эмоциональное состояние художника, ему неуютно в пустой «громадной зале с колоннами», «тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых амосовских печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией» [1, с. 143].

Художник одухотворяет природные явления, чтобы подчеркнуть тоску и безысходность ситуации там, где восхитительная природа созвучна состоянию героя: «Природа волнуется своей близостью – огорчает и радуется, пробуждает весной и по утрам, обогревает в летний полдень, погружает в осенние дожди в уныние, в пору зимних

метелей и снегопадов в сон, словом, ни на минуту, в любое время года и суток не оставляет человека наедине» [2, с.160]. С другой стороны, для усиления драматизации, следует обратить внимание, как именно автор обрисовывает образ старого дома: «всё здесь в запустении, ... везде старость, ... даже иволга становится старушкой» [2, с.161]. Достаточно важный художественный принцип чеховского рассказа – это расположение света и тени, а главное, наличие тонких, едва заметных оттенков. Особенно ярко это проявляется в пейзажных зарисовках. Художник смотрит под старым вязом на дом: «В окнах мезонина, где жила Мисюся, блеснул яркий свет, потом покойный зелёный – эту лампу накрыли абажуром. Задвигались тени.... Прошло около часа. Зелёный огонь погас, и не стало видно теней» [4, с.98]. Огонь является символом очищения и тепла, автор привносит в данный рассказ свет и огонь как символ надежды на лучшее будущее.

Использование образа «старого увядающего дома» придает данному монологу меланхолическое настроение, так характерное для позднего чеховского творчества. В драматической истории из жизни художника образ старого дома создаёт ощущение ускользающей красоты, которая закономерно обречена на увядание.

Особенная душевная монологичность чеховского авторского слова заключается в том, что оно происходит «в тоне и духе» героя. Это, в свою очередь, способствует открытости финала произведений драматурга, так характерного Чехову [2, с.163].

Монолог рассказчика в «Доме с мезонином» не подразумевает «главенство автора над изображаемым миром» [2, с.163-164], он не определён и многозначен, в нём множество незаметных рассредоточенных позиций, каждая из которых имеет право на существование. Но всё же, несмотря на многозначность и необусловленность авторского отношения в драматическом монологе «Дома с мезонином», сквозь детали можно проследить его позицию, его отношение к героям истории. Об этом писал в своей работе И.Н. Сухих, отмечая: «очевидно, что в «Доме с мезонином» проходят две сюжетные линии: «любовный сюжет» и «идеологический спор» [4, с.118]; история дворянской усадьбы невозможна без любовной интриги, так как вообще невозможна жизнь без любви [4, с.119].

Поскольку первая сюжетная линия не сводится к любви художника, она включает в себя отношения с Лидой и Белокуровым, рассказ об их образе жизни, их взглядах и устремлениях. Её точнее было бы обозначить как бытовую, в которой герои не услышали и не поняли друг друга. В основе конструктивной составляющей драмы оказывается соотношение бытового и идеологического сюжетов. Первый представляет фабульную основу «Дома с мезонином», второй вырастает, концентрируясь на ней.

Обратимся сначала к сюжету «идеологическому». «Идеологический спор» рассматривается как конфликт двух разных мировоззренческих позиций самого автора и его героев: художника и Лиды Волчаниновой. Для данной истории характерны «душевные переживания и впечатления героев, изображение которых трудно себе представить вне описаний природы и обыденности жизни», причём её описание зависит от их настроения и восприятия. Художник, как никто другой, близок к природе. Он всё время ощущает несбыточность своих мечтаний: «Я мечтал...владеть этими деревьями, полями, туманом, зарёю, этой природой, чудесной и очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным» [6, с.258-259]. Унылое настроение героя контрастирует с «несравненной трогательной красотой природы» [2, с.164]. Вместе с тем становится понятно, что тема идеологических споров автором не закрыта, она оставляет риторические вопросы о вечных ценностях жизни. В своём монологе рассказчик поднимает много риторических вопросов, а предоставляет право додумать ответы на них самому мыслящему читателю.

В рассказе «Дом с мезонином» особенно выделяются и требуют отдельного внимания два героя: во-первых, это художник, и, во-вторых, Лида Волчанинова. Главный

герой рассказа художник испытывает в данном драматическом монологе несколько состояний: чувство праздности и скуки, а вместе с тем и чувство одиночества и ненужности. Нужно отметить, что по ходу повествования состояние героя меняется, а природа старого дома неизменно остаётся загадочно, непостижимо прекрасной, являясь, таким образом, базовой ценностью художественного мира Чехова – красотой, непостижимой и вечной, а не просто фоном, на котором происходят переживания героя. В конце монолога происходит возвращение героя к своему исходному состоянию. Жизнь снова возвращается на круги своя, когда художник вновь сталкивается с обыденностью, ему снова «скучно жить», «мир теряет свои краски», «тускнеет и блекнет», так как пропадает самая важная жизненная мотивация человека – любовь.

В любовной истории типичная ожидаемая читателями «любовная интрига» так и не становится основой выстроенной сюжетной линии. Намеченная в начале драматической истории, легко узнаваемая линия «усадебного романа» тонко заретуширована автором [2, с.165]. В данной истории само признание в любви также размыто, оно остаётся во внутреннем монологе художника. Художник анализирует своё чувство к Мисюсь во внутреннем монологе: «Я любил её... Должно быть, я любил её за то, что она встречала и провожала меня, за то, что смотрела на меня нежно и с восхищением. Как трогательно прекрасны были её бледное лицо, тонкая шея, тонкие руки, её слабость, праздность, её книги. ... А ум? Я подозревал у неё недюжинный ум, меня восхищала широта её воззрений, быть может, потому что она мыслила иначе, чем строгая, красивая Лида, которая не любила меня. Я нравился ей как художник, я победил её сердце своим талантом, и мне страстно хотелось писать только для неё, и я мечтал о ней, как о своей маленькой королеве, которая вместе со мною будет владеть этими деревьями, полями, туманом, зарёю, этою природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким, ненужным и потерянным» [6, с.174]. Нельзя не заметить, что в этом монологе, как и в самой характеристике переживаний и особенно их мотивов, автор допускает вариативность. Герой изображён автором, как не вполне уверенный в своём чувстве человек: «должно быть», «может быть». Он думает, что любит Мисюсь, потому что она любит его, а строгая, красивая Лида не любит, но он постоянно сомневается о глубине обоюдных чувств [2, с.166]. В то же время, на протяжении всего монолога ощущается неожиданное, зарождающееся робкое и трепетное чувство к девушке, что составляет поэтическую направленность размышлений творческой личности художника. Когда рождается любовь и крепнет надежда на творческое возрождение художника, пейзаж способствует нарастанию тревоги, вызывает ощущение неизбежной драмы и окончания истории. Лидия считает, что художник не достоин её сестры и разрушает их хрупкое счастье. На следующее утро после романтической прогулки с Мисюсь художник приходит домой к Волчаниновым и сразу слышит голос Лиды, диктующей детям: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру» [2, с.165]. И в этом можно увидеть авторскую иронию по отношению к художнику.

Очевидно, что поэзия любви и счастья в данном произведении, которая устойчиво связывается в драматическом монологе автора, разбивается о прозу жизни. Если говорить о выраженной любовной драматической линии, то здесь Чехов в первую очередь сделал акцент на том, как часто люди не ценят своё счастье, не умеют беречь «подарки судьбы». Антон Павлович писал: «... люди так легко проглядывают, упускают жизнь, сами отказываются от счастья» [5, с.20]. Образ красоты представлен в драматических рассказах А.П. Чехова как мимолётный проблеск душевного тепла и счастья.

Своим тонким восприятием обыденности чеховские драмы всегда производят неизгладимое впечатление на читателя. Риторический вопрос, поднятый этим конкретным драматическим монологом, исповедуемым художником на протяжении всего рассказа –

это глубокий смысл «сущности бытия», который задавала себе интеллигенция конца XIX века.

А.П. Чехов на страницах рассказа заставляет задуматься о смысле жизни, противоречиях и преградах на пути к непостижимой заветной мечте, подводит к пониманию своего предназначения в жизни, мастерски сочетает личностное и социальное, злободневное и лиричное, духовность и задушевность [4, с.47].

Финал исповеди рассказчика остаётся открытым. Любовная драма не разрешена, история не окончена, рассказчик предоставляет право зрителю самому давать оценку, предполагать его будущее, оставляя за собой право на надежду: «...мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают и что мы встретимся... Мисюсь, где ты?» [4, с.95].

Таким образом, великий драматург осваивает совершенно новый авторский язык. Драматическим монологом поведав грустную историю о любви и разлуке, автор на самом деле заставляет читателей задуматься о необходимости и неоднозначности борьбы за красоту и искренность человеческих отношений, выступает против обыденности и заскорузлости, против бездушия, лицемерия, жестокости, против никчёмности и всего того, что уродует жизнь и губит в ней всё божественное и светлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдин А. Четыре Чехова: к 150-летию со дня рождения А.П. Чехова / А. Балдин // Октябрь. – 2010. – № 1. – с.142-152.
2. Горячева М. «Театральный роман», или любил ли Чехов театр? // Нева. – 2009. – №12. – С. 160-174
3. Нигматуллина Л.М. Функции иронических деталей в рассказах А. П. Чехова «Попрыгунья» и «Дом с мезонином» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 20. – С. 96-98.
4. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И. Н. Сухих. – Л.: Издательство ЛГУ, 1987. – 184 с.
5. Федорова А.С. Проблема человека в творчестве А.П. Чехова // Школа. – 2004. – №1. – С. 19-21.
6. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова. – СПб.: Азбука, 2016. – 704 с.

D.A. Kalmykova

STORY A.P. CHEKHOV'S HOUSE WITH A MEZZANINE: TO THE POETICS OF THE LATE CHEKHOV STORY

This paper considers the ideological and artistic originality of the story of A.P. Chekhov's House with a Mezzanine. It was revealed that the story is conducted on behalf of the artist himself, all events are given from the point of view of an observant, thinking person who has a delicate sense of nature. The relevance of the topic is due to the fact that Chekhov's drama played an invaluable turning role in the history of the whole world drama. So, having appeared in Russia at the turn of the century, it has developed into a special authorial and innovative narrative art system, which determined the paths for the future development of drama and theater around the world. Touching, thoughtful, deep dramatic works by A.P. Chekhov made a real revolution in the history of Russian art culture, and their appearance in the field of world drama marked a new frame of reference in theatrical art.

Key words: *poetics, drama, lyrics, author's presence, author's comment.*

Поступила в редакцию 15.02.2020 г.

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПЬЕСЕ М. А. БУЛГАКОВА «АДАМ И ЕВА»

В данной статье отражена проблема цикличности истории в пьесе М. А. Булгакова «Адам и Ева». При помощи текстологического анализа пьесы и нескольких книг Библии была рассмотрена временная цикличность истории в целом и под углом библейских отсылок на прошлое и будущее в частности. В ходе анализа выявлено соотношение линейности и цикличности движения истории, выявлена их роль в отражении позиции Булгакова по отношению ко взглядам его современников в условиях атеистической пропаганды.

Ключевые слова: время, цикличность истории, библейская аллюзия

М. А. Булгаков известен своими историсофскими и фантастическими произведениями, в которых зачастую проявляется и мистицизм автора. В творчестве Булгакова фантастика сосуществует с реальностью. «Сочетание реального и фантастического планов – принципиальная черта творчества Булгакова» [2, с.3]. Примером тому могут быть фельетоны 20-х годов, пьесы 30-х годов «Адам и Ева», «Блаженство» и «Иван Васильевич», роман «Мастер и Маргарита». Пьеса «Адам и Ева» была написана в 1931 году по заказу ленинградского Красного театра. Подвергалась множеству правок и редакций, в которых автор исключил подробности химических опытов, описания пораженных газом пространств.

В данной работе пьеса «Адам и Ева» была рассмотрена в качестве отражения временной цикличности истории в целом и под углом библейских отсылок на прошлое и будущее в частности.

Творчество Булгакова отличается характерным использованием понятия «цикличность истории». Писатель описывает эту цикличность с помощью временных рамок, сопоставляя или делая различия между определенными эпохами. У Булгакова часто «человек показан в точке «разрыва времён», перерыва постепенности, в состоянии «доисторическом» и «постисторическом» одновременно» [7, с.90]. Потому и в «Адаме и Еве» герои, находясь в «перерыве», как бы возвращаются во времена первых людей – Адама и Евы. Показательно, что в сохранившемся отрывке из Библии, который читает Маркизов, написано именно о них: «"...Не хорошо быть человеку одному: сотворим ему помощника, соответственного ему..." Теория верная, да где же его взять? Дальше дырка. (Читает.) "...И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились..."» [1, с.176]. Для героев, как и для мира, в котором они теперь живут, такое возвращение знаменуется значительной переменой их жизни. Во-первых, потому что герои пережили газовую атаку чудесным образом (который ученый Ефросимов, создатель аппарата, чудом не считает), во-вторых, принуждены жить неким подобием коммуны, хотя и коммунизм, по мнению Пончика-змея, погиб, в-третьих, во всём мире, кроме Ленинграда, идёт война, а герои отрезаны от остальных людей.

Если «в творчестве Булгакова контраст неподвижной цивилизации и свободы передвижения, полета главных героев "Блаженства", "Ивана Васильевича", "Мастера и Маргариты" создает ту загадочную грань, границу реального и фантастического, которая является самой привлекательной чертой жанра», то «в "Адаме и Еве" герои погружены в неподвижную реальность». [3] Время для героев пьесы «Адам и Ева» застывает, исключая возможность дальнейшего исторического развития, по крайней мере, в период нахождения за пределами остального мира, в котором идет война. А в Ленинграде всё замерло – в мире героев пьесы ничего не происходит. Историческое время как время

войны для оставшихся в живых не существует реально. Ещё не «облученный», страдающий от боли, Дараган говорит Еве: «Слушайте, воюет весь мир!..», на что она отвечает: «...в Ленинграде нет никого, кроме нас!» [1, с.169]. Здесь также проявляются ценности и мировоззрение этих героев: Ева и Адам ориентированы на сиюминутность, происходящее здесь и сейчас. Дарагана же заботят масштабные, широкие по времени и пространству катаклизмы. Здесь он проявляет себя в противовес первым людям, прежде всего первому Адаму, который говорит моментными лозунгами. Таким образом, Дараган, хоть и отдал право Адаму быть главным по негласному правилу первого человека, оказывается тем, кто по-своему, пусть даже в угоду идеологии, беспокоится о будущем государства и мира больше, чем «первые люди».

Обращаясь к названию произведения, Булгаков рассказывает о «первых людях». В пьесе автор соединяет прошлое и будущее время посредством отсылки к архетипу прошлого. Но если в целом творчество Булгакова ориентировано на изображение исторических фактов, не заходящих так далеко (приведём одну цитату об использовании полотна реальных событий недавнего прошлого писателем в своих произведениях): «Политическая жизнь Киева истекшего года, реконструированная Булгаковым по газетам и рассказам очевидцев, нашла впоследствии отражение на страницах “Белой гвардии”» [6, с.41], то «Адам и Ева» отсылает нас в прошлое далёкое. Это события, происходившие тысячи лет раньше, чем использованная Булгаковым библейская история жизни Иисуса Христа в романе «Мастер и Маргарита».

Итак, прошлое представлено библейским архетипом сотворения Земли, первых людей – Адама и Евы – и змеем. А также используется образ Мессии или Спасителя, который описан как в Ветхом, так и в Новом Завете Библии. Целесообразным с нашей точки зрения считается провести текстологическое сравнение и дальнейший анализ нескольких книг Библии, в частности Бытие (тех глав, где описано сотворение и жизнь Адама и Евы в райском саду), Откровение и пьесы Булгакова.

В Библии, во второй главе Бытия написано, что Господь создал Адама и в помощницу ему жену. Имя ей даётся только в следующей главе самим Адамом – Ева, так как «она стала матерью для всех живущих» (Быт. 3:20). Первый акт Булгакова начинается с «рая на земле» двух молодоженов Адама и Евы. Они не стесняются своей любви и проявления своих чувств, так же, как в Библии до того, как у первых людей открылись глаза и до изгнания из рая, они не стеснялись своей наготы. Знаменательная для пьесы дата пятнадцатое мая является днем рождения Михаила Булгакова. Так это и начало пьесы, и день заключения брака между Адамом и Евой, и день катастрофы. «Аня. Да что вы! Не узнает он (Дараган), что ли? Он сегодня спрашивает: "А что, Ева придет вечером к Адаму?" А я говорю: "Придет и останется". - "Как?" "А так, - говорю, - что они сегодня расписались!"» [1, с.148].

Адам и Ева, которые не устояли перед соблазном «узнать истину», наказаны Богом за совершенный грех послушания. Между тем Бог заключает с ними новый завет, в котором говорит, что весь род человеческий будет жить в трудностях: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19). И выслал их из Эдема. Пьеса Булгакова повествует, если проводить параллель с текстом Библии, о наказании несколько иного рода: о газовой атаке на Ленинград. При этом герои, изолированные от остального мира, вынуждены в лишениях, потерях (Маркизов остался без ноги) жить около трёх месяцев (действие начинается пятнадцатого мая, Дараган возвращается с полёта за помощью десятого августа). От райского жилья молодоженов Адама и Евы Булгакова ничего не остается.

Обратимся к изображению других героев произведения. Загадочной представляется фигура Дарагана в вопросе: является ли он чьим-либо прототипом из Библии и правомерно ли считать, что у каждого из героев есть место в библейском архетипе. Момент появления Дарагана показателен. Как только Ефросимов говорит, что

благословляет Адама и Еву, «в дверях бесшумно появляется Дараган. Он в черном. Во всю грудь у него вышита серебряная летная птица» [1, с.155]. Также, после поражения Ленинграда газом, Дараган падает, совершая задание: «Дараган. А? Громче, громче, гложну... Пишите: доношу... Мы сорвали воздушные фартуки, и наши бомбовозы прошли. Но в эскадрилье погибли все, кроме меня, вместе с аппаратами. Кроме того: город зажжен и фашистское осиное гнездо объято пламенем. Пламенем! Кроме того: не существует более трезвый опасный туз! Его сбил Дараган! Но сам Дараган, будучи отравлен смесью, стал слеп и упал в Ленинграде» [1, с.165]. В интерпретации Булгакова герой является падшим ангелом. На это указывает атрибут серебряной летной птицы на груди Дарагана и тот факт, что он падает с неба (с самолета) и его слова: «А между тем я должен встать и лететь... Но оперение мое, оперение мое!» [1, с.171]. Таким образом, мы отмечаем сравнение Дарагана, во-первых, с птицей или ангелом. Во-вторых, с тем самым падшим ангелом, которому имя Люцифер. В Библии говорится, что у сатаны было несколько имен, а Люцифер – имя, связанное с его ангельским началом. Книга пророка Исаии говорит о нем как о сыне зари, который упал с неба: «как упал ты с неба, сын зари!» (Ис. 14:12). В библейском архетипе ангел упал не случайно, а был свержен, то есть наказан Богом. Персонаж булгаковской пьесы в свою очередь совершал героический поступок.

Первое упоминание Ефросимова приходится на ремарки, где он обозначен как полубог для старухи, которая ухаживает за ним и его одеждой. Прослеживаются высказывания героев о нём как о человеке «не от мира сего». Аппарат, который изобрел академик, становится спасением для героев пьесы. Адам в пьесе Булгакова отдает Ефросимову свое имя. Таким образом, мы замечаем аллюзию на библейский мотив второго Адама, то есть Христа, который был обещан Богом ещё во время грехопадения первых людей.

Может возникнуть мысль, что в пьесе неявно присутствует образ Христа. В Новом Завете в Первом послании к Коринфянам апостол Павел пишет, что «первый человек Адам стал душою живущею (здесь апостол ссылается на Бытие), а последний Адам есть дух животворящий» (1-е Кор. 15:45). Разъясняя, Павел говорит: «Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба» (1-е Кор. 15:47). В богословии есть учение о Христе – втором Адаме. «Развивая учение апостола Павла, священномученик Иринеи Лионский во II веке разработал теорию, согласно которой все события жизни Христа рассматриваются как повторение событий жизни Адама, только в обратном порядке» [5]. Богословская теория заключается в воплощении Христа в частности для того, чтобы исправить ошибки Адама.

Ефросимов подвергается допросу со стороны Дарагана из-за аппарата, который создал академик. Летчик не доверяет Ефросимову, допускает, что ученый хоть и сделал открытие, хочет предать свою страну: «Дараган: Но вы хотели этот луч отдать за границу?» [1, с. 170]. Луч, который исходит из изобретенного Ефросимовым аппарата, напоминает о луче жизни, который был открыт профессором Персиковым из «Роковых яиц» Булгакова. Луч жизни – это луч учения. Данный эпизод может проходить параллелью с жизнью Христа, Которому перед казнью также устраивали допрос первосвященники из-за Его учения, из-за нарушения существующих в то время законов.

В первой главе библейской книги Откровение Иисус Христос называет Себя Альфой и Омегой, то есть Первым и Последним: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь» (Откр. 1:8). Эти строки параллельны философии Булгакова в пьесе «Адам и Ева», в которой присутствует аллюзия на библейскую историю о сотворении мира и мотив эсхатологического мифа.

Помимо изображения ветхозаветных людей, в пьесе есть аллюзии и на события из Нового Завета. Имя персонажа Пончик-Непобеды позволяет увидеть отсылку к апостолу

Павлу: Павел Апостолович. Апостол Павел – новозаветный человек, поначалу ревностно гнал христиан, но по дороге в Дамаск был ослеплён Богом (Булгаков проводит параллель с ослепляющим лучом из аппарата Ефросимова) и получил как новое имя (раньше библейский Павел назывался Савлом), так и новый смысл жизни – служение Богу. Павел Апостолович сотрудничает в журнале «Безбожник» и воспевает в своем романе «Красные зелена» колхозниц. Однако после газовой атаки и ослепления раскаивается в своем коммунистическом прошлом перед Богом, называя себя православным верующим: «я верующий человек до мозга костей и ненавижу коммунизм» [1, с. 172]. Также данный персонаж булгаковской пьесы устами Маркизова неоднократно был назван змеем. Хитрый змей в Библии искушает Еву. Подобно библейскому змею-искусителю, в пьесе Пончик пытается любым способом соблазнить её, даже выкупить у Маркизова, который как и Дараган, любит единственную оставшуюся в живых женщину.

В книге Откровение записано, что богатый на самом деле нищ и жалок (Откр. 3:17). Булгаков в пьесе говорит, что такие люди, как Пончик, которые считают деньги источником решения их проблем, не смогут достойно прожить свою жизнь. Они постоянно будут менять своё мнение, отрицать содеянное и оставаться слепыми. Потому герои удивились, узнав, что он остался жив.

Автор говорит о начале и конце, аллюзии на сотворение мира и на приближающийся конец света. Эсхатологический мотив проявляется в изображении газовой атаки, гибели всех людей в Ленинграде, кроме героев пьесы, которые теперь вынуждены жить в изоляции, предчувствуя конец света или даже переживая его после катастрофы.

Писатель предчувствует войну, предпосылки которой были явны уже в 1930 году. Военные действия вызывают у Булгакова обостренное ощущение несправедливости. Булгаков, обращаясь к архетипу прошлого, рассказывает о настоящем и будущем. «Переосмысление истории рода человеческого становится нравственно-философской основой произведения» [4]. На примере одного лагеря из нескольких человек, в котором происходят конфликты и столкновения характеров (постоянное подозрение Дарагана по отношению к Ефросимову, разлад в отношениях Адама и Евы, споры Маркизова и Пончика и т.п.), Булгаков показывает, как на людей в мире влияют военные действия и ощущения близости Апокалипсиса.

Исходя из предпринятого нами текстологического сравнения пьесы «Адам и Ева» и Библии и дальнейшего анализа пьесы Булгакова, мы можем сделать вывод, что история не только круг, но и линия. Булгаков создает произведение, построенное на библейских аллюзиях. С помощью такого взгляда на историю он выражает закон цикличности, но и показывает линейность времени. Таким образом, Булгаков ведет полемику с современностью, утверждая, что хоть история и движется линейно, всему есть начало и конец, но она также имеет свойство повторяться.

Человечество, следуя теологической концепции создания мира (что соответствует использованному писателем библейскому архетипу), от первых людей линейно движется вперед. Созданные персонажи пьесы «Адам и Ева», которые являются как проекцией, так и потомками прародителей всех людей, замыкают виток исторического круга. Другие герои, кроме Адама и Евы, так или иначе отсылают к Библии: Пончик – Апостол Павел или змей, Дараган – Люцифер, Ефросимов – новый Адам.

Позиция Булгакова в условиях атеистической пропаганды и его отношение к истории выразились с помощью аллюзий на библейский сюжет. Писатель не сторонник происходящих и предстоящих перемен, которые ведут к войне. Кроме всего прочего автор неявно изображает Христа в своей пьесе. Потому, можно предположить, что Булгаков, используя библейский мотив, образом Мессии показывает современникам выход из сложившегося положения в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. А. Адам и Ева / М. А. Булгаков // Собрание сочинений в 10 томах. Том 06. Кабала святош. Мертвые души. Адам и Ева. Война и мир. Полоумный Журден. Жизнь господина де Мольера. – М.: Голос, 1999.
2. Ерыкалова И. Е. Фантастика Булгакова: Творческая история. Текстология. Литературный контекст / И. Е. Ерыкалова. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – 284 с. – Новое в гуманитарных науках; Вып. 24.
3. Ерыкалова И. Е. Фантастика в театре М. А. Булгакова («Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич») в контексте художественных исканий драматурга начала 1930-х годов: Автореф... дис. канд. искусствоведения: 17.00.01. [Электронный ресурс] / И. Е. Ерыкалова. – СПб, 1994. – 319 с. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/fantastika-v-teatre-m-bulgakova-adam-i-eva-blazhenstvo-ivan-vasilevich-v-kontekste-khudozhes>.
4. Кобзарь Е. И. Библейский интертекст в пьесе М. Булгакова «Адам и Ева». [Электронный ресурс] / Е. И. Кобзарь // Вопросы русской литературы. Русская литература и литературная теория. – 2005. – №5. Режим доступа: <https://scribble.su/magazine/voprosil1/3.html>.
5. Митрополит Иларион (Алфеев). Христос — второй Адам [Электронный ресурс] / Митрополит Иларион (Алфеев) // Православие. Том 1. – М.: Сретенский монастырь, 2009. – 864 с. Режим доступа: http://pravoslavie.by/page_book/hristos-vtoroj-adam.
6. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. – М.: Книга, 1988. – 495 с.
7. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е. А. Яблоков. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 424 с.

N. V. Kushtymenko

BIBLICAL ALLUSIONS IN THE M. A. BULGAKOV'S PLAY «ADAM AND EVE»

This article reflects the problem of the cyclical nature of history in the play by M. A. Bulgakov, «Adam and Eve». Using the textual analysis of the play and several books of the Bible, we examined the temporal cyclical nature of history in general and from the angle of biblical references to the past and future in particular. The analysis revealed the correlation of linearity and cyclicity of the movement of history, revealed their role in reflecting Bulgakov's position in relation to the views of his contemporaries in conditions of atheistic propaganda.

Key words: *time, cyclical nature of history, bible allusion*

Поступила в редакцию 26.02.2020 г.

НЕДЕТСКИЕ МОТИВЫ В «СКАЗКЕ О ПАСТУШОНКЕ ПЕТЕ...» С.А. ЕСЕНИНА

Статья посвящена анализу «Сказки о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» С.А. Есенина. В ходе работы исследованы различные обстоятельства написания произведения, а также недетские мотивы с точки зрения формального и подтекстового уровней. Изучена природа как меняющаяся поэтическая картина, а также рассмотрено отношение человека и мира.

Ключевые слова: *недетские мотивы, литературные традиции, автобиографизм, художественно-эстетическая предпосылка.*

В творчестве С.А. Есенина последних лет жизни заметно развитие: расширение тематики, изменение принципов подхода к произведению, стилистики, переход от стихотворений на христианские темы и сюжеты, обрядов к историческим песням, сказкам. На стилистической основе народных сказок построена «Сказка о пастушонке Пете...», которую, по воспоминаниям И.В. Евдокимова, поэт считал своим «*первым детским стихотворением*» [2].

«Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» С.А. Есенина опубликована в журнале «Пионер» в 1925 году и с того времени сравнительно мало привлекала внимание исследователей. Несмотря на то, что это произведение едва ли можно назвать выдающимся, попытка написать простым языком о важных темах в жизни человека чрезвычайно интересна. Жанровая особенность этой «*маленькой поэмы*» заключается в том, что она адресована не только к детской аудитории. Следует разобраться, какие обстоятельства привели Есенина к решению написать «Сказку о пастушонке Пете...».

Во-первых, это литературные традиции. Смысловая направленность «Сказки о пастушонке Пете...» даёт основание полагать, что этому произведению присуще подражание А.С. Пушкину, который детской сказке придавал взрослый подтекст. Развивая пушкинскую традицию, Есенин создаёт нечто подобное – современную детскую сказку, заключающую в себе соединение различных фольклорных и литературных элементов.

Как отмечает В.Ю. Евдокимова, это произведение построено и на традиции Л.Н. Толстого, который «*стремился наполнить рассказы бытовыми подробностями, которые были бы понятны ребенку. Тематически его творчество близко Сергею Есенину: о крестьянском быте, истории России, животных, дополнительных полезных для ребенка знаний*» [3, с. 53]. Традиции Толстого в творчестве Есенина проявляются в тематической направленности, во внутренних мотивах передачи знаний детям. Для С.А. Есенина была значима назидательность Л.Н. Толстого.

Если у Толстого и Пушкина Есенин учился, то со своим современником В.В. Маяковским он уже поэтически состязался, и, по-видимому, старался превзойти его «Сказку о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий». Недавно на это обратила внимание Л.Л. Бельская, полагая, что «*вряд ли это было случайным совпадением – скорее походило на творческое соревнование и полемику*» [1, с. 18].

В «Сказках» обоих поэтов изображено деление на социальные классы, которые противопоставляются: коммунист и пионер выражены в положительной коннотации, а буржуа и комиссар – в негативной. При этом существенно различаются выводы, к

которым приходят авторы. В «Сказке...» у Маяковского наблюдается противопоставление буржуа и рабочих людей, которые зарабатывают на жизнь своим трудом и остаются людьми независимо от обстоятельств, выражено общей моралью:

Защищайте
        всех, кто слаб,
от буржуевых лап.
Вот и вырастете –
                        истыми
силачами-коммунистами.

Мораль у Есенина звучит так:

А над ним берёза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,
Тихо улыбаясь:

"Тяжело на свете
Быть для всех примером.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером" [4].

Примечательно то, что Маяковский и Есенин обращаются к теме животных. И если в первом случае, это отражение сказочных элементов, выраженные гиперболично («сто ворон слетают вниз», «на три версты/ распустив свои хвосты, / два огромных крокодила» и т.д.), то в другом случае автор обращает читателя к религиозно окрашенному социально-политическому подтексту:

Пастушонку Пете
Трудно жить на свете:
Тонкой хворостинкой
Управлять скотинкой [4, с. 302].

В этих простых строках с помощью умело организованных ассоциаций автор намекает на практику политических репрессий. В тексте представлена оппозиция: Пастушонку Пете «Трудно жить на свете» – «Сладко жить на свете!». Возможно, гармония появится после того, как «коровы» (обобщённый образ управляемого «стада», под которым подразумевается и человеческая общность) начнут «понимать слово»:

Если бы корова
Понимала слово,
То жилось бы Пете
Лучше нет на свете [4].

Как видим, это сказка для детей, но с недетскими мотивами. В этом её **вторая** существенная особенность. Исходя из того, что наблюдается сочетание детского и взрослого в тексте выделяются два уровня: формальный, в который входят детская стилистика, форма, и подтекстовый, который наполнен взрослым смыслом.

Формальный уровень связан с поэтикой стихотворения. В него входит использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что добавляет детскость высказывания: *пастуш-онк-у, сторон-к-а, одеж-онк-а, колоколь-чик, ив-ок, куст-ок*. Черты детской поэтики показаны тем, что размер текста – трёхстопный хорей. Это характерный пример детских стихотворений, в котором наличествует и детская семантика. Автором используются простые конструкции предложений; двустопия с рифмовкой АА – 15, 23 (*хворостиной-скотиной*), 27 (*Пете-свете*), 38 (*товаром-комиссаром*) строфы, и одностопия – 40, 41 строфы. По характеру звучания очень редко использованы богатые рифмы (*хорошеет-шее, игольчей-колокольчик*), в основном, преобладают бедные (*свете-Пете*).

С одной стороны, сказка написана простым доступным языком для маленьких читателей, который достигается за счёт ритма и рифмы («...*Хорошо весною/ Думать под сосною*»). В некоторых строчках можно усмотреть что-то наподобие считалки или дразнилки в шуточной характеристике осени, «*что шумит, как восемь // Чертенят веселых*» [4, с. 304]. Но с другой стороны, присутствует и высокий слог, который ориентирован на углублённое понимание стиля и поэзии («...*Голос раздаётся/ Звоном среди дубравы...*»). Здесь слова приобретают другую форму – более поэтическую и возвышенную.

На подтекстовом уровне заложены проблемы взрослого содержания: «своё» ремесло, социальное неравенство, нищета, подчинение властям крестьянских людей:

Наш народ ведь голый,
Что ни день, то с требой, –
То построй им школу,
То давай им хлеба [4, с. 307].

Тяжёлые судьбы, положение простых людей отображено в главном герое – пастушонке Пете. Казалось бы, у детей должно быть яркое, красочное детство, окутанное радостью, познанием мира. Но вместо этого герою нужно пасти непослушных коров, которым бы «*лишь мычалось, да трава качалась*» [4, с. 302]. Все невзгоды Пети прерывают светлые мысли о «*родимом доме*», о приходе тёплой весны. Мысль о тяжёлой судьбе, выраженной в образе Пети-пастушонка, проявляется в повторяющихся фразах: «*Трудно жить на свете*», «*Тяжко хворостинкой управлять скотиной*».

Третья особенность – автобиографизм. Написание «Сказки о пастушонке Пете...» можно воспринимать как желание написать что-нибудь для своих детей. Сын поэта, К.С. Есенин, со слов своей матери З.Н. Райх, вспоминал: «...*Увидев на столе какие-то детские тоненькие книжицы, почти всерьез рассердился: – А мои стихи читаете? <...> Потом, когда появились обращенные к детям стихи «Сказка о пастушонке Пете», помню слова матери о том, что рождение их связано именно с этим посещением отца, который приревновал своих детей к каким-то чужим, не понравившимся ему стихам*» [6, с.454].

Получается, что адресация сказки распространяется не только для всех детей, но и для собственных. Есенин рассказывает своим детям лично о себе. Поэтому мы невольно обращаемся к биографии самого автора. Ведь Есенин – тоже мальчик-«пастушонок», который вырвался из идиллической деревни и заблудился в динамическом городе, представляющим чужим для него. Причём, трансформация происходит не только из-за пространственных перемен (село – город), но также из-за временных (революция). Находясь в городе, С.А. Есенин начинает общаться с революционерами. До того, как он решил написать «Сказку о пастушонке Пете...», поэт отправился за границу, где переосмыслил социальные процессы, значение Октябрьской революции и, в общем,

советскую действительность. Общение с чекистами уже в России перевернуло жизнь Есенина, но он твёрдо сделал для себя вывод, что он бы «...*Не расстреливал несчастных по темницам*» («Я обманывать себя не стану...»).

Несмотря на идиллические элементы, содержание стихотворения вполне реалистическое. Произведение С.А. Есенина вмещает в себе иносказательную автобиографичность: переход «Пети»-пастушонка из деревенской среды в мир цивилизации. Если рассматривать стихотворение с точки зрения формы, то оно не совсем напоминает сказку (нет волшебных превращений и предметов, фольклорной символики). Но с другой стороны, имеется характерный признак сказки – фантастический вымысел. Заметна установка на что-то необыкновенное: простой мальчик → трансформация – мальчик становится комиссаром → препятствие → решение проблемы → возвращение: комиссар преобразуется в мальчика-пионера уже с другим сознанием и взглядом на мир. Препятствие, попавшееся на пути мальчика, заключалось в том, что он нетронутый цивилизацией, предстаёт «оголённым» перед всеми реалиями жизни. Но пастушонок Петя проходит все испытания, подобно герою волшебных сказок для переосмысления своего предназначения и места в жизни.

В произведении поднимается тема классового неравенства и несправедливости. И единственное, что оставалось у Пети – это убежать от реального, злобного мира в мир мечты:

Мыслит Петя с жаром:

То ли дело в мире
Жил он комиссаром
На своей квартире.

Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки
Да дороги чистил [4, с. 151].

Но далее мир мечты становится «*страшным сном на свете*». Этот мотив сна можно трактовать с разных сторон. С одной стороны, вся биография поэта – от деревенского прошлого до городского – раскрывается в этом страшном вещем сне, который показан как альтернатива того, что будет в будущем: если герой придёт к власти, то он фактически пострадает, внутренне погибнет.

Автор использует приём поучительного «сна о будущем», показывая читателям, как важно учиться, чтобы, повзрослев, осознавать социальные реалии и уметь быть защищённым. Погружение в сон Пети-пастушонка и пробуждение отделяются разрывом строф, что наталкивает на полное акцентирование проблемы, смысл которой заключается в том, что во власти быть очень опасно:

Взяли раз Петрушу
За живот, за душу,
Бросили в коляску
Да как дали таску... [4, с. 307].

С другой стороны, этот сон открывает глаза мальчику на такие обычные, но важные вещи: у каждого человека своё предназначение. Л.В. Занковская подчёркивает, что Есенин «*сумел создать истинное художественное произведение, наполнив его не выдуманным материалом, далеким от жизни, а актуальным, необходимым для нравственного и*

духовного воспитания нового поколения» [5, с. 122 - 123]. Когда герой облачается в несвойственную ему роль, он стал искажать свою суть, и даже полностью изменять себе и своему «Я». Герой был в чуждой ему среде, после чего осознал, что каждый должен посвятить себя своему делу. Несмотря на препятствия, попадающиеся на пути, нельзя «потерять» себя. Автор акцентирует, что нужно быть действительно самим собой.

В-четвёртых, к мотивации написания стихотворения можно отнести и собственно художественно-эстетическую предпосылку. Это проявляется в намерении Есенина написать детское стихотворение в своём поэтическом стиле, с характерными для него мотивами и образностью. Становится видимым своеобразный возврат к ранней творческой манере, когда он входил в литературу как поэт деревни, близко чувствующий явления природы и патриархальной жизни.

На протяжении всего стихотворения природа служит фоном для изображения описываемых эпизодов. Цепочка строк, обрисовывающая весну, открывает произведение: когда *«пастушонку Пете трудно жить на свете»*, трава обычном образом качается, *«май всё хорошеет»*, рисуются цветы, дубравы. Затем весна сменяется следующим временем года (*«рожь поспела»*), после чего приходит этап прощания с летом, с идиллической картиной сельского труда. И здесь с помощью описания мокрых листьев, мокрой одежды, когда *«дрожишь полсутки / То душой, то телом»*, показано одиночество пастушонка и его потеря себя, ощущение внутренней пустоты, отчуждение от всего мира и от своего ремесла. Когда мы видим картину «комиссарства», фоном служит *«вязкая грязь»*, *«дождь и непогода»* – трагическое описание смены окружения, где нет трудовой деятельности, где *«всё доступно в мире»*. После пробуждения Пети от сна, день стал *«солнечным, звенящим»*. Заканчивается стихотворение осенью, которая может быть воспринята как символ умирания, за которым последует воскрешение жизни и изменение сознания.

Природа предстаёт меняющейся поэтической картиной, на которой изображено отношение человека и мира:

- 1) труд, направленный на природу:

... Тонкой хворостиной
Управлять скотиной [4, с. 302].

<...>

Он найдёт сторонку,
Где звенят коровы.
Соберёт всех в кучу,
На село отгонит... [4].

- 2) объекты, к которым обращается главный герой:

Петя с кротким словом
Говорит коровам:
«Не хочу и даром
Быть я комиссаром» [4].

- 3) объекты, действие которых направлено на главного героя:

А над ним берёза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,

Тихо улыбаясь:

"Тяжело на свете
Быть для всех примером.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером" [4].

Начало и конец стихотворения заключает в себе образ труда, созидającego гармонию в реальном мире.

Таким образом, в «Сказке о пастушонке Пете...» содержатся личные и общественные проблемы, сочетание которых переплетаются и образуют единое целое. Отмечено пушкинское и толстовское присутствие в творческом сознании С.А. Есенина, рассмотрено полемически-сопоставительное отношение к детской поэзии В.В. Маяковского. Наблюдается цельность простого и высокого стилей, ориентированных как на маленьких читателей, так и на взрослых. Исследовались обстоятельства написания произведения, а также не детские мотивы с точки зрения формального и подтекстового уровней. Выявлено намерение Есенина создать полноценный художественный текст в своей собственной традиционной манере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельская Л.А. Социальный заказ, или Две сказки для детей: [Сравнительный анализ детских сказок В.В. Маяковского и С.А. Есенина] // Русская речь. – 1993. – № 4. – С. 16 – 20.
2. Евдокимов И.В. Сергей Александрович Есенин [Электронный ресурс] / И. Евдокимов. Режим доступа: <https://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/evdokimov-i-sergei-aleksandrovich-esenin>.
3. Евдокимова В.Ю. С. А. Есенин как последователь Л. Н. Толстого: педагогический аспект // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 2016, № 4.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. – СПб: «Азбука», 2013. – 795 с.
5. Занковская Л.В. «Большое видится на расстоянии...» С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак [Текст]. – М.: Флинта, 2005.
6. Субботин С.И. Комментарии // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. — М.: Наука: Голос, 1995-2002.

M.N. Mirza

NON CHILDISH MOTIVES IN "THE TALE OF THE SHEPHERD PETYA ..." BY ESEENIN

The article is devoted to literary analysis of the "Tales of the Shepherd Petya, his commissarism and the kingdom of the cows" by Yesenin. In the course of the work various writing circumstances of the literary work were investigated, as well as not childish motives from the point of view of the formal and subtextual levels. The nature as a changing poetic picture is studied, and also the relation of the person and the world is looked into.

Key words: *not childish motives, literary traditions, autobiography, artistic and aesthetic background.*

Поступила в редакцию 24.02.2020 г.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАВНОДУШИЯ В РОМАНЕ
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

В статье рассматривается образ Печорина, а также то, как он раскрыт в романе. Ведущим композиционным принципом произведения является принцип концентрированного углубления в мир душевных переживаний героя. При анализе языковых средств представления эмоциональной сферы раскрывается психология того или иного героя. Целью статьи являлось проанализировать особенности языковых средств, помогающих раскрыть эмоциональную сторону речи героев произведения.

Ключевые слова: эмоциональная сторона речи, языковые средства, равнодушие.

История разочарованной и гибнущей печоринской души изложена в исповедальных записках героя – со всей беспощадностью самоанализа. Будучи одновременно и автором, и героем «журнала», Печорин бесстрашно говорит и о своих идеальных порывах, и о темных сторонах своей души, и о противоречиях сознания. Но этого мало для создания объемного образа.

Столкновения между Печориным и другими персонажами даёт возможность с особой четкостью показать его отличие от них, его ущербность по сравнению с ними и одновременно безусловное его превосходство, и основная функция всех персонажей романа состоит в том, чтобы раскрыть центрального героя. Это лишний раз подчеркивает его эгоцентризм. Печорин занят только самим собой. Он проявляет власть над чужой душой (Бэла, Мери, Вера), управляет чувствами других людей (Грушницкий, Мери), испытывает собственную волю (Вулич, казак из «Фаталиста»).

Поставив способность к любви в зависимость от нравственности окружающих, «герой нашего времени» полностью отсек для себя возможность исцеления и пришел в состояние, когда страдания другого человека, да и сама жизнь его становятся лишь забавой, топливом для эмоций, хоть как-то теребящих его ледяное сердце: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие – подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, – не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость» [4, II, с. 540].

Итак, рассмотрим лексические особенности выражения равнодушия Печорина в «Герое нашего времени».

Роман «Герой нашего времени» изобилует лексическими средствами эмотивности. К ним относятся слова, выражающие эмоции, и слова сообщающие о них; эмотивная лексика, которая выражается понятиями и прямыми эмоциональными переживаниями;

слова, которые не выражают, а называют эмоции; слова, указывающие на причину или признак эмоции, а также слова, обозначающие способы невербального выражения эмоций (фразеологические обороты). Все эти средства придают речи героев образность и выразительность.

Повествование идёт от разных лиц: от первого лица, что придаёт произведению характер и интонацию исповеди, искреннего и чистосердечного повествования о пережитом, от лица Максима Максимыча и рассказчика, что позволяет по-разному увидеть образ Печорина. Превалирующими эмоциями в романе служат эмоции скуки, равнодушия и разочарования.

Эмоция скуки является самой частотной в произведении:

1. Мне стало **скучно** и гадко.
2. Холодно; ветер свищет и колеблет ставни... **Скучно!** Стану продолжать свой журнал, прерванный столькими странными событиями.
3. Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж **скучно**.
4. Она недовольна собой: она себя обвиняет в холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это уж знаю наизусть – вот что **скучно!**
5. Я стал читать, учиться – науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди – невежды, а слава – удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало **скучно**... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что **скука** не живет под чеченскими пулями – напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимание на комаров, – и мне стало **скучнее** прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду.
6. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, – только мне с нею **скучно**...
7. – Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?.. как?.. что подделывали?..
8. – **Скучал!** – отвечал Печорин, улыбаясь.
9. Упрек! **скучно!** Но я его заслужил...
10. Она недовольна собой: она себя обвиняет в холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это уж знаю наизусть – вот что **скучно!**

Частое описание эмоции скуки свидетельствует о равнодушии и разочарованности героя. Печорин стремится найти то, что будет являться источником счастья, однако все начинания заканчиваются разочарованием и становятся скучными. Например, в главе «Княжна Мери» главный герой замечает: «Сердце мое болезненно жжалось, как после первого расставания. О, как я обрадовался этому чувству! Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее прощальный взгляд, последний подарок – на память?..» [3, II, с. 527]. Однако это чувство было мимолетным. В конце главы Печорин приходит уже к другому пониманию: «И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие – исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я **понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно**. Чего мне еще надобно? – ее видеть? – зачем? не все ли кончено между нами?

Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться» [6, II, с. 576-577].

Равнодушие также находит выражение в монологах Печорина о бессмысленности жизни. Например, «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных» [5, II, с. 564].

В следующих отрывках из произведения ярко прослеживается равнодушие главного героя, что выражается через описание отсутствия способности испытывать такие чувства, как грусть, печаль, счастье, радость, страсти, либо быстрого разочарования в перечисленных эмоциях:

1. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле **без убеждений и гордости, без наслаждения и страха**, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, **мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного счастья, потому знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению**, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, **ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и истинного наслаждения**, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или судьбою...

2. Как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, – **прости любовь!** мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова.

3. Во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: **к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня**; мне осталось одно средство: путешествовать.

4. **Печальное нам смешно, смешное грустно**, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя.

Часто при описании чувств Печорина автор использует такую характеристику, как «холодность»:

1. Он на пороге остановился: ему хотелось пожать мне руку... и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею; но я остался **холоден**, как камень – и он вышел.

2. Прошло минут пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова **холодна**; как я ни искал в груди моей хоть искры любви к милой Мери, но старания мои были напрасны.

3. И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но **холодное**, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой.

Такая характеристика чувств героя позволяет сделать вывод об отсутствии интереса к окружающим Печорина героям, о его равнодушии.

Весьма важны описания невербального выражения эмоций главного героя. В частности, такие жесты, как «пожал плечами», отсутствие эмоций на лице, холодный взгляд свидетельствуют о равнодушии героя к происходящим событиям. Например:

1. – Хотите ли этого? – продолжала она, быстро обратясь ко мне... В решительности ее взора и голоса было что-то страшное...

– Зачем? – отвечал я, пожав плечами. – Я вам скажу всю истину, – отвечал я княжне, – не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю...

2. Ее губы слегка побледнели...

– Оставьте меня, – сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

3. Все в один голос вскрикнули.

– Finita la comedia! – сказал я доктору.

Он не отвечал и с ужасом отвернулся.

Я пожал плечами и раскланялся с секундантами Грушницкого.

4. Он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку.

Таким образом, все лексические средства направлены на раскрытие внутреннего мира главного героя и подчеркивают его глубокое разочарование в жизни, в окружающих людях, скуку, ощущение бессмысленности существования. Все перечисленные чувства выражают равнодушие Печорина к окружающему.

К отдельной группе выражения равнодушия можно отнести использование тропов и фигур речи. При помощи стилистических средств М.Ю. Лермонтов показывает противоречивый характер Печорина: он способен искренне и глубоко любить и вместе с тем играть чувствами той, кого он любит, способен видеть красоту окружающей его природы и хладнокровно подавлять в себе чувства, убеждая себя в том, что это ни к чему не приведет.

Можно выделить следующие примеры использования средств художественной выразительности, выражающих равнодушие главного героя.

Метафора:

1. В этой напрасной борьбе я истощил и **жар души**, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни.

2. У меня на **сердце был камень**.

3. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. **Во мне два человека**: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй?

4. И с той поры сколько раз уже я **играл роль топора в руках судьбы!** Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления...

5. Мое **сердце превращается в камень**, и ничто его не разогреет снова.

6. Я **сделался нравственным калекой**: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию.

Сравнение:

1. Мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге.

2. Я остался холоден, как камень.

3. Я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший свет жизни.

4. Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты.

5. Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря.

Фразеологизм:

1. Я давно уж живу не сердцем, а головою.

Эпитет:

1. Моя **бесцветная** молодость протекала в борьбе с собой и светом;

2. И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но **холодное, бессильное** отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой.

Важное место в романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова занимает портрет главного героя, который также создается с использованием стилистических средств. С портретом Печорина мы знакомимся в главе «Максим Максимыч». Внешность Печорина подчеркивает внутреннее состояние героя. Это позволяют нам увидеть слова с яркой стилистической окраской **«широкие плечи доказывали крепкое сложение», «изобличавшее привычки порядочного человека», «верный признак некоторой скрытности характера».**

Насыщенный лексический уровень позволяет нам увидеть яркий образ Печорина. Автор рисует не статичный портрет героя, он наблюдает за ним: Печорин садится, и мы видим сравнение Лермонтова: **«Он сидел, как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала»** [1, II, с. 493], которое позволяет нам увидеть эту «нервическую слабость». Мы видим усталость Печорина от жизни, бездействие, равнодушие. Продолжая описывать героя, Лермонтов говорит: «...его бледный, благородный лоб, на котором, только при долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства...» [1, II, с. 493]. При помощи прилагательных автор рисует портрет Печорина, подчеркивающий, несмотря на его молодость, наличие жизненного опыта, рассказчик замечает морщины, «...обозначавшиеся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства...» [1, II, с. 493].

Обращает на себя внимание то, что целый абзац Лермонтов посвящает глазам Печорина. Автор открывает описание восклицанием: «Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся!» [2, II, с. 494], продолжает вопросом: «Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?» [2, II, с. 494]. В следующем предложении автор подчеркивает, что взгляд отражает внутреннее состояние героя. Раскрывая сущность Печорина через его взгляд, автор использует метафору: **«...сияли каким-то фосфорическим блеском»** [2, II, с. 494]. Далее Лермонтов подчеркивает: «То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его – непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен». Мы видим, что первая часть предложения построена на антитезе: **душевный жар контрастирует с холодным блеском гладкой стали.** Во второй части стоит автор акцентирует внимание на описании взгляда, состоящего из трех прилагательных, два из которых являются эпитетами: «...взгляд его – непродолжительный, но пронизательный и тяжелый». И в конце мы опять видим антитезу: «...взгляд его ... мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен». Все предложение выражает противоречие: противоречие Печорина и окружающего мира, но главное – антиномию – внутреннее противоречие, выраженное в одном лишь взгляде.

Таким образом, можно сделать вывод, что М.Ю. Лермонтов использует разные типы стилистического выражения. В романе автор сумел во многих из использованных им тропов (метафор, олицетворений, сравнений, эпитетов) органически сочетать глубокую эмоциональную экспрессивность с живой и конкретной образностью. В тексте для

эмотивности используются такие стилистические средства, как метафора, сравнение, фразеологизм, эпитет, антитезу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. – М.: Правда, 1990. – 493 с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. – М.: Правда, 1990. – 494 с.
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. – М.: Правда, 1990. – 527 с.
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. – М.: Правда, 1990. – 540 с.
5. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. – М.: Правда, 1990. – 564 с.
6. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. – М.: Правда, 1990. – 576-577 с.

T.S. Russkikh

LEXICAL MEANS OF REPRESENTING INDIFFERENCE IN M.Y. LERMONTOV'S NOVEL «THE HERO OF OUR TIME»

The article examines the image of Pechorin, as well as how it is revealed in the novel. The main compositional principle of the work is the principle of concentrated deepening into the world of spiritual experiences of the hero. When analyzing the language means of representing the emotional sphere, the psychology of a particular character is revealed. The purpose of the article was to analyze the features of language tools that help to reveal the emotional side of the speech of the characters of the work.

Key words: *emotional side of speech, language tools, indifference.*

Поступила в редакцию 13.02.2020 г.

УДК 82-225«18»

Е. Ю. Сеченых

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЖАНРА КОМЕДИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается жанр комедии в творчестве А. Сумарокова – на этапе формирования этого типа произведения в русской литературе XVIII века. Детально анализируется пьеса А. Сумарокова «Тресотиниус». Утверждается, что А. Сумароков только в 60-70-е годы XVIII столетия создаёт жанровую модель русской комедии. Актуальность темы обусловлена интересом к рассмотрению становления комедии в России. На примере «Тресотиниус» А. Сумарокова совершается попытка глубже вникнуть в жанровую специфику комедии, определить её роль в борьбе двух литераторов – В. Тредиаковского и А. Сумарокова. В ходе исследования были определены памфлетный и пародийный характер комедии, а также её роль в литературной среде того времени.

Ключевые слова: *жанр, комедия, памфлет, сатира.*

Жанр комедии сформировался в русской литературе во второй половине XVIII столетия, и во многом опирался на рационалистическое представление о мире как гармоничном, «разумно организованном».

Эти установки, бесспорно, нашли отражение в комедийном творчестве А. Сумарокова.

Первые опыты А. Сумарокова в жанре комедии, конечно же, носили поисковый характер. Жанровая модель русской комедии ещё не сложилась. Не был найден сюжетообразующий конфликт, пьесам первого этапа не хватает жизнеподобия, национальной специфики, не развита интрига и т.д.

Поиски новых возможностей в жанре комедии А. Сумароков продолжал и достиг успеха в последующие десятилетия.

А. П. Сумароков первый в отечественной драматургии, кто обратился к жанру комедии. Его творчество необходимо рассматривать в эволюции: от первых комедийных этюдов до появления относительно зрелой пьесы «Рогоносец по воображению». Исследователь Г. Гуковский, рассматривая эволюцию творческого пути драматурга, выделил 3 основных периода: 1) 1750-е гг.; 2) 1760-е гг.; 3) 1770-е гг.

Предмет нашего исследования – становление жанра комедии на русской почве. Мы детально рассматриваем первый этап формирования русской комедии. Это период, когда драматург, с одной стороны, опирался на опыт западноевропейский, а с другой – стремился создать национальную модель жанра комедии.

В литературе XVIII века развиваются две жанровые традиции – сатирическая и одическая. В творчестве А. Сумарокова заметно разнообразие и «низких», и «высоких» жанров, «скрещивание» одической и сатирической установок. Вышесказанное обуславливает появление пафоса. Автор был универсален в выборе жанров, его творческая система – индивидуальна по своей сути, что и определяет своеобразный «синтез» жанров: «низкие» жанры влияют на «высокие», и наоборот. Сначала А. Сумароков писал трагедии. Комедии появляются позже, как необходимость решать проблемы времени через осмеяние. Известно, что драматург настаивал на том, что комедия, в первую очередь, должна быть «смешной».

А. П. Сумароков свои первые комедии («Тресотиниус», «Чудовищи», «Пустая ссора») писал прозой. В каждой из них отсутствует классическая композиция, свойственная западноевропейским комедиям. По своему объему произведения небольшие, но с большим количеством действующих лиц (в «Тресотиниусе» их десять). Сатирическое начало не является ведущим во всех комедиях драматурга. Этот жанр наследует у сатиры бытописательность, ориентацию на устную разговорную речь.

Комедия «Тресотиниус» была начата и закончена в 1750 г. Она по своему жанровому характеру памфлетна – отображается полемика, которая происходила в литературной среде.

К нам пьеса дошла не в первоначальном виде, так как была подвержена переработке. Структура комедии состоит из восемнадцати явлений. В основе сюжета – бытовой и любовный конфликты, характерные для ряда ранних комедий А. Сумарокова.

Следует отметить, что бытовой сюжет не становится главным в комедии. Вся пьеса строится на обличении и унижении. Мы видим уже с самого начала «Тресотиниус», что в пьесе совпадают многие поведенческие черты; особенности стиля Тресотиниуса и В. Тредиаковского (явное созвучие фамилий). Окончание -ус указывает нам на увлечение В. Тредиаковского латынью.

Как отмечалось выше, А. Сумароков высмеивает и пародирует В. Тредиаковского. Все пьесы 1750-х гг. отличаются от других пьес драматурга – большим количеством действующих лиц и простой интригой. Место действия в «Тресотиниусе» не указано, что очень роднит его с народным театром. Обстановка тоже условна, сюжетной линией

является сватовство разных женихов к главной героине. За руку Клариссы соперничают: Тресотиниус и Брамарбас (заметим, что любит девушка другого человека – Доранта). Герои пьесы создаются автором специально для обличения главного персонажа. Типичные герои: 1) ученый-педант (Тресотиниус, Ксаксоксимениус, Бобембиус); 2) воин, который всех обманывает и вводит в заблуждение своими фальшивыми подвигами (Брамарбас); 3) слуга (Кимар); 4) любовники (Кларисса и Дорант).

Пьеса носит пародийный характер. Это способствует появлению дополнительного смехового эффекта действия. Вместе с этой пародийностью текста одним из основных приемов приобретения комизма становится у А. Сумарокова каламбур: контекст, в котором слово выступает сразу в двух значениях — прямом и переносном, предметном и метафорическом.

Приведём пример из «Тресотиниус», где герои в комично-пародийной форме спорят о графике буквы «т»:

Тресотиниус. Я содержу, что твердо об одной ноге правильнее; ибо у греков, от которых мы литеры получили, оно об одной ноге, а треножное твердо есть некакой урод, не имущий с греческим твердо ни малого свойства.

Бобембиус (Кимару). Ты, высокоблагородный и высокопочтенный господин, которого мнения?

Кимар. Я противного мнения и твердо треножное твердо одноножному предпочитаю. У этого, ежели нога подломится, так его и брось; а у того хотя и две ноги переломятся, так еще третья останется.

Бобембиус (Кимару). Хотя ты и не тем доводишь, однако правильно рассуждаешь.

Тресотиниус. А я против вас обоих спорю, да хотя б вас и еще было больше, что прямое твердо есть одноножное, а треножное твердо есть урод [1, с. 298 — 299].

В этом памфлетно-каламбурном споре о написании буквы «т», подчеркиваются два разных мнения о ее славянском названии «твердо» («т» – «твердо треножное») и латинском («t» – «твердо одноножное»). Разные способы написания буквы отсылают нас напрямую к критикующему церковно-славянскую орфографию Трелиаковскому. Теоретическая статья «Разговор об орфографии...» 1748 года, где автор переосмысляет правила старой церковно-славянской орфографии.

Отличительные черты комедии – её карикатурность, отчётливо выраженная адресованность, сатирическая направленность, острота языка и стиля, борьба с «неправильными» представлениями о языке и стиле.

В качестве специфики структуры выделим: а) наличие фарсовых сцен (осмеяние претендентов на руку Клариссы); б) отсутствие единства действия; в) каждый герой типизирован (характер каждого показан через призму главных пороков). Нельзя не заметить то, что по своей художественной форме комедия очень близка с интермедией и народным фарсом: и там, и там главной особенностью является отсутствие классических канонов, а композиция построена на основе комических сцен, которые быстро сменяют друг друга.

Подчеркнём, что фабула комедии незамысловата. В произведении описывается, как Оронт (отец Клариссы), пытается выдать её замуж. Перед нами вереницей появляются разные герои, каждый из которых вобрал в себя тот или иной недостаток: ненастоящая образованность и бахвальство (педанты Тресотиниус, Бобембиус, Критициондиус), чванство и трусость (Брамарбас), бюрократизм (подьячий Хабзей). Каждый из образов задуман А. Сумароковым для того, чтобы подчеркнуть и осветить публике ту или иную негативную черту В. Трелиаковского: будь это склонность к витиеватым выражениям, преклонение перед церковнославянскими и др. Свой характер персонажи раскрывают в диалогах. Главной целью А. Сумарокова было именно обличение определенного качества героя. От этой цели зависит вся структура данной пьесы.

Приёмы фарсовости и пародийности А. Сумароков перенимает у двух западноевропейских драматургов – Мольера и Гольберга. Истоки главного героя – Тресотиниуса восходят к мольеровскому герою – Триссотену («Учение женщины»), а вот, например, Бобембиуса и Брамарбаса – к комедии датского комедиографа Гольберга «Брамарбас, или хвастливый офицер».

В «Тресотиниус» мы наблюдаем характерный для всей комедийной традиции образ жениха-педанта. Как жених Тресотиниус изображён знающим множество языков, человеком «учёным»: «<...> он знает по-арапски, по-сирски, по-халдейски, да диво, не знает ли он еще и по-китайски; и на всех этих языках стихи пишет, как на русском языке» [2, с.296]. Намек на должность, которую занимает в академии В. ТрEDIAKовский. А. Сумароков всячески стремится подчеркнуть «низкое» происхождение оппонента. Своей невесте Клариссе Тресотиниус не нравится, ведь девушка говорит: «<...> я лучше умру или в монастырь пойду, нежели буду за ним» [1, с.296].

Главный герой тесно связан с ещё тремя персонажами, их образы дополняют друг друга. Это – Бобембиус, Ксаксоксимениус, Брамарбас. Отметим, что эти образы похожи между собой по своей антагонистской окраске – подчеркивается их ярко выраженные педантичность и трусость, а также восхваление самих себя.

В одном из эпизодов Тресотиниус расхваливает свою песню: «<...> песенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами» [1, с.296]. Здесь явно пародируется песня В. ТрEDIAKовского «Приятная приятность».

Выделим черты, в которых мы можем узнать личность В. ТрEDIAKовского в данной пьесе: 1) хваление Тресотиниусом собственных сочинений; б) переключки с языком ТрEDIAKовского – «песенка», «очюнь», «преобидные обиды» и др.; в) частое рассуждение о буквах, спор Тресотиниуса с Бобембиусом, о форме буквы «т».

Сравним песенку Тресотиниуса и лексику, свойственную сочинениям В. ТрEDIAKовского. Здесь можем проследить явную отсылку к увлечению В. ТрEDIAKовским хореическим размером стихов.

Тресотиниус (читает).

Видеть мне тебя есть драго,

О богиня всей любви!

Только то мне есть не благо,

Что живешь в моей крови... [1, с.296].

В тексте есть славянизмы «драго», «благо»; метафора «богиня любви» («Езда в остров Любви», любовь к античным образцам). В. ТрEDIAKовский руководствовался правилами, зафиксированными образцами, был склонен к тавтологии. В одном из эпизодов, обращаясь к Клариссе, Тресотиниус говорит: «Прекрасная красота, приятная приятность» [1, с. 296]. Этой репликой А. Сумароков высмеивает также стилистические плеоназмы В. ТрEDIAKовского.

Герой включен автором одновременно в две интриги – литературную (как сочинитель песен) и бытовую (как сватающийся жених). Как мы можем заметить в финале – он проигрывает и там, и там, оставшись ни с чем.

В комедии образ любящих друг друга людей – Дорант и Кларисса, которые в конце воссоединяются. Любовная линия не оказывает на ход сюжета никакого воздействия. Она не является главной, потому что в произведении нет единого действия (что характерно для ранних комедий А. Сумарокова). Мы наблюдаем, что в пьесе все герои так или иначе связаны с итальянской народной комедией.

В конце комедии в брачный контракт хитрый и мелкодушный подьячий (судейский чиновник) вписывает имя не Тресотиниуса, а Доранта. Подьячий в комедии – символ бюрократии. Интересным и одновременно колким является то, что Тресотиниус, будучи

отверженным Клариссой говорит: «Я против вас наделаю сатир полтораста»[1, с.308]. Здесь мы чувствуем очередную отсылку к В. Тредиаковскому (отвечать в свойственной ему манере своим литературным оппонентам).

Итак, в репликах главного героя Тресотиниуса, ощутима пародия на слог В. Тредиаковского. А. Сумарокову удался сатирически меткий памфлет на поэзию своего оппонента (песенка Тресотиниуса). В комедии В. Тредиаковский показан как сочинитель неинтересных, однообразных стихотворений, уныло рассуждающий о языке и стиле. Укажем, что данная пьеса оказала неприятное воздействие на В. Тредиаковского, очень его обидела.

Следует подчеркнуть, что в комедии А. Сумароков не обошелся одним лишь осмеянием своего личного противника. Драматург напал здесь и на схоластическую науку, идущую в разрез с реальной жизнью (речь, насыщенная славянизмами, третьего педанта – Ксаксоксимениуса).

Таким образом, в рассмотренной комедии «Тресотиниус» отразилась характерная для эпохи классицизма литературная борьба А. Сумарокова и В. Тредиаковского. Споры литераторов, как отмечает исследователь творчества В. Тредиаковского, Б. Успенский: «Имеют первостепенное историко-культурное значение: в ходе этой распри в негативной, полемической форме отрабатываются программные установки, которые определяют направление литературного развития» [2, с. 115].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сумароков А.П. Драматические сочинения. Л., 1990.
2. Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории рус. яз. и рус. культ. – М.; ИНДРИК, 2008.

E. Y. Sechenykh

AT THE ORIGINS OF THE FORMATION OF THE COMEDY GENRE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XVIII CENTURY

The article considers the genre of comedy in the works of A. Sumarokov – at the stage of formation of this type of work in XVIII century russian literature. The play by A. Sumarokov «Tresotinius» is analyzed in detail. It is alleged that A. Sumarokov only in the 60-70s of the XVIII century creates a genre model of Russian comedy.

Key words: genre, comedy, pamphlet, satire.

Поступила в редакцию 12.02.2020 г.

УДК 81`42

А.М. Шевкопляс

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ НА ОСНОВЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

Данная статья посвящена разбору «языковой игры» как явления и её проявлению на синтаксическом уровне в романе В.В. Набокова «Отчаяние». Автором был проведён анализ текста произведения, выявлены основные положения и особенности реализации игрового начала, а также способы достижения с его помощью художественных задач.

Ключевые слова: синтаксис, языковая игра, предложение, абзац, интертекст, синтаксическая конструкция

Часть 1

Творческое наследие Владимира Набокова критики наделяют разнообразными щедрыми, подчас мало что проясняющими эпитетами: «выдающийся стилист», «русско-американский писатель», «экзистенциально-элитарный романист», «феномен». Его творчество стало связующим мостиком между реализмом XIX в. и модернизмом XX в.

Набоков как субъект словесной игровой деятельности задает свои правила игры, свою парадигму художественного мышления, согласуемую со средством деятельности – поэтическим языком.

В 1926 году выходит первое прозаическое произведение В. Набокова «Машенька». Вслед за «Машенькой» появились «Король, дама, валет» (1928), «Защита Лужина» (1930), «Подвиг» (1932), «Камера обскура» (1933). В 1934 году в свет выходит роман «Отчаяние», исследование языка которого и составляет цель этой работы. Основное внимание мы уделим языковой игре Владимира Набокова в лингвистическом аспекте.

В настоящее время объектом пристального изучения исследователей стало понятие «языковой игры». Термин, принадлежащий австрийскому философу Л. Витгенштейну, в современной науке получил двойное толкование: первое – широкое, философское (вслед за автором), второе – узкое, собственно лингвистическое. Согласно В.З. Санникову, языковая игра есть «украшательство речи», которое «обычно носит характер остроты, балагурства, каламбура, шутки». Р.Ф. Рахимкулова определяет языковую игру как совокупность игровых манипуляций с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами. Проблема игры приобретает особую значимость в современной литературе. Некоторые исследователи вообще полагают, что наступила тотально игровая эпоха в искусстве, и неигровое отношение художника к материалу теперь просто недопустимо.

Таким образом, языковая игра размывает границу между «языком» и «речью», точнее, между кодифицированным литературным языком и разговорной речью. Языковая игра «двунаправлена по отношению к языку и речи». [4, с. 7]

Наиболее фундаментальным исследованием, посвященным языковой игре, является книга В. З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры», где языковая игра рассматривается как вид лингвистического эксперимента, позволяющего натолкнуть исследователя на серьезные размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней систем языка (лексического, фонетического, словообразовательного, морфологического, синтаксического). Среди них определенное место занимает языковая игра, в создании которой задействованы синтаксические единицы. Необходимо отметить, что потенциал синтаксических средств в создании языковой игры достаточно подробно изучен В. З. Санниковым.

Таким образом, объектом нашего исследования является модель языковой игры в романе В. Набокова «Отчаяние» на синтаксическом уровне. Предмет исследования – функции и средства реализации игрового начала в набоковском повествовательном дискурсе. Актуальность работы состоит в том, что языковая игра интерпретируется как специальный приём, который включается В. Набоковым в текст для достижения художественных задач.

Часть 2

В. В. Набоков в своих романах активно использует языковую игру как инструмент сокращения дистанции между автором и читателем, стремится поставить нас на один с ним уровень. Путём применения необычных языковых конструкций, выхода за устоявшиеся границы модернизма и выработкой собственного уникального стиля, В.В.

Набоков не просто привлекает к своим произведениям вдумчивого читателя, способного оценить языковую игру как один из инструментов языка. Он заставляет получить эстетическое удовольствие от чтения, погружения в мир интертекста и разгадки авторских головоломок. «Я работаю трудно, работаю долго над словом. Если читателю, в свою очередь, приходится потрудиться – еще лучше. Искусство дается трудно», – сказал В. Набоков в одном из интервью. Этому принципу он не изменил ни в один из периодов своего творчества.

Набоков в этом своём романе вновь обращается к немецкому материалу и криминальному сюжету. Берлинский предприниматель задумывает и совершает «идеальное убийство» с целью получить страховку, а затем пишет об этом повесть, перечитывая которую, с ужасом обнаруживает зафиксированный в ней изъян своего хитроумного замысла.

В данной статье рассматриваются синтаксические средства выражения в романе Набокова «Отчаяние». Анализ данных средств является важным для правильной интерпретации текста.

Основными единицами синтаксиса являются *словосочетание, предложение и абзац*. Рассмотрим каждую из этих единиц в синтаксическом строе романа на конкретных примерах.

Словосочетание

Г. Я. Солганик отмечает особую роль словосочетания в синтаксических конструкциях: «В соединении слов отражается не только объективная связь между предметами действительности, но и воля, желание говорящего соединять те понятия, которые необходимы ему для выражения определенной мысли, определенного отношения к соединяемым понятиям».

В. Набоков часто использует в словосочетаниях эпитеты, несовместимые с главным словом, образуя таким образом оксюмороны: «*показаться профану, пускай умному профану...*», «*Из-за траурного дерева бесшумно появилась луна, — мрачная*».

Предложение

Разбирая использование *предложения* как синтаксической единицы, мы можем отметить, что автор намеренно использует простые и сложные предложения для отображения умственного уровня двух героев на уровне теста. Предложения, которые использует Герман – сложные, с множеством вставных элементов. Глава X, в которой Герман как бы пытается изобразить повествование от лица Феликса и начинает рассказывать историю его жизни с самого рождения максимально простым и очень отличающимся от повествования его самого слогом: «*Я с детства люблю фиалки и музыку. Я родился в Цвикау. Мой отец был сапожник, мать — прачка. Когда сердилась, то шила на меня по-чешски*».

Чувства, эмоции героев также часто передаются использованием вопросительных или восклицательных конструкций: «*Конан Дойль! Как чудесно ты мог завершить свое творение, когда надоели тебе герои твои! Какую возможность, какую тему ты профукал! <...> Безмерное удивление читателя!*».

Использование парцелированных конструкций при чтении заставляет читателя особо обратить внимание на парцелляты: «*Покойный отец мой был ревельский немец, по образованию агроном, покойная мать - чисто русская. Старинного княжеского рода*».

Структура повествования, подразумевающая длящийся процесс рассказывания, сам способ сочетания слов внутри предложений в тексте В. Набокова постоянно усложняются в связи ситуацией автокоммуникации. Рассказчик обращается как бы к самому себе, в связи с чем привычный строй предложений нарушается включением высказываний подобного типа: «*Утром девятого мая я, из гостиницы, в таксомоторе отправился... –*

Всё это скучно докладывать, убийственно скучно, – мне хочется поскорее добраться до главного, – но ведь полагается же кое-что предварительно объяснить»; «Если бы я не был совершенно уверен в своей писательской силе, в чудной своей способности выразить с предельным изяществом и живостью... – Так, примерно, я полагал начать свою повесть...»

Удивительная история встречи двойника сопровождается многочисленными неуместными отступлениями, перескакиванием с одной темы на другую. Мы видим, что это столкновение с собственной копией привело героя в сильное волнение, состояние возбуждения и живого интереса.

Примечательно, что ситуация оформления собственной речи описывается повествователем как трудоёмкий, длящийся во времени процесс, требующий обязательного осмысления. Рассказчик сравнивает себя с пожилым человеком, которым стремится успеть на уходящий автобус: *«Неужто не смею вскочить? Он воет, он ускоряет ход, он сейчас уйдёт за угол, непоправимо, – могучий автобус моего рассказа. Образ довольно громоздкий. Я всё ещё бегу».*

Автокоммуникативные высказывания такого типа, характерные для набоковского повествования, по сути представляют собой отдельный микротекст, оформленный как авторефлексия рассказчика. Он будто бы сам себе задаёт вопросы, размышляет и в конце концов отвечает на них, возвращая читателя к оговоренной ситуации: *«Ещё отмечу, что мне теперь как-то легче пишется, рассказ мой тронулся: я уже попал на тот автобус, о котором упоминалось в начале, и еду не стоя, а сидя, со всеми удобствами, у окна».* Кроме того, порой создаётся ощущение устной речи, когда рассказчик невольно немного отходит от темы, а после стремительно пытается вернуться в русло повествования. Или забывает какие-то факты, а после вспоминает, но не скрывает свою оплошность от читателя редактурой: *«Я что-то спутал. Это как во сне. Она ведь делала гоголь-моголь, а не кофе».*

Самый эмоциональный и острый момент романа – находка героем той самой ужасной оплошности, которую он совершил. И которая вдребезги разбила весь его план получения денег за страховку самого себя. Повествование вновь становится прерывистым, частые скачки от одной мысли к другой показывают нам высшую степень отчаяния человека. И вот. Он её находит: *««Вон в тот лес». «Туда?» — спросил он и указал...Палкой, читатель, палкой. Палкой, дорогой читатель, палкой. Самодельной палкой с выжженным на ней именем: Феликс такой-то из Цвикау. Палкой указал, дорогой и почтенный читатель, — палкой, — ты знаешь, что такое «палка»? Ну вот — палкой, — указал ею, сел в автомобиль и потом палку в нем и оставил < > Никогда в жизни я не был так удивлен...»* Такие многочисленные повторы слова «палка», во-первых, акцентируют на ней внимание, как на ключевом предмете, во-вторых, передают состояние абсолютного шока, осознания и отчаяния. Ясным становится название романа.

Абзац

Текст романа делится на разные по длине *абзацы*, и это членение функционально обусловлено. Рассмотрим это на примере отрывка, где Герман впервые встречается своего «двойника»:

«Теперь поглядим со стороны, — но так, мимоходом, не всматриваясь в лица, не всматриваясь, господа, — а то слишком удивитесь. А впрочем все равно, — после всего случившегося я знаю, увы, как плохо и пристрастно людское зрение. Итак, двое рядом на чахлой траве. Прекрасно одетый господин, хлопающий себя желтой перчаткой по колену, и рассеянный бродяга, лежащий ничком и жалующийся на жизнь. Жесткий трепет терновых кустов, бегущие облака, майский день, вздрагивающий от ветра, как вздрагивает лошадиная кожа, дальний грохот грузовика со стороны шоссе, голосок

жаворонка в небе. Бродяга говорил с перерывами, изредка сплевывая. То да сё, то да сё... Меланхолично вздыхал. Лежа ничком, отгибал икры к задку и опять вытягивал ноги.

«Послушайте, — не вытерпел я, — неужели вы ничего не замечаете?»

Перевернулся, сел. «В чем дело?» — спросил он, и на его лице появилось выражение хмурой подозрительности.

Я сказал: «Ты, значит, слеп».

Секунд десять мы смотрели друг другу в глаза. Я медленно поднял правую руку, но его шуйца не поднялась, а я почти ожидал этого. Я прищурил левый глаз, но оба его глаза остались открытыми. Я показал ему язык. Он пробормотал опять: «В чем дело, в чем дело?»

Было у меня зеркальце в кармане. Я его дал ему. Еще только беря его, он всей пятерней мазнул себя по лицу, взглянул на ладонь, но ни крови, ни грязи не было. Посмотрелся в блестящее стекло. Пожал плечами и отдал.

«Мы же с тобой, болван, — крикнул я, — мы же с тобой — ну разве, болван, ну видишь, ну посмотри на меня хорошенько...»

Я привлек его голову к моей, висок к виску, в зеркальце запрыгали и поплыли наши глаза».

Отрывок делится на большие и совсем маленькие абзацы-предложения. Первый абзац – большой по объему – наполнен рассуждениями повествователя, вставными конструкциями, отделёнными знаком тире, обращениями к читателю. Герман пытается отобразить картину повествования максимально ясно, чтобы читатель верил ему, поверил в столь сильное сходство его и Феликса. Он описывает окружающую обстановку как бы отстранённо, подчёркивает пассивность собеседника и не выдерживает. Далее идет деление на очень маленькие абзацы-предложения. Создается эффект напряжения, предложения здесь в большинстве своём простые по синтаксической конструкции, прерываются диалоговыми репликами.

Здесь же мы видим, как в прямую речь вмешиваются вкрапления косвенной и наоборот. Таким образом происходит смешение в сознании читателя личности автора и повествователя. В качестве основного субъекта речи и сознания может выступать не только автор, но и персонаж, слово которого облекается в формы прямой, косвенной, несобственно-прямой речи, влияет на речь автора-повествователя, образуя несобственно-авторское повествование.

Таким образом, «возможности, тонкости и «причуды» синтаксиса широко используются для создания комического эффекта. Языковая игра не только иллюстрирует некоторые синтаксические явления, но нередко особенно ярко высвечивает, подчеркивает их. Синтаксическая структура романа разнообразна и сложна, автор использует синтаксис во всех возможных проявлениях для формулировки мысли, создания образов героев, передачи напряжения. В дальнейшем целесообразно рассмотреть текст данного романа со стороны морфологического и лексического аспекта, место каламбуров и шарад в исследуемом тексте с учётом мультязычия автора, т.к. Владимир Набоков свободно владел русским, английским, французским и чуть хуже – немецким языком. И этот мультилингвизм значительно повлиял на языковую организацию текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахимкулова Г.Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова (к проблеме игрового стиля): Автореф. докт. дис. Ростов-на-Дону, 2004. С.7
2. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2000. – 552 с.
3. Филатова Е.А. Языковая игра как объект лингвистического исследования// Вісник

- Дніпропетровського університету. Серія : Мовознавство. - 2013. - Т. 21, вип. 19(1). - С. 286-292.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
5. Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса : монография. М., 2010. С.4

A. M. Shevkoplyas

ELEMENTS OF LANGUAGE-GAME BASED ON SYNTAX CONSTRUCTS OF VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL «DESPAIR»

This article is devoted to the analysis of the «language game» as a phenomenon and its manifestation at the syntactic level in the novel by Vladimir Nabokov «Despair». The author analyzed the text of the work, identified the main provisions and features of the implementation of the game beginning, as well as ways to achieve artistic goals with its help.

Keywords: *syntax, language game, sentence, paragraph, intertext, syntactic construction*

Поступила в редакцию 25.02.2020 г.

УДК 81'282

О.С. Шурупова

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

ПУТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассмотрены возможности лингвокультурологического исследования такого феномена, как сверхтекст. Актуальность темы обусловлена необходимостью дальнейшей разработки проблем связи языка и культуры, а также потребностью в создании методологии исследования сверхтекста. Автор описывает алгоритм анализа концептосферы сверхтекста; выявляет принципы выделения основных концептов локального сверхтекста; демонстрирует пример исследования концептосферы промышленного сверхтекста русской литературы.

Ключевые слова: *сверхтекст, концепт, мифотектоника, сверхтекстовая картина мира, промышленный текст*

В рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением и практической деятельностью человека – носителя языка, который использует его для общения с другими людьми и именно по лингвистическому каналу получает большую часть информации об окружающем мире. Ввиду этого немалую роль играет исследование текста и сверхтекста как феноменов культуры, в которых не только обретают подлинный смысл все языковые реалии, но и отражаются менталитет и сознание народа.

Лингвистику сверхтекста можно признать новым, перспективным направлением развития языкознания. В последнее время появляется много работ, посвященных заметной группе сверхтекстов русской культуры – локальным сверхтекстам, составляющие которых объединяются вокруг того или иного топоса. (Петербургский, Московский, Сибирский, Крымский тексты и т.д.). В пределах локального сверхтекста создается модель города или иного населенного пункта, которая может иметь мало общего со своим реальным прототипом. Так, реальный Санкт-Петербург весьма отличается от того призрачного города, образ которого создается в Петербургском тексте. Однако в ряде текстов,

созданных различными авторами в разное время, вновь и вновь воспроизводится та же модель (возможно, с некоторыми дополнениями). Говоря о сверхтексте, трудно утверждать, что тексты, созданные в разное время, обнаруживают стопроцентную модальную общность, однако все единицы сверхтекста должны быть до некоторой степени объединены своей целевой установкой – такой, например, как создание образа города, характеризующегося определенными особенностями (разумеется, это может быть далеко не единственной и даже не главной целью, которую преследует автор текста). Условием создания сверхтекста является способность текстов разных жанров, созданных различными авторами, объединяться в мифотектоническую парадигму, то есть в систему текстов, обнаруживающих общую, характерную для всех его составляющих мифотектонику, то есть некий культурный код, согласно которому тот или иной объект изображается во всех составляющих сверхтекста. Именно общая для всех единиц данной системы сверхтекстовая картина мира делает это образование самодостаточным.

Сверхтекстовая картина мира представляет собой сложно организованное семантическое пространство данного сверхтекста; картину мира, характерную для данного сверхтекста, включающую элементы субъективного, присущего индивидуально-авторским картинам мира каждого текста, входящего в сверхтекст, и одновременно отражающую объективный, целостный, свойственный всем составляющим сверхтекста взгляд на данный внетекстовый объект. Лингвокультурологическое исследование сверхтекста должно иметь своей целью именно постижение его сверхтекстовой картины мира.

Исследовать ее особенности становится возможным через обращение к языковой ткани сверхтекста. Слово выступает в качестве средства оформления, «материализации реальности текста; оно тот код, который позволяет репрезентировать текстовую информацию в человеческом сознании; оно – оболочка текста» [1, с. 69]. Чтобы постичь ее, необходимо выявление и комплексное исследование ключевых концептов данного текста, получающих репрезентацию в его словесной ткани.

Т.В. Цивьян, анализируя образ Венеции в стихах А.А. Ахматовой, использует выявляет повторяющиеся языковые элементы сверхтекста и использует для их обозначения термин «сигнатуры» [6, с. 43]. К основным сигнатурам Венеции, по мнению исследователя, относятся такие слова, как *вода, набережные, мосты, дворцы, палаццо, дождь, гондольер, рыбак, карнавал, стекло, зеркало, кружево, маска* и т.п. [6, с. 44]. Однако в процессе изучения сверхтекста важно не только выявить повторяющиеся в его составляющих языковые элементы (прежде всего слова), но подвергнуть анализу художественные концепты, получающие реализацию с помощью данных «сигнатур», а главное, постичь особенности их интерпретации в сверхтекстовой картине мира, которая может определенным образом отличаться от русской языковой картины мира.

Разумеется, едва ли возможно подвергнуть одинаково подробному и тщательному анализу все концепты того или иного сверхтекста, поэтому необходимо определить критерии, руководствуясь которыми исследователь сможет избрать именно тот ряд концептов, изучение которых позволит сделать выводы о строении концептосферы данной сверхтекстовой системы и об особенностях ее мифотектоники. Разумеется, полезным будет анализ ключевых концептов той культуры, в рамках которой создан конкретный сверхтекст. Однако трудно не согласиться с точкой зрения В.А. Масловой, которая считает, что количество основополагающих для русской культуры концептов, получивших репрезентацию в языке, превышает несколько сотен и определение их точного круга – задача неразрешимая [3], поэтому следует подвергать анализу отдельные группы концептов, которые соотносятся с важными для национальной культуры категориями. Отбирая их, следует руководствоваться не только принципом культурной разработанности, но и принципом частотности употребления (анализ нескольких

составляющих сверхтекста позволяет выявить те концепты, которые получают сходную репрезентацию и интерпретацию в большинстве данных текстов), а также принципом «ключевых слов», который в данном случае позволяет отобрать для анализа концепты, репрезентанты которых играют в ряде составляющих сверхтекста особенно важную роль, участвуют в организации мифотектоники сверхтекста.

Разумеется, едва ли возможно подвергнуть одинаково подробному и тщательному анализу все концепты околоядерной и периферийной зон, поэтому необходимо определить критерии, руководствуясь которыми исследователь того или иного городского сверхтекста сможет избрать ряд концептов, изучение которых позволит сделать выводы о строении концептосферы данной сверхтекстовой системы и об особенностях ее мифотектоники. Разумеется, полезным будет анализ ключевых концептов той культуры, в рамках которой создан конкретный сверхтекст. Однако трудно не согласиться с тем, что количество основополагающих для русской культуры концептов, получивших репрезентацию в языке, превышает несколько сотен и определение их точного круга – задача неразрешимая, поэтому следует подвергать анализу отдельные тематические группы концептов, которые соотносятся с важными для национальной культуры категориями. Особый интерес, по мнению В.А. Масловой, представляет исследование концептов русского языка, связанных с категориями времени и пространства. Так или иначе, в процессе анализа того или иного сверхтекста уместным будет выявить, какую роль играют ключевые концепты данной культуры в его смысловой организации.

По нашему мнению, помимо концептов, связанных с реалиями жизни конкретного города и получающих репрезентацию в словах – культурных маркерах (в Петербургском тексте это такие единицы, как *Медный Всадник*, *Невский проспект* и т.д.; в Московском – *Кремль*, *Красная площадь*, *Иверская*, *Арбат* и т.д.) необходимым будет анализ концептов, репрезентанты которых входят в следующие тематические группы:

- время (*день, утро, ночь, вечер, лето, осень, зима, весна*)
- явления природы (*дождь, туман, снег, ветер, река, дерево, птица* и т.д.);
- связанные со сферой природы концепты *свет* и *тьма*;
- внешнее пространство (*дом, сад, улица, площадь, памятник, церковь, кабак* и т.д.);
- внутреннее пространство (*лестница, комната, стол, кровать* и т.д.);
- эмоциональная сфера (*радость, тоска, счастье* и т.д.);
- цвета (*красный, зеленый, синий, желтый* и т.д.);
- звуки (*грохот, звон, музыка, пение* и т.д.);
- цифры (*три, семь, девять* и т.д.);
- человек (суперконцепты *мужчина, женщина*; а также концепты *чиновник, ростовщик, девушка, студент, старуха* и т.д.).

Думается, выявление и анализ ключевых концептов того или иного сверхтекста необходим для относительно полного постижения его культурных смыслов. Следующим этапом исследования должно стать моделирование концептосферы сверхтекста, состоящей из некоего ядра, представленного одним концептом или оппозицией концептов, околоядерной зоны, а также зон ближней и дальней периферии. С нашей точки зрения, в процессе исследования любого городского сверхтекста необходимо прибегать к обобщенной модели концептосферы подобной сверхтекстовой системы, ядром которой будет тот или иной топоним, околоядерную зону составят концепты, связанные с более абстрактными понятиями и нередко находящиеся друг с другом в отношениях бинарной оппозиции (*природа-культура, радость-тоска* и т.д.), а с каждым из них будет опосредованно связан ряд периферийных концептов, принадлежащих к вышеперечисленным группам (*день, туман, дом, церковь* и т.п.). Смыслообразующей для большинства городских сверхтекстов становится оппозиция *природа-культура*,

получающая языковое воплощение в ряде значимых для понимания сверхтекстового единства концептов. Например, в пределах Петербургского текста русской литературы, действительно, создается двойственное пространство, в котором природа противостоит культуре. Можно предполагать, что концепты *природа-культура*, как правило, вступающие друг с другом в отношения бинарной оппозиции, играют немаловажную роль в смысловой организации любого городского и локального сверхтекста.

Разумеется, каждый сверхтекст уникален, обладает особой экспрессивностью, и его конкретная концептосфера будет отличаться от разработанной нами обобщенной модели рядом особенностей: связанные с реалиями того или иного пространства концепты, не обязательно будут свойственны другим сверхтекстам; в пределах концептосферы каждого сверхтекста могут играть ключевую роль концепты, не получающие репрезентацию в других локальных сверхтекстах; в пределах сверхтекста получают репрезентацию и интерпретацию далеко не все концепты той или иной группы, а лишь некоторые из них. Использование обобщенной модели концептосферы в процессе исследования конкретного сверхтекста, тем не менее, поможет выявить уникальные, характерные только для него концепты, играющие немаловажную роль в его смысловой организации. Важно сопоставить особенности их интерпретации в сверхтекстовой картине мира и в русской языковой картине мира в целом.

Итогом анализа концептосферы сверхтекста и построения ее обобщенной схемы, по нашему мнению, будет выявление особенностей сверхтекстовой картины мира, которые проявляются в концептосфере того или иного сверхтекста. Это позволит сделать вывод о проявлении в данном городском сверхтексте особенностей той или иной культуры и о роли, которую городской сверхтекст играет в пределах этой культуры, прогнозировать его дальнейшее развитие и возможные изменения в его мифотектонике. Для иллюстрации возможностей лингвокультурологического исследования локального сверхтекста хотелось бы обратиться к недостаточно изученному в отечественной науке промышленному тексту русской литературы. В работах ученых липецкой школы достаточно подробно описаны особенности провинциального текста [4; 7], однако промышленный текст, в центре которого оказывается город, жизнь которого организована вокруг крупного завода или шахты, практически не подвергался подробному анализу. Тем не менее, можно указать на статью А.С. Марченко «Специфика региональной образности в поэзии донецких авторов», где подвергается анализу языковая ткань текстов, созданных донецкими поэтами [2]. Характеризуя региональную языковую личность, автор статьи указывает на обилие терминов, связанных с работой шахтера, в лирической поэзии, в том числе посвященной «малой родине».

Нам представляется необходимым систематическое исследование промышленного текста русской литературы. В пределах данной статьи представляется возможным наметить пути такого исследования и обозначить примерный круг концептов для анализа. Думается, ключевым концептом подобного сверхтекста должен стать концепт *завод*, реализующий признаки «промышленное предприятие», «крупный», «промысловый» [5, с. 504].

Стоит отметить, что большинство произведений об отечественных промышленных городах было создано советскими писателями. В годы пятилеток и индустриализации заводы и фабрики должны были изображаться с наилучшей стороны, тогда как изображения дореволюционных фабрик были довольно мрачными («Мать» А. Горького, «Молох» А.И. Куприна и т.д.). Но характерно, что повести А. Горького «Мать» и А.И. Куприна «Молох», где фабрики предстают как чудовища, пожирающие людей, вообще не входят в городской сверхтекст: в этих произведениях лишь кратко говорится о рабочих поселках, слободках и не создается устойчивого, узнаваемого образа города. При этом в тех текстах, где перед читателем предстает именно промышленный город как

пространство с узнаваемыми доминантными точками: заводом, домами рабочих, главной улицей, обычно появляется яркое, почти праздничное изображение городского пространства. Казалось бы, отталкивающим, обреченным кажется шахтерский город в повести современного автора Е. Гришковца: «Некрасивый город, от которого красоты и удобства не ждут». Однако даже герой этого произведения, познакомившись поближе с шахтами, где работает большинство горожан, меняет свое отношение и проникается гораздо более теплыми чувствами к этому населенному пункту.

Для промышленного текста русской культуры в целом типична ситуация, когда промышленный город, на первый взгляд, может показаться мрачноватым, однако персонаж текста постепенно привыкает к городу, и тот раскрывается перед изумленным гостем с новой стороны. Достаточно вспомнить чувства героини знаменитого советского кинофильма «Весна на Заречной улице», приехавшей работать в подобном месте: хотя учительницу запугивают, сообщая о постыдном бегстве ее предшественницы, величественные здания завода и широкая улица, по которой идет смена рабочих, производят скорее благоприятное впечатление, а придя в заводской цех, героиня ощущает почти восхищение. Подобные чувства разделяют героини произведений Ф. Гладкова «Цемент», Г. Николаевой «Битва в пути», В. Пановой «Времена года», которых город и завод встречают неприветливо, «молчаливо, сурово». Однако через некоторое время эти люди уже не могут представить иной жизни, чем в неласковом промышленном городе. Даже герой повести Е. Гришковца с удивлением убеждается, что «под землей... все... иначе.... Традиция, основательность и строгость... Шахта оказалась лучше, чем город».

Концепт *завод* в промышленном сверхтексте реализует не свойственные ему в стандартной языковой картине мира признаки «дворец», «место, где царит порядок», «школа жизни». Достаточно вспомнить песню из знаменитого кинофильма «Весна на Заречной улице» про «заводскую проходную, что в люди вывела». Даже в современных составляющих сверхтекста, например повести Е. Гришковца «Реки», ощущается любование промышленными объектами: «Я увидел четко организованную подземную структуру, созданную по науке... Я увидел порядок, причем осмысленный порядок, без суеты и излишеств». И неслучайно юная героиня романа Г. Николаевой Даша и вовсе идет на работу, нарядившись в лучшее платье, и с восторгом рассматривает цех. Завод предстает перед изумленным новичком как огромный дворец с «нарядной предзаводской площадью», цветником, легкими очертаниями арок. Залитый светом цех напоминает оранжерею, а в кабинете директора цветет огромный кактус. В данном сверхтексте репрезентанты концепта *завод* часто соседствуют со словами, объективирующими концепт *цветок*: «Помню, пришла первая партия новых станков. Мы их встречали с цветами... С одуванчиками, с лютиками... Теперь в заводском саду *розы* и *георгины*» (Николаева. Битва в пути); «Во всем цехе стены выкрашены белой краской, и везде *цветы* – на окнах и на подставках» (Панова. Времена года). В английском сверхтексте на фабрике нет места цветам.

Значимую роль в создании сверхтекстовой картины мира русского промышленного текста играет, напротив, концепт *свет*: «По-прежнему блистает пол восковым изразцом, и пыль не дымится на окнах; стекла (их — множество) дрожат голубыми и янтарными изломами *света*» (Гладков. Цемент); «*Солнце* слепило и *сияло* со всех сторон» (Николаева. Битва в пути); «Там, куда мы спустились, было довольно *светло*..., было много людей и не было сыро и холодно» (Гришковец. Реки).

В составляющих русского сверхтекста обычно демонстрируется жизнь города на протяжении года: так, действие романа Г. Николаевой «Битва в пути» начинается в марте, и перед читателем постепенно появляются весенние, летние, осенние и зимние пейзажи, одинаково прекрасные. Название романа В. Пановой «Времена года» отражает его основную мысль – изображение светлой, праздничной, кипучей жизни города Энска и его

завода на протяжении года. Производство начинается и заканчивается новогодними эпизодами. При этом в текстах отечественных авторов получает репрезентацию большое количество природных концептов, реализующих в пределах данных произведений положительные признаки. Природа в этом сверхтексте, как ни странно, достаточно мирно соседствует с заводами и фабриками: «Апрель пробивался сквозь ветры и морозы. Оседали источенные солнцем снега на бульварах... Ветви *деревьев* почернели живой, влажной чернотой, и четок стал их рисунок на прозрачной голубизне... Каждый самый крохотный *прутик* жил со всею силою жизни» (Николаева. Битва в пути); «Едва проглянет солнышко – начинает пахнуть мокрыми *листьями*, и живучая *ромашка* в расселине старой мостовой расправляет понурые лепестки» (Панова. Времена года); «Над нами были толщи и пласты, грунтовые воды,... какой-нибудь *березнячок* или *осинник*» (Гришковец. Реки).

Концепты *завод* и *город* обнаруживают в русском сверхтексте связь прежде всего с концептом *жизнь*: «Здесь, как и прежде, все нарядно, чисто, и в каждой детали машин дышит теплом любовная человеческая забота. Здесь упрямо *жил* человек, и от человека *жили* и напрягались ожиданием машины (Гладков. Цемент); «Город – *живой* организм, он функционирует непрерывно» (Панова. Времена года). Репрезентанты концепта *смерть* здесь редки. Ведущая тема этого сверхтекста – взросление человека, его духовный рост на фоне, с одной стороны, производственного процесса на заводе, с другой – обычной, привычной городской жизни. И в художественных текстах, и в кинофильмах о подобном городе пред читателем или зрителем часто предстает жизнь города в разные времена года, бывает показан переход от холодной зимы к весне.

Таким образом, сверхтекстовая картина мира, характерная для промышленного текста русской литературы, включает представления о городе, в котором все идет своим чередом, существует согласно раз и навсегда установленному порядку, где плавно сменяют друг друга времена года, а человек постепенно становится взрослее и мудрее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Ю.Н. Теория текста: учеб. пособие / Под ред. А.А. Чувакина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 224 с.
2. Марченко А.С. Специфика региональной образности в поэзии донецких авторов / А.С. Марченко // Новые горизонты русистики. – 2019. - №8. – С. 69-75.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
4. Попова Е.А., Черноусова И.П., Гончарова Т.В. и др. Провинциальный (липецкий) текст русской литературы: корпус текстов региональной направленности / Е.А.Попова. – Липецк: Липецк-Плюс, 2018. – 532 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т.1. – М.: Русский язык, 1985. – 696 с.
6. Цивьян Т.В. Семиотические путешествия / Т.В. Цивьян. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 248 с.
7. Шурупова О.С. Провинция в русской и английской литературе (городские сверхтексты) / О.С. Шурупова. – Тамбов: ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. – 179 с.

THE WAYS OF LINGUOCULTURAL RESEARCH OF THE INDUSTRIAL SUPER-TEXT OF THE RUSSIAN LITERATURE

This article considers the possibilities of linguoculturological research of such a phenomenon as super-text. The relevance of the topic is due to the need to further develop the problems of communication between the language and the culture, as well as the need to create a methodology for the study of a super-text. The author describes an algorithm for analyzing the conceptual sphere of super-text; reveals the principles of highlighting the basic concepts of local super-text; demonstrates an example of a study of the concept sphere of the industrial super-text of the Russian literature.

Key-words: *super-text, concept, mythotectonics, super-text picture of the world, industrial super-text*

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.

УДК 821.161.1-31"17"

Е. С. Володченко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ПОВЕСТИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ. РОЛЬ ЭТОГО ЖАНРА В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ПРОЗЫ XVIII ВЕКА

В статье детально рассматривается повесть Петровского времени «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли». Подчеркивается новаторский характер этого типа произведений; анализируется структура повести, повествовательная «манера анонимного автора». Прослеживается роль «Гистории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» в становлении русской прозы XVIII столетия.

Ключевые слова: *повесть, герой, повествование, структура.*

Повесть — это прозаический жанр, который занимает место между такими типами произведения, как роман и рассказ. Для повести характерно изложение сюжета в виде хроники, то есть когда жизнь течет своим чередом и события плавно следуют одно за другим.

Первая половина XVIII в., время царствования Петра I, является общепризнанной ключевой эпохой в истории России. С реформами Петра I связан момент перелома в исторических судьбах России. Его царствование сопровождалось коренными преобразованиями русской государственности, политики, экономики и культуры, не только открывает собой новое время национальной истории и культуры, но и до сих пор, в определенной степени, способствует развитию национальной жизни.

Несмотря на бурное развитие книгопечатания в эпоху Петра I основной круг чтения русского читателя составляли традиционные рукописные сборники повестей, или «Гистории...», как их стали называть в это время. Важно отметить, что процесс сознания этих сборников в переходную эпоху явно увеличился. Эти анонимные повести были очень популярны у русского читателя в первой половине XVIII в.

В первые десятилетия XVIII в. продолжают распространяться рукописные бытовые повести, известные на Руси еще с XVII в. Но именно под влиянием Петровских реформ в их содержании происходят существенные перемены, безавторские «Гистории...»,

ориентированные на свою историческую современность отразили новизну русского общественного быта в начале XVIII в., а также способствовали формированию иного типа сознания неизвестных нам авторов.

Появляется новый идейный пафос, новый демократический герой, новый стиль, отразивший процесс развития русского языка в ту переломную эпоху, — вот те жанровые признаки, которые позволяют говорить о повести Петровского времени как об эстетическом и литературном феноменах. Одним из образцов нового жанра является «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли».

Предмет нашего исследования — это становление жанра повести в русской литературе XVIII в. Детально рассматривается «Гистория о российском матросе Василии Кориотском...» с точки зрения формирования нового типа героя, нового быта, принципиально нового стиля и структуры произведения.

Подчеркивается, что повесть Петровского времени существенно отличается от сатирических повестей XVII века, а также определяется роль «Гистории...» в становлении русской прозы XVIII столетия.

«Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли» — одна из старейших российских повестей, которая была созданная во времена Петра I. Повесть известна по трём рукописям XVIII века, но её авторство неизвестно и остаётся предметом гипотез по сей день.

В «Гистории...» герой подвергается изменениям, появляется «герой нового времени». В повести рассказывается о приключениях дворянского сына Василия Кориотского, уроженца «Российской Европии». С детства окружённый «великой скудостью», он отправляется в «Санктпетербурх», записывается там в матросы и затем едет для обучения наукам в Голландию. Личные достоинства Василия становятся причиной уважения к матросу и его блистательных достижений. Российский матрос отличался умом, образованностью и инициативностью, а это те самые качества, которые именно в Петровскую эпоху начали позволять рядовым гражданам выдвигаться на авансцену русской общественной жизни. Новый аспект ценности человеческой личности, выработанный Петровской эпохой, со всей своей убедительностью воплощен в личности и биографии Василия Кориотского.

Идейное содержание «Гистории...» направлено на то, что отрицает старую жизнь. Старый уклад не отвечает ни потребностям, ни склонностям Василия Кориотского. Выходец из «Российских Европий», достигает прогресса в изучении наук, как говорится «в науке зело остёр» и в скором времени окончив свои дела в Европе, получает предложение остаться в Голландии и вести торговые дела. За короткий срок Василии делает огромный прыжок в своей карьере. В повести, которая не лишена авантюрного начала, корабль Василия попадает в бурю и тонет. Начинается захватывающее приключение среди разбойников, у которых он оказался после кораблекрушения. За собственные заслуги, храбрость, ум и находчивость, за способность находить выход, казалось бы в безвыходных положениях он становится атаманом у разбойников.

Кроме реальной новизны русского общественного быта в повести о российском матросе нашел свое отражение и новый тип личности, порожденный новым временем русской истории. Василий не просто герой Петровского времени, а именно молодой человек, который стремится через знания и служения Родине обрести достойное положение в обществе и стать опорой своему обедневшему отцу. Уже в самом названии повести появляется акцент на национальную принадлежность героя, Василий российский матрос, который наделен русской фамилией, тем самым он обретает национальную прописку. Кроме реальных черт Петровской эпохи, в обрисовке образа Василия Кориотского сказались также литературная традиция.

В образе Василия Кориотского заметны также черты, заимствованные из устного народного творчества. Разбойники избрали его в атаманы, «понеже видев его молодца удалого и остра умом». Это определение не случайная обмолвка. Действительно, Василий — это и «удалой добрый молодец», каким знает этот образ народное творчество.

Образ былинного «гостя», который отважно водит по морю свои корабли, не мог не отразиться на характере Василия, который сам водил по морю корабли, «галанского гостя» и готовился плавать в русском флоте. С другой стороны, в эпизоде пребывания Василия на разбойничьем острове особенно подчеркнуты в характере героя личная отвага, удаль и хитрость, которые и выручают его из беды.

Российского матроса Василия Кориотского от традиционных героев иноземных рыцарских и авантюрных романов отличает именно жажда знаний, определившая и изменение звучания одного из сюжетообразующих мотивов повести — мотива путешествия, который в русской повести перестает быть условным ходом, в связи с реалиями петровской эпохи. «Путешествие» соединяет отдельные фрагменты текстов в единое целое.

В повести присутствуют также мотив любви, именно здесь по-новому трактуется любовная тема. В «Гистории о Василии Кориотском...» любовь облагорожена. Она заставляет героя ради спасения Ираклии, дочери «Флоренского» короля, пренебречь опасностью, рисковать своей жизнью. Головокружительное превращение матроса Василия в короля также передает своеобразие Петровской эпохи.

Исследуя «Гисторию о Василии Кориотском», исследовательница Г.Н. Моисеева разделяет сюжет повести на две части. Стоит заметить, что некоторая нецелостность соединения этих частей и стала причиной повести «неоригинальной». На самом деле, первая часть значительно отличается от второй и стилистически, и идейными принципами, и даже описанием образа героя.

Первая часть представляет собой «зеркало» Петровской эпохи. Именно в первой части идет достоверное описание исторической деятельности. Здесь герой повести появляется перед нами идеальным воплощением реформ Петра I. Характер российского матроса представляет собой совокупность всей идеальных черт Петровского времени.

Автор «Гистории...» ставит своего героя в разнообразные и контрастные положения. В первой части произведения перед нами — обычный российский матрос, живущий в «великой скудости», затем матрос русского флота, выдвинувшийся «остротой ума» и успехами в «навигацкой науке», потом приказчик «галанского гостя», отважно ведущий суда по океану и совершающий крупные торговые операции. Буря и кораблекрушение едва не губят Василия, когда он задумал вернуться на родину. И вот в первой части мы наблюдаем приключенческий мотив, а также мотив путешествия.

Вторая часть описывает заграничные приключения Василия Кориотского, и имеет принципиальные отличия между первой частью. Российский матрос показан в первой части как передовой человек своего времени, а во второй характеризуется в свете своих постоянных, моральных качеств. Если первая часть была сосредоточена на карьере Василия, то во второй части уже находится место для любовной интриги и опасностей, которые раскрывают образ героя в новом ракурсе и с разных сторон.

Характер Василия во второй части довольно любопытный. В нем оригинально сочетаются элементы различных культурных слоев. Он «превратившись» в героя сказки, становится немного плутом, а встретившись с красавицей Ираклией, становится галантным кавалером. Образы Василия и Ираклии даны схематично. Основной движущей частью повести является любовная интрига между двумя героями, тем самым мы видим любовный мотив.

Изначально сюжетная линия первой части, которая повествовала о карьере российского матроса, значительно осложняется во второй части двумя мотивами:

фольклорным мотивом нахождения Василия в среде разбойников, а также любовным, который влечет за собой все дальнейшее повествование.

Вся вторая часть повести организуется любовными приключениями героя, осложняя его риторическую фигуру новыми ракурсами и возможностями для новых проявлений своего образа. Российский матрос явно перерастает себя изначально сформированного и выходит из-под авторского контроля. Составляющие характера Василия Кориотского, становятся настолько разнородными, что в их многообразии уже сложно проследить развитие изначально авторской установки.

«Гистория о российском матросе Василии Кориотском...» свидетельствует о накоплении романых черт. В повести художественное время насыщено ретроспекциями. Прямое развитие событий прерывается сначала предысторией королевны Ираклии, затем Василия и, наконец, второй исповедью матроса, которая была адресована теперь цесарю. Действие длится несколько лет и развивается по нескольким сюжетным линиям, тем самым усложняя хронотоп и картину мира, созданную в повести.

Язык повести довольно разнообразен. В нём мы видим смешения разных стилей: делового, торгового, военно-технического. Ряд слов и постоянных эпитетов заимствован из народного творчества (удалой молодец, темный лес, стежка, тын); с другой стороны, в повести довольно много славянизмов (живяше, рече, восприял, минувшу утру). Также в лексике произведения много примеров деловой речи, характерной именно для Петровской эпохи (фрунт, маршировать, шлюпка, вексель, пароль, драбанты, кирка, ария). Это дает нам возможность, сделать выводы, что повесть написана языком живым и достаточно ярким, близким к разговорной и деловой речи начала XVIII в.

И сюжет, и композиция, и стилистика повести определены центральным положением характера, задачей его максимально полного раскрытия. Все сюжетные эпизоды повести — служба во флоте и пребывание у голландского купца, жизнь на разбойничьем острове и пребывание при австрийском дворе, чудесное избавление от козней Флоренского адмирала, служба в работниках у бедной старушки в богадельне и, наконец, женитьба на Ираклии и царствование во Флоренции — построены по принципу контраста, перепада жизненных ситуаций от счастья к несчастью, от бедности к благополучию. Именно в таких ситуациях лучше всего могут проявиться личные достоинства характера.

Таким образом, мы видим что «Гистория о Василии Кориотском...», хронологически первая в ряду повестей Петровского времени, она продолжает традицию русской повести, и в силу исторического развития вносит в эту традицию ряд качественных изменений. В повести ощущается трансформация в описании образа героя в характере вымысла, а также осложняется любовная коллизия, которая не характерна для предшествующей русской повествовательной традиции. Это даёт возможность утверждать, что «Гистории...» Петровского времени представляют собой важное звено в процессе развития русской прозы XVIII столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калашникова О. Л. «Сей род сочинений пленителен...»: О русской прозе XVIII века. - Днепропетровск: Новая идеология, 2013. - 340 с.
2. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. Учебник/ О.Б. Лебедева. - М.: Высш. Школа; Изд. Центр «Академия», 2000. - 415 с.
3. Кузьмина В. Д. Повести Петровского времени // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. — 1941. — С. 117—136.
4. Сиповский В.В. Русские повести XVII-XVIII вв. — СПб., 1905. — С. 53-57.

**STORY OF PETER'S TIME. THE ROLE OF THIS GENRE IN THE
DEVELOPMENT OF RUSSIAN PROSE OF THE XVIII CENTURY**

The article examines in detail the story of the time of Peter the Great “The History of the Russian Sailor Vasily Koriotsky and of the Beautiful Queen of Heraclius in the Florence Land”. The innovative nature of this type of work is emphasized; The structure of the story, the narrative “manner of the anonymous author” is analyzed. The role of "History ..." in the formation of Russian prose of the XVIII century.

Key words: story, hero, narration, structure.

Поступила в редакцию 15.02.2020 г.

УДК 82.0

И. В. Логвинова

Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке

**ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ М. П. ПОГОДИНА
1820 – 1830-Х ГОДОВ¹**

В статье анализируется детское чтение и увлечения М. П. Погодина, которые предваряют его филологические штудии и позволяют судить о нем, как о настоящем филологе – ученом большой эрудиции и широкого круга интересов при углубленной заинтересованности в древней русской истории. Рассматриваются и комментируются материалы его биографии во время его учебы в Московском университете и в ранний период его издательской и научной деятельности, изложенные в книге Н. П. Барсукова.

Ключевые слова: филология, история, детское чтение, М. П. Погодин.

Все знают М. П. Погодина как историка, публициста, писателя. Мы уже говорили о некоторых его ранних филологических статьях [4; 5]. Однако, мы хотим поставить вопрос о нем, как о настоящем филологе, иными словами, как о человеке широкого круга интересов и большой эрудиции, который углубленно изучал древнерусскую историю по летописным источникам. При этом именно широкий круг интересов способствовал более глубокому проникновению в интересовавший его научный предмет.

Разговор о филологических штудиях будущего ученого, как представляется, нужно начинать с его детского чтения, сведения о котором мы черпаем из его биографии, составленной Н. П. Барсуковым [1]. Круг чтения сформировал интересы Погодина и послужил отправной точкой в его филологической деятельности. Первыми книгами для него стали немецкие «Вегелиновы разговоры» (Вегелин Ж. Ф. Собрание употребительных речений для желающих в короткое время обучиться говорить по-немецки, взятое из так называемой грамматики для дам и в пользу российскому юношеству, переведенная на российский язык старанием И. Ф. Вегелина. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Новикова, 1783. 140 с.), «Толкование на Послание св. апостола Павла» Новиковской печати (возможно, имеется в виду «Толкование Иоанна Златоуста на послания апостола Павла», 1623 г. Была еще такая книга: К Римлянам послание Святого Апостола Павла, с толкованием, подтверждаемым, изречениями Святых Отец и других важных писателей, каковое в 1792-м году преподавал Преосвященный Мефодий, Архиепископ Псковский; издание 2-е, на

---

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19-012-00310 «Погодин М. П. Полное собрание историко-филологических трудов. В 9 томах. Т. 1 - 3.»

Российском и Славянском языках. Москва, в Синодальной типографии 1815 года.) и «Язык» (переведенная Семеном Волчковым в 1760-х гг.; имеется в виду Л. Борделон. Книга Язык. Пер. с фр. С. Волчкова. СПб., 1761). Затем это было чтение в журнале «Вестник Европы» повести Жуковского «Марьяна роца». Особенно понравился ему «Русский Вестник» С. Н. Глинки, в котором он черпал патриотические идеи (там печатались пламенные антинаполеоновские речи князя Вяземского). Как отмечает Н. П. Барсуков, «...По словам самого Погодина, развитию патриотического чувства в нем немало также способствовал один пехотный офицер, который из Покровских казарм хаживал в дом его родителей и за стаканом пунша сообщал известия о турецкой войне. Родители Погодина получали также «Московские Ведомости». «Всякую среду и субботу, - писал Погодин, - рано поутру выбегал я за ворота дожидаться типографского сторожа-солдата, который разносил оные, и которого я как теперь помню в темно-голубом сюртуке с красным воротником, подпоясанного, плешивого». Известия о сражениях и победах сильно волновали Погодина. «Русский Вестник» все более и более восхищал его патриотическими описаниями разных подвигов. Геройская кончина генерала Мозовского, описанная в 1-м номере этого журнала, была выучена им наизусть...» [1, с. 6]. Потом он с восторгом читал книгу, подаренную ему отцом, которая была первой русской историей, им прочитанной, - П. В. Нехочин «Ядро российской истории». «Погодин увлекался также, - пишет Н. П. Барсуков, - «Письмами русского офицера о войне 1806 года» Ф. Н. Глинки. Здесь ему очень нравилось описание действий Кутузова, Милорадовича, Багратиона» [1, с. 8].

Также в круг погодинского детского чтения до знакового в его судьбе знакомства с издателем Решетниковым входили романы: «Юлия или Подземелье Мадзини» Радклиф², «Алексис или домик в лесу», «Виктор или дитя в лесу», «Лолотта и Фонфан», «Яшенька и Жеоржетта», «Поль или оставленная аренда», «Целина или дитя тайны» (в 6 частях), «Катенька или найденное дитя» Дюкре-Дюмениля, «Лес или аббатство Сенклер» (в 8 ч.), «Удольфские таинства» Радклиф, «Страдания Ортенберговой фамилии» Коцебу (в 2 ч.), «Видения в Пиринейском замке» (в 8 ч.) Радклиф, «Мальчик, наигрывающий разные штуки колокольчиками» Коцебу, «Пальмир и Вольмениль, маленькие сироты, или деревушка на берегах Дюрансы» Дюкре-Дюмениля. Также он увлекался театром. В основном это все были современные ему писатели и драматурги.

В доме Решетниковых в 11-летнем возрасте Погодин начал обучаться основам разных наук. «Наставниками его были, - пишет Н. П. Барсуков, - студент Духовной Академии Посников, впоследствии Московский протоиерей, и г. Порта, а товарищами – сын Решетникова и знаменитый впоследствии врач Овер. Посников преподавал латинский и немецкий языки. Он заставлял учить Бредерову латинскую грамматику и потом переводить примеры синтаксических правил вместе с статьями из хрестоматии. Учиться по-французски ходили они в домашний пансион г. Порта, который помещался напротив, в доме дьячка. География, история и русский язык совсем не преподавались. «Но главное, - писал Погодин, - я жил в типографии, где печатаются книги, куда сходились авторы и издатели». Разумеется, Погодин пересмотрел все заглавия книг и принялся читать их. На другой или на третий месяц своего пребывания у Решетниковых он даже вздумал сам переводить книгу и «возмечтал» о печатании» [1, с. 12]. Обучаясь у Решетникова, Погодин переводил с немецкого и французского языков, как бы готовясь к будущей своей

---

² Анна Радклиф (1764 – 1823) – английская писательница, одна из основательниц готического романа. Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу (1761 – 1819) – немецкий драматург и романист, газетный агент на русской службе в Остзейском крае. Франсуа Гийом Дюкре-Дюмениль, иногда – Дюкре-Дюмениль (1761 – 1819) – французский писатель, автор многотомных сентиментально-моралистических романов для юношества, чрезвычайно популярных у читателей конца XVIII – начала XIX вв.

научной деятельности (впоследствии он будет много переводить учебных и научных книг по истории, географии, статистике).

Затем его обучение прервалось событиями 1812 года, когда его семье пришлось уехать из Москвы и жить во Владимире, Суздале, и вернуться после московского пожара. При этом, как отмечает Н. П. Барсуков, «литературные стремления в Погодине не оскудевали, а разговоры о бегстве французов, о наших победах, о подвигах русских генералов все более и более воспламеняли его патриотический дух. Возобновившийся в 1813 году «Русский Вестник» поддерживал горевший в мальчишке священный огонек» [1, с. 18]. В 1813 году впервые Погодин прочитал «Письма русского путешественника» Карамзина и «Храм Славы Российских Ироев от времен Гостосмысла до царствования Романовым» Павела Львова (СПб. 1803).

В 1814 году будущий ученый поступает в гимназию: «В начале 1814 года помещено было в «Московских Ведомостях» объявление от директора училищ Московской Губернской Гимназии Петра Михайловича Дружинина, коим приглашал он разоренных неприятелем родителей отдавать детей на содержание за небольшую плату в гимназию» [1, с. 22]. В гимназии продолжилось образование Погодина. Его учителями были «питомец Лейпцигского университета» Любим Антонович Лейбрехт (французский, немецкий, латинский языки), Алексей Егорович Добровольский (география и история), Семен Мартынович Ивашковский, впоследствии профессор греческой словесности в Московском университете и составитель «Полного греко-российского словаря» (русская словесность, логика, всеобщая грамматика, психология, нравственность, риторика, поэтика, эстетика, естественное право и политическая экономия). Помимо учебы, гимназисты ходили в театр, «человека по четыре, по пяти, без спроса, украдкой, в подворотню, чрез больничную дверь, всеми неправдами, пренебрегая величайшими опасностями, кланяясь солдатам-сторожам, кормя собак» [1, с. 27 – 28]. При этом познания, которые гимназисты получали в течение 4-х лет, позволяли им поступить в университет.

Еще одним знаменательным событием в жизни Погодина стал выход в свет в 1818 году «Истории Государства Российского» Карамзина, а также случайная встреча с ним в Оружейной палате, где тот в 1816 году вместе с семейством, И. И. Дмитриевым и А. Ф. Малиновским осматривал государственные сокровища. Карамзин потом на долгие годы станет путеводной звездой Погодина. Интересно, что филологические устремления Погодина проявились таким образом, что экземпляр «Истории Государстве Российского» он «принялся читать и писать замечания. Над первую главою «мучился» долго. На вакансии, после гимназического курса, пред вступлением в университет, написал целую тетрадь примечаний. “Эта гимнастика, - замечает Погодин, - послужила не хуже иного классического курса”. Глава о происхождении руси от норманов “смущала его много”, и он долго не мог помириться с мыслью, что основателями Русского Государства были иностранцы. “Как бы я обрадовался, - писал много лет спустя Погодин, - если б тогда вышли исследования Гедеонова и даже Иловайского”» [1, с. 30]. Эта критическая работа с книгой Карамзина – одна из первых серьезных филологических штудий Погодина. Не считая опытов совместного чтения и разбора новых произведений: только что вышедших басен Крылова или стихотворений Жуковского. Окончательно же его историко-филологические способности оформились в Московском университете, куда он поступил в 1818 году. Он выбрал филологический факультет, «но, к сожалению, русскую историю в это время преподавал не Каченовский, которому поручена была археология и теория разных искусств. Наш студент выбрал себе слушать следующих профессоров: Гейма, Мерзлякова, Тимковского, Черепанова, Гаврилова, Ульрихса, Пельта и Каменецкого» [1, с. 33]. С именем Каченовского будет связана и первая публикация Погодина в «Вестнике

Европы» («Некоторые замечания на “Таблицы российской истории” Филистри (Письмо к редактору “Вестника Европы”»)), к чему поощрял профессор своих студентов.

По свидетельству Н. П. Барсукова, сохранилась тетрадь с разбором оды И. И. Дмитриева на взятие Варшавы, в котором уже проступают будущие черты его разборов пушкинского «Кавказского пленника» и байроновского «Шильйонского узника». «Возьмем, для примера, следующее:

Где буйны, гордые Титаны,
Смутившие Астрея дни?
Стремглав низверженны, попранны
В прах, в прах! Рекла – и где они?

На эти стихи критик-студент замечает: «Слабых поляков никак невозможно уподобить буйным, гордым титанам, которые угрожали самому небу. Притом поляки никогда не могли возмущать спокойствия Великой Екатерины, в руках коей, по собственному, счастливому выражению стихотворца, находился жезл судьбы. Если же они действительно смущали ее, то как возможно согласить сие смущение, происходящее от малочисленного народа, с тем могуществом, которое после так прекрасно описано поэтом? Следовательно, стихи сии не заключают в себе истины; притом последний из них несколько тяжел и показывает какую-то принужденность» [1, с. 41 – 42]. Стоит отметить, что одно из основных свойств критических разборов Погодина – подход к восприятию художественного текста с позиций логики. Так, при разборе пушкинского «Кавказского пленника» он обращает внимание на логику развития характеров.

Разбирая образ кавказского пленника, Погодин замечает противоречие в его характере: «Характер Пленника странен и вовсе непонятен. В нем замечаются беспрестанные противоречия. Нельзя сказать, что составляет его основу: любовь или желание свободы. Кажется, что поэт больше хотел выставить последнее; но ответ Пленника Черкешенке:

..... рассеянный, унылый
Перед собою, как во сне,
Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю,
Тебе в забвеньи предаюсь
И тайный призрак обнимаю;
О нем в пустыне слезы лью;
Повсюду он со мною бродит
И мрачную тоску наводит
На душу сирую мою –

и некоторые другие стихи показывают, что и свободой наслаждаясь, Пленник был бы равно несчастлив; ибо, кажется, никак нельзя допустить, чтоб страдания от презренной любви чувствовались им только в неволе и изглаждались на воле. Такая любовь была бы слишком мудрена. Если ж с свободой Пленник не получит счастья, то для чего он так жаждет ее: свобода в сем случае есть чувство непонятное, хотя при других обстоятельствах, при других отношениях, разумеется, она может составить счастье» [6, с. 40]. При этом М. П. Погодин придерживается взглядов А. Мерзлякова, по мысли Л. Фризмана, который отмечает, что для литературной деятельности Погодина 1820-х годов характерно «соединение старых классицистических взглядов, усвоенных им у А. Ф.

Мерзлякова (одного из любимейших его университетских профессоров), с тягой к новым, романтическим веяниям. Так, в его переводческих опытах основное место принадлежит Шатобриану, Шиллеру, Гете, Вернеру. Увлечению Погодина романтической литературой и философией способствует его тесное общение с «любомудрами» – Д. В. Веневитиновым, С. П. Шевыревым, В. П. Титовым и др.» [8]. При этом нужно отметить, что у Погодина была и своя собственная позиция при разборе художественных произведений, выражавшаяся в его видении образов и сюжетов, в его сочувствии и переживании, в его стремлении дойти до сути того, что хотел сказать своим произведением автор.

Другим направлением филологических штудий Погодина стали переводы. Так, в 1820-30-х гг. были изданы его переводы: «Начертание древней географии» Нича, «Кирилл и Мефодий, словенские первоучители», соч. Добровского, «Исторические исследования» Эверса, «Гец фон Берлихенген» Гёте, Риттеровы карты Европы в физико-географическом отношении, «Всеобщая история для детей» Шлёцера (в 2 ч.), «Славянская грамматика» Добровского (часть 1), Лекции по Герену о политике, связи и торговле древнего мира. При этом Погодин не просто переводил с немецкого или латыни, но некоторые книги он перерабатывал, пересказывая и дополняя автора, как, например, в случае с лекциями по Герену. Суть в том, что, как настоящий филолог, он ставил себе задачу обеспечить студентов учебными пособиями, которых в его время было недостаточно. Погодин подчеркнул, что русская историческая литература очень бедна, и потому в качестве руководства выбрал иностранное сочинение: «На нынешний год я выбрал себе подробное классическое сочинение Герена о политике, связи и торговле главных народов древнего мира, из которого извлечение теперь выдается» [3, с. III].

Так, в предисловии «От переводившего» (к географии Нича³) он пишет, объясняя необходимость такого рода переводов: «Мы имеем на русском языке очень мало книг по части древней географии, особенно для классического употребления. Это самое побудило меня перевести с немецкого Ничеву «Географию», изданную Маннертом, как наиболее известную в сем отношении в Германии. Перевод сделан еще в 1819 году с четвертого издания, но исправлен совершенно по осьмому. В некоторых нынешних названиях мест, думаю, есть ошибки, происшедшие или от неосмотрительности, или от недостатка в книгах для справок, столько у нас ощутительного; знакомые с подобными трудами простят меня за оные, - у других прошу извинения, и, при втором издании, если оно будет, постараюсь, воспользовавшись советами и замечаниями людей благонамеренных, исправить по возможности неправильное» [7]. Стремясь перевести и издать наиболее известные в Германии учебные пособия, Погодин демонстрирует свою эрудицию и филологическое чутье.

В предисловии к переводу книги Добровского «Кирилл и Мефодий» Погодин также указывает на необходимость такого рода произведений для русского читателя: «Г<осподин> Добровский, заслуживший сочинением образцовой словенской грамматики славное титул третьего изобретателя словенской грамоты, издал книгу о бессмертных своих предшественниках Кирилле и Мефодии, и тем приобрел новое право на благодарность ученого света. Пользуясь его трудом, мы знаем теперь, что в истории сих достопамятных мужей, столько запутанной невеждами, есть истинного и верного, что сомнительно, и по законам критики вовсе должно быть отвергнуто, наконец – что требует дальнейших изысканий и пояснений» [2]. При этом Погодин не просто перевел книгу Добровского, но, как истинный неравнодушный исследователь, снабдил ее от себя дополнениями: «Сводное житие Св. Кирилла и Мефодия из некоторых списков Прологов и отрывок о Кирилле из одного хронографа, доставленные мне достопочтенным

---

³ Нич Поль Фридрих Ахат (1754 – 1794).

филологом нашим А. Х. Востоковым, коему за сие, равно как и за замечания на некоторые места моего перевода, приношу мою искреннюю и усердную благодарность. Некоторые свои замечания на книгу г. Добровского. Замечания г. Блумбергера, помещенные в Венском литературном журнале, кои осмелился я для большей ясности расположить в другом порядке, с некоторыми моими примечаниями на оные. Некоторые объяснительные и пр. примечания г. Кеппена. Свидетельство Анастасия библиотекаря. К сожалению, не мог я приложить карты Моравии, Болгарии и Паннонии с означением всех мест, упоминаемых в жизни Кирилла и Мефодия. Сия карта тем более необходима, что страны сии заключались в то время совершенно в других пределах, нежели ныне, и от сей разницы происходит сбивчивость в понятиях. <...> В первом параграфе рассуждения по необходимости сделаны некоторые пропуски, не относящиеся, впрочем, к сущности дела. Мне остается пожелать, чтоб сия книга подала повод к новым изысканиям о Св. Кирилле и Мефодии в нашем отечестве» [2].

Также следует отметить, что филологические штудии Погодина касались не только переводческой деятельности, но в 1820-е годы начал вести свой знаменитый «Дневник», а также участвовать в кружках, филологическом и философском, в которых он общался с С. Е. Раичем, Ф. И. Тютчевым, Н. В. Путьтой, В. Ф. Одоевским, В. П. Титовым, С. П. Швыревым, Д. П. Ознобишиным, А. Н. Муравьевым, И. В. Киреевским, Д. В. Веневитиновым, Н. М. Рожалиным и А. И. Кошелевым.

Таким образом, уже в детстве проявились филологические устремления Погодина, которые развивались случайными, казалось бы, книгами. Кроме того, большую роль в судьбе будущего ученого сыграли родители и их друзья, которые не препятствовали естественному ходу событий и помогали любознательному мальчику в его устремлениях, поощряли его первые литературные и переводческие упражнения. Поэтому можно сказать, что Погодин настоящий ученый, настоящий филолог, любознательный, обладающий широким кругом интересов и эрудицией в разных научных областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 1. – СПб., 1888. 357 с.
2. Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. Историко-критическое исследование Иосифа Добровского. Пер. с нем. М. Погодина: В Типографии Семена Селивановского, 1825. С. V – VII.
3. Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. М., 1835 – 1836. В 2 ч. Ч. 1. М.: В Унив. Тип., 1835. 304 с.
4. Логвинова И. В. «Письмо о русских романах» М. П. Погодина и проблема формирования культуры чтения в XIX в. // Культура в фокусе научных парадигм. – Донецк, 2019. №9. С. 110 – 114.
5. Логвинова И. В. Ранние филологические статьи М. П. Погодина // Новые горизонты русистики. 2019. №7. С. 35 – 41.
6. Погодин М. П. О «Кавказском пленнике» // Вестник Европы. 1823. Ч. 127. №1. Январь. С. 35 – 57.
7. Погодин М. П. От переводившего // Краткое начертание древней географии. Издано при Университетском Благородном Пансионе. М.: В Университетской типографии, 1823. С. I – II.
8. Пушкин в прижизненной критике, 1820 - 1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. – СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. – С. 131 – 142.

**READING IN CHILDHOOD AND PHILOLOGICAL STUDIES OF
M.P.POGODIN 1820-1840S**

The article analyzes reading in childhood and hobbies of M. P. Pogodin, which precede his philological studies and allow us to judge him as a real philologist – a scientist of great erudition and a wide range of interests with a deep interest in ancient Russian history. The article reviews and comments on the materials of his biography during his studies at Moscow University and in the early period of his publishing and scientific activity, set out in the book by N. P. Barsukov.

Keywords: *Philology, history, reading in childhood, M. P. Pogodin.*

Поступила в редакцию 21.02.2020 г.

УДК 82'09

Д.С. Тыщук

*ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»
ОП «Ровеньковский факультет»*

**ФИЛОСОФСКИЙ ХАРАКТЕР ПРОБЛЕМАТИКИ СКАЗКИ С.В.
МИХАЛКОВА «ОДНОГЛАЗЫЙ ДРОЗД»**

В статье рассматривается проблематика сказки С.В.Михалкова «Одноглазый Дрозд» в философском контексте. Теоретическая основа статьи – в работах А.С.Бугайцовой, Н.Н.Кожевникова, С.С.Сермягиной и других. Проблема личного выбора, человеческих ценностей преломляется в интересной для возраста читательской аудитории форме. Понимание важных для личного становления понятий, носящих в анализируемой повести-сказке экзистенциальный характер, осуществляется через реализацию функции подтекста.

Ключевые слова: *подтекст, интерпретация, философский характер, экзистенциальные ценности, личность.*

Процесс формирования ценностей подрастающей личности представляет собой сложную цепь взаимосвязанных, последовательных действий, направленных на долгосрочный, имманентный результат. В подобном контексте ознакомление с произведениями детской литературы – один из наиболее эффективных и доступных способов воздействия на внутренний мир юного читателя.

Для того, чтобы ребенок имел возможность сформировать собственное мнение относительно понимания смысла жизни, ценностей, устремлений, он должен владеть особенной информацией. Подобная информация рефлексивного содержания, в основном, передается не прямым образом, а в процессе интерпретации смыслов произведения искусства, понимания мотивов поведения людей в различных жизненных ситуациях. Экзистенциальная, жизнеутверждающая проблематика никогда не станет понятна ребенку, если он ему не будет представлено первичное ее пояснение не в упрощенной, но доступной форме. Анализ подтекста художественного произведения, осознанного избранного как сфера художественного воспроизведения важнейших для личного становления понятий, является одним из самых доступных и эффективных средств воздействия на умы и сердца юных читателей.

Цель предложенной статьи – рассмотреть особенности проблематики сказки С.В.Михалкова «Одноглазый Дрозд» в философском контексте.

Теоретико-методологическая основа – в исследованиях Бугайцовой А.С. [1], Кожевникова Н.Н. [2], Сермягиной С.С. [8] и других.

Глубинный смысл каждого литературного произведения, и особенно – адресованного юному читателю, содержится между строк, имеет неявный, имплицитный характер. «Художественный текст является уникальным психолого-эстетическим феноменом, допускающим неограниченное количество интерпретаций, так как является плодом авторского замысла, созданного для выражения индивидуальных знаний о мире при помощи языковых средств» [9, с. 2].

Чтобы понять важнейшие морально-этические сентенции, метафорически воспроизведенные в тексте произведения, нужно проникнуть в его смысловое поле, осуществить рефлексивный процесс путем понимания подтекста, который сосредотачивает идейно-проблематическую специфику произведений искусства слова. «Именно подтекст делает художественный текст художественным. Чем значительнее и ярче подтекст, тем содержательнее художественный текст» [9, с. 5].

Подтекст – «всякий намеренный имплицитный смысл, будь то на уровне высказывания или текста, простой или сложный (развернутый) по содержанию и структуре, дополняющий или вытесняющий эксплицитное значение высказываний (текстов)» [7, с. 144]. «Подтекст создает глубину содержания, углубляется сюжетом, ведет свою смысловую линию и направлен на раскрытие главных тем произведения» [5, с. 1].

Согласно позиции Ермаковой Е.В., особенность подтекста – в характере раскрываемого им смысла, «который в художественном произведении „моделируется“ читателем на основе содержания текста как целого в культурно-историческом контексте; по принципу неочевидности, по принципу прилагаемого интеллектуального усилия он отличается от концептуального содержания текста тем, что ему приписывается статус намеренной направленности на читателя, который способен вычислить этот смысл, сопоставляя, восполняя смысловые пропуски, угадывая за одними событиями другие» [4, с. 15-16].

Текстовыми маркерами концептуальных смыслов являются средства образности (тропы), имена собственные – средства художественности, ресурс которых привлекает читательское внимание уже визуально. Данное обстоятельство представляется особенно ценным для детской литературы, в которой игровой, увлекающий ресурс имеет принципиально важное значение.

Подрастающая личность, читатель, «интерпретатор, пытаюсь постичь скрытую текстовую информацию, опирается, прежде всего, на собственный опыт понимания произведения, а языковые маркеры постоянно соотносит с моделью уже постигнутого им смысла текста» [8, с. 27].

Задача наставника – направить процесс понимания текста в нужное, способствующее рефлексии русло.

Проблематика сказки С.В. Михалкова «Одноглазый Дрозд» обозначена философскими коннотациями.

Главная героиня произведения, Фредерика, подружившись с Одноглазым Дроздом, не просто узнает новую для себя информацию о жизни необычной птицы, а знакомится с различными моделями мировосприятия. Данная проблематика может рассматриваться как экзистенциальная.

К полю экзистенциальной проблематики относятся проблемы, касающиеся не только взрослых людей. Речь идет о проблемах, «связанных с самой сущностью человека, неизбежно возникающих в процессе формирования личности». [2, с. 105]. Разумеется, интерпретация подобных проблем должна осуществляться в доступной возрасту ребенка

форме, но умалчивание ее или игнорирование по причине возрастного непонимания грозит образованием невосполнимых пробелов в личностном становлении.

На примере героев произведений в целом (как на материале избранной к анализу сказки С.В. Михалкова) важно дать понять ребенку, что составляет ресурс для осознания личностью смысла существования.

Личность, в экзистенциальном контексте, – свободна, морально активна, деятельна, способна самостоятельно выбрать свой жизненный путь через действие. «Свобода человека понимается в экзистенциализме как свобода выбора самого себя, формирование себя своими действиями и поступками» [3, с. 455].

Понимание свободы и деятельности в экзистенциализме связано с понятием экзистенции, высшего смысла бытия. «Постижение своей экзистенции человеком достигается не просто посредством констатации впечатлений, переживаний определенных событий и опыта, а благодаря включению собственной личности в предопределенные пограничные состояния, трудноразрешимые ситуации и процессы, которые возникают в динамичном мире» [1, с. 15].

Важно объяснить ребенку, какие ценности называются положительными, а какие – отрицательными. К положительным ценностям относят веру, надежду, любовь; к отрицательным – одиночество, страх, смерть. Фундаментальные явления включают духовность, свободу, ответственность, телесность, творческую активность» [1, с. 15].

Согласно сюжету произведения, Фредерика, отличающаяся несколько капризным нравом, неожиданно для самой себя, обращает внимание на пение Дрозда.

В образе Одноглазого Дрозда метафорически воплощается модель эгоистично-гедонистического мировосприятия. Одноглазый Дрозд стремится получать от жизни максимум благ, но, не прикладывая никаких усилий к созданию стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

На вопрос девочки о том, в чем причина его постоянной веселости, Дрозд отвечает:

«Я весел потому, что, в отличие от тебя, всем доволен! Я весел потому, что на всё смотрю одним глазом. Я Одноглазый Дрозд!» [6, с.73]. Подобная позиция – выбор в пользу умышленного игнорирования сложностей, а не поиска путей избавления от них.

Необычный знакомый пытается объяснить изумленной Фредерике свою жизненную философию:

«Я могу тебе объяснить своё состояние. Это очень просто. В жизни всё имеет две стороны: прекрасную и уродливую. Так как я Одноглазый, я вижу только одну сторону, и она всегда прекрасна. Вот почему я никогда не грущу. И затем Солнце! Любишь ли ты Солнце? Лично я глотаю его!» [6, с. 74].

В словах Дрозда слышатся ноты иронии, когда он говорит о реалистичном восприятии жизни девочкой:

«Что толку от того, что ты двуглазая, если ты скучаешь, ворчишь и всем недовольна, если верить твоим словам?» [6, с. 74].

Таким образом, автор обозначает в тексте проблему выбора личности – активную или пассивную позицию восприятия жизни и собственного поведения.

Далее в тексте произведения представлены условные сценарии разворачивания жизни людей, избравших определенную жизненную модель.

Шаткость и непоследовательность философии Дрозда подтверждается авторским акцентированием внимания читателей на символических деталях.

Дрозд способен говорить красивые слова, но он совершенно беспомощен в практической деятельности.

«Ветер загнал целый камень в мой единственный глаз! Теперь он закрыт, и я был вынужден открыть другой, чтобы, летая, не разбить себе голову о деревья. И вдруг я увидел, как всё противно и уродливо! Ах я несчастный!» [6, с.76]. Описание

преувеличения Дроздом всей катастрофичности возникшей ситуации имплицитно намекает юным читателям на нерешительность, неспособность оценивать ситуацию и искать пути выхода из нее, свойственные Дрозду.

Маленькая, но рассудительная Фредерика успокаивает нового друга:

«Это всего-навсего маленькая песчинка! Но в глазу она казалась огромным камнем» [6, с.75].

Дрозд, получив помощь от девочки, без малейшей тени зазрения, улетает. Фредерика справедливо замечает самодовольной птице: «Ты бы мог меня поблагодарить! Вместо этого ты клюнул меня в палец и сделал мне больно!» [6, с. 76].

Для демонстрации юному читателю различных моделей поведения личности, автор вводит в сюжет произведения историю о Соловье, представленную в форме ответа Дрозда на вопрос Фредерики о том, почему пение Соловья прекрасное, но грустное.

Соловей, в отличие от Дрозда, символизирует сильную личность, склонную к деятельностному разрешению возникающих проблем, попыткам изменить жизненную ситуацию, становясь лучше при этом.

Дрозд, дедушка Одноглазого Дрозда, как все его пернатые собратья, очень любил наслаждаться солнцем, пить солнечные лучи.

Дрозд-рассказчик подтверждает:

«Мой дедушка, как и я теперь, пил Солнце на заре, когда солнечные лучи мягкие и тёплые. А если бы мы ждали полудня, то и мы бы обжигались» [6, с. 77].

Поглощая солнечные лучи утром, он мог безопасно и безболезненно подпитываться энергией для пения.

Гордый и несколько неосмотрительный Соловей однажды рискнул написать солнечными лучами в полдень. Попытка не увенчалась успехом – горло птицы было обожжено, а голос утерян:

«Соловей решил сделать то же самое, и в один прекрасный день, когда Солнце пекло особенно сильно, он широко раскрыл свой клюв и выпил столько солнечных лучей, что сжёг себе горло и больше не мог не только чирикать, но вовсе потерял голос» [6, с.].

Один из сыновей Соловья решился на мудрый поступок, справедливо размышляя:

«Если мой папа обжётся Солнцем, значит, нужно найти другое средство, чтобы научиться петь» [6, с.77].

В тексте автор подтверждает целесообразность попытки Соловья вернуть возможность наслаждаться солнечными лучами и петь:

«В тот же самый вечер, увидев на небе ясную, круглую Луну, он начал глотать её лучи один за другим. И, представь себе, он запел. Песня его была сладкая, томная, но немного грустная. Грустная, как сама Луна, которая никогда не смеётся» [6, с.78].

Автор подтекстово ориентирует юного читателя на понимание того, что важные вещи в жизни не достаются легким путем. Приобретение того, что называются смыслом и ценностями, сопряжено с трудностями, физическими и душевными испытаниями, необходимостью прилагать усилия.

Символично, что прекрасное пение достается Соловью. Образ этой птицы овеян ореолом изящества, возвышенности. Подобные ассоциации не связываются с дроздом. Соловей, согласно сюжету сказки, укрепляется в способности петь через испытания, но получив ее, становится счастливым и самодостаточным.

Линия ложности иллюзорных интересов, стремления к позерству и командованию метафорично раскрывается в эпизоде сказки о проведении певческого конкурса среди птиц.

Дрозд приглашает Фредерику полететь с ним на этот конкурс по случаю Праздника Весны для того, чтобы подтвердить свой авторитет в мире пернатых, показать, что лучшими благами существования пользуются существа, подобные ему.

Председателем жюри в конкурсе был Попугай. Девочка, узнав об этом, высказывает Дрозду справедливую мысль: «Как странно, ведь сам он не умеет петь» [6, с.83].

Дрозд отвечает Фредерике:

«Зато у него прекрасный слух! И потом, лучше его никто не умеет произносить речей» [6, с. 81].

Дрозд также называет Фредерике все факторы исключительности положения Попугая в мире птиц.

Дрозд ложным образом трактует отсутствие у Попугая способности завидовать: «он никому не завидует, потому что живёт в домашних условиях, на всем готовом». Попугай, который ведет себя с определенной долей презрения относительно других птиц, не не завидует, он лишен понимания того, насколько сложно непросто добывать средства к существованию.

Дрозд восхищается тем, как Попугай, обыкновенно, попадает на конкурс:

«Каждую Весну он находит возможность удрать на денёк из своей клетки. Не знаю, что бы мы сегодня без него делали, если бы ему на этот раз не удался побег, – объяснил Дрозд» [6, с.81].

В обращении Попугая к птицам по случаю Праздника Весны чувствуется самолюбование, нескрываемый приоритет собственных интересов и желаний перед мнением окружающих:

«Друзья мои! Настал великий день Весны! Вы приглашены сюда достойно отметить это событие, дающее нам надежду на тёплые гнёзда, пшеничные зёрна, спелые вишни, вкусные гусеницы, горячее солнце, прозрачную воду и для меня, быть может, – фисташки!» [6, с.82].

Исполненное фальши преклонение перед Попугаем обуславливаетумышленное восхищение его певческим талантом со стороны птиц:

«Это „ля” прозвучало так фальшиво, что Фредерика чуть не вскрикнула. Впрочем, птицы сделали вид, что ничего не заметили» [6, с. 82].

Однако, показательным является тот факт, что даже в слепом поклонении председателю жюри находятся те, кто не боятся выразить свой протест. Более того, это протест циничен в такой мере, как и самовлюбленность Попугая: «Только Воробьи, как по команде, нагло захохотали» [6, с. 82].

Протестующие птицы заявляют:

«Мы тоже желаем петь! Чем мы хуже вас? Мы тоже кое-что разучили в честь Праздника Весны. И если Вы не согласитесь это услышать, то мы вас ошарашим таким шумом, что вам придется спасаться!» [6, с. 83].

Разумеется, наглость в достижении поставленных целей не является примером для подражания и наследования, но и позиционирование себя превыше других (как певчие птицы) также не является толерантным, гуманистическим ориентиром.

Непредсказуемое поведение Воробьев обескураживает птичью элиту: «Услышав такое требование, члены Жюри решили уступить. Председатель Попугай пришел в себя и тоже согласился» [с. 83].

Исполнение Воробьев, которое очень условно можно назвать пением, обескураживает присутствующих:

«Лошадиный навоз! Лошадиный навоз! Лошадиный навоз!» [6, с. 84].

Пение Воробьев раскрыло истинную морально-этическую ситуацию в птичьем мире – то, что считалось авторитетным и весомым, на самом деле вообще не является значимым.

Воробьям было не сложно разрушить шаткое равновесие. «Услышав такое, Попугай свалился с пенька вниз головой на траву да так и остался лежать без сознания. Поднялся

ужасный переполох. Певчие птицы, все, как один, сорвались со своих мест и взмыли в небо» [с. 84].

Фредерика удивлением наблюдала за происходящим, а также за реакцией некогда самоуверенного Дрозда, который «с ветки смотрел на нее. Она его глаза были широко открыты, и, глядя на девочку, он плакал» [6, с. 84].

После событий на Празднике Весны Дрозд, наконец-то, признает: «Сегодня я понял, что на мир надо смотреть двумя глазами» [6, с. 84].

Рассмотрение проблематики сказки С.В. Михалкова «Одноглазый Дрозд» в философском контексте позволяет продемонстрировать юному читателю необходимость формирования чувства собственной ответственности, самоуважения, уважения к окружающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугайцова А.С. Самодостаточная личность в экзистенциальной философии / А.С. Бугайцова // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (11). – С. 15 – 19.
2. Кожевников Н.Н. Личность в экзистенциализме и персонализме / Н.Н.Кожевников // Наука и техника в Якутии. – 2009. – № 1 (16). – С. 104–109.
3. Краткий философский словарь. Под редакцией А.П. Алексеева. – ПБОЮЛ М.А. Захаров, 2001. – 496 с.
4. Ермакова Е.В. Имплицитность и подтекст: термины и понятия, стоящие за ними / Ермакова Е.В. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 5 – С. 15 – 19.
5. Малова Н.Е. Лингвокогнитивные категории «имплицитность» и «подтекст» / Н.Е. Малова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 1 (232). – С. 262 – 266.
6. Михалков С.В. Сказки, пьесы, стихи в 3-х книгах. Кн.3. / С.В.Михалков. – С.-Петербург : «Комета», 1994. – 144 с.
7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : «Высшая школа», 1988. – 166 с.
8. Сермягина С.С. Имплицитное и подтекст / С.С. Сермягина // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300-1. – С. 27 – 30.
9. Тлехатук С.Р. Подтекст как лингвистическое явление в смысловой структуре художественного текста // Вестник Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № . – С. 76 – 80.

D. S.Tyshhuk

THE PHILOSOPHICAL NATURE OF THE PROBLEMS OF S.V. MIKHALKOV'S FAIRY- TALE «THE ONE-EYED THRUSH»

The article deals with the problems of S. V. Mikhalkov's fairy-tale «The one-eyed Thrush» in a philosophical context. The theoretical basis of the article is in the works of. A.S.Bugaycova, N.N.Kozhevnikov, S.S.Sermyagina and others. The problem of personal choice and personal values is reflected in an interesting form for the age of the readership. The understanding of important concepts for personal development, which have an existential character in the analyzed story-tale, is carried out through the implementation of the subtext function.

Keywords: *subtext, interpretation, philosophical character, existential values, personality.*

Поступила в редакцию 23.02.2020 г.

Словообразование и грамматика

Брацун Д.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Система аббреконструктов аббревиатурного поля «дорога»	4
Филипсонова Н.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Внутринормативные синонимы в русском языке	12
Малишевская Л.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Формально-структурные особенности аббревиатурной группы «мед»	18
Штельман Т.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Формальные модели эквивалентности в аббрегруппе «мото»	23
Сулейманова С.Р. (ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова) Односоставные конструкции в структуре сложных предложений	29
Тахмазова С.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Типология отаббревиатурных сложнопроизводных слов	34
Емельянова К.Ю. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Окказиональные аббревиатуры в аббревиатурной группе «евро»	40
Замальдинов В.Е. (ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России») Когнитивный аспект анализа новообразований стандартной словообразовательной структуры в медийном пространстве	46
Зайберт Е.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Типология аббревиатурных наименований устройств	51
Галеева Т.Р. (ВлГУ «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых») Морфолого-суффиксальный способ образования ойконимов и гидронимов (на материале Камешковского района Владимирской области)	56
Николышина Я.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Аббревиатурные наименования украшений: структурный и ономазиологический аспекты	61

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Андрейчук П.Ю. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Жанр исторического романа в первой половине XIX века и его языковое своеобразие	67
Галкина В.Г. (ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина») Краеведческое изучение жизни и творчества М.М. Пришвина в рамках элективного курса по литературе	73

Гатауллина Д.Н. (ГОУ ВПО Донецкий национальный университет) Говорение и молчание как аспекты «двойного бытия» в стихотворении Ф. И. Тютчева «Silentium!»	79
Ильина Е.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университета») У истоков русского романа (на материале переводного произведения В.К. Третьяковского «Езда в остров любви»)	85
Калмыкова Д.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») У Драматический монолог автора в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином»	90
Куштыменко Н.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») У Библейские аллюзии в пьесе М. А. Булгакова «Адам и Ева»	96
Мирза М.Н. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») У Недетские мотивы в «Сказке о пастушонке Пете...» С.А.Есенина	101
Русских Т.С. (Северо-Кавказский федеральный университет) У Лексические средства представления равнодушия в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	107
Сеченых Е.Ю. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») У истоков формирования жанра комедии в русской литературе XVIII века	112
Шевкопляс А.М. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») У Особенности языковой игры на основе синтаксических конструкций в романе В.В. Набокова «Отчаяние»	116
Шурупова О.С. (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского») У Пути лингвокультурологического исследования промышленного текста русской литературы	121
Володченко Е.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») У Повести Петровского времени. Роль этого жанра в развитии русской прозы XVIII века	127
Логвинова И.В. (Московский государственный институт музыки имени А.Г. Шнитке) У Детское чтение и филологические штудии М. П. Погодина 1820 – 1830-х годов	131
Тыщук Д.С. (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» ОП «Ровеньковский факультет») У Философский характер проблематики сказки С.В. Михалкова «Одноглазый дрозд»	137

CONTENTS

Derivation and Grammar

Bratcun D.A. System of abbreviated field abbreviations «road»	4
Filipsonova N. V. Intraminute synonyms in Russian language	12
Malishevskaya L.S. Formal structural features of the abbreviation group «med»	18
Shtelman T. A. The formal model of equivalence in apographe «moto»	23
Suleymanova S. R. The mononuclear constructions in the structure of complex sentences	29
Tahmazova S. V. Typology of abbreviated compound words	34
Yemelyanova K.Y. Occasional abbreviations in the abbreviation group «euro»	40
Zamaldinov V. E. Cognitive aspect of the analysis of innovations of the standard word-formation structure in the media space	46
Zaibert E.A. Typology of abbreviatory names of devices	51
Galeeva T.R. Morphological and suffixal formation of oikonyms and hydronyms (on the material of Kameshkovskiy district, Vladimir region)	56
Nikolyshina Y.A. Abbreviation names of jewelry: structural and onomasiological aspects	61

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

Andreichuk P.Y. Genre of a historical novel in the first half of the XIX century and its linguistic originality	67
Galkina V. G. Local history study of the life and work of M. M. Prishvin as part of an elective course in literature	73
Gataullina D. N. Speaking and silence as aspects of «double being» in F. I. Tyutchev's poem «Silentium!»	79
Ilna E.A. At the origins of the russian novel (on the material translation work of V.K. Trediakovsky «Riding in the island of love»	85
Kalmykova D.A. Story A.P. Chekhov's «House with a mezzanine»: to the poetics of the late chekhov story	90
Kushtymenko N.V. Biblical allusions in the M.A. Bulgakov's play «Adam and Eve»	96

Mirza M.N. Non childish motives in "The tale of the shepherd Petya ..." by Esenin	101
Russkikh T.S. Lexical means of representing indifference in M.Y. Lermontov's novel «The hero of our time»	107
Sechenykh E.Y. At the origins of the formation of the comedy genre in Russian literature of the XVIII century	112
Shevkoplyas A.M. Elements of language-game based on syntax constructs of Vladimir Nabokov's novel «Despair»	116
Shurupova O. S. The ways of linguocultural research of the industrial Super-text of the Russian literature	121
Volodchenko E.S. Story of Peter's time. The role of this genre in the development of Russian prose of the XVIII century	127
Logvinova I.V. Reading in childhood and philological studies of M.P.Pogodin 1820-1840s	131
Tyshhuk D.S. The philosophical nature of the problems of S.V.Mikhalkov's fairy-tale «The one-eyed thrush»	137

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
  - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
  - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
  - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
  - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
  - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
  - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
  - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
  - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."..."»;
  - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
  - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

- е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

2. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке**.

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- текст аннотации на английском языке (12 кегль)
- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

8. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
9. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
10. ....

N. V. Gladkaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED
TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.